

Людмила Григорьевна ЯЦКЕВИЧ (Кадачёва)

Доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России. Родилась в Череповце в 1944 году. Училась в Череповецком педагогическом институте, в аспирантуре и докторантуре Ленинградского педагогического института им. А. И. Герцена. Работала на кафедре русского языка в Гомельском университете в Белоруссии, затем в Вологодском государственном университете. Автор двухсот публикаций по языкознанию и вологодскому краеведению, в том числе десяти

книг («Структура поэтического текста», «Поэтическое слово Николая Клюева», «На золотом пороге немеркнущих времён: Имена собственные в поэзии Н. А. Клюева», «Очерки морфологии вологодских говоров», «Слово о родной деревне», «Квасюнинская поговорочка» и другие). Подготовила словарь «Народное слово в произведениях В. И. Белова» (2004). Участвовала также в составлении «Словаря вологодских говоров», школьных словарей «Вологодское словечко» и «Золотые россыпи», «Поэтического словаря Николая Клюева». Автор сборника рассказов «Вологодская нива». Публиковала статьи по литературоведению в журналах «Вологодский лад», «Берега», «Родная Кубань», а также на сайтах «Вологодский литератор», «Русская народная линия», «Российский писатель».

ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО
В ТВОРЧЕСТВЕ ВОЛОГОДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Л. Г. ЯЦКЕВИЧ

ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО

В ТВОРЧЕСТВЕ
ВОЛОГОДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

ISBN 978-5-9729-0365-8

9 785972 903658

Л. Г. Яцкевич

ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО

**В ТВОРЧЕСТВЕ
ВОЛОГОДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ**

Москва Вологда
«Инфра-Инженерия»
2019

УДК 82.09:[27-284:281.93]
ББК 83.3(230):86.372.24-4
Я93

Рекомендовано к публикации
экспертным советом по научной литературе
Вологодского государственного университета

Рецензенты:

Андрей Васильевич Петров, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и речевой культуры Северного (Арктического)

федерального университета имени М. В. Ломоносова;

Михаил Васильевич Мелихов, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина».

Научный редактор:

доктор филологических наук, профессор В. Н. Бараков

Яцкевич, Л. Г.

Я93 Православное слово в творчестве вологодских писателей
[Текст] : [монография] / Л. Г. Яцкевич ; [науч. ред. В. Н. Бараков] ; – Москва ; Вологда : Инфра-Инженерия, 2019. – 388 с.
ISBN 978-5-9729-0365-8

В монографии рассматривается творчество вологодских поэтов и писателей с позиций православной этики и эстетики. Земля, благодатно освящённая светом Православия, родила и воспитала целую плеяду писателей и поэтов, отразивших в своём творчестве этот благодатный свет. Задача данной книги — показать, как дух православной веры воплотится в художественных образах и поэтических символах в произведениях вологодских мастеров слова. В книге представлено в этом ключе творчество писателей и поэтов, имеющих очень разный духовный опыт и разный стилистический почерк. Общим для них является приверженность к православной традиции в отношении к жизни, к отечеству, к русскому слову.

Композиция книги построена на основе слов, ключевых для православно-го самосознания русского народа: СВЯТАЯ РУСЬ, ВЕРА, ИСТИНА, ЛЮБОВЬ, ТЕРПЕНИЕ, КРАСОТА, МОЛИТВА, РАДОСТЬ, ГРУСТЬ, СЛОВО, ПОКАЯНИЕ, СОБОРНОСТЬ и некоторых других. Каждое из этих слов стало названием соответствующей главы и определило её тематику.

Книга предназначена для филологов, краеведов, учителей, а также студентов и аспирантов.

УДК 82.09:[27-284:281.93]
ББК 83.3(230):86.372.24-4

ISBN 978-5-9729-0365-8 © Яцкевич Л. Г., 2019

© Издательство «Инфра-Инженерия», 2019

© Оформление. Издательство «Инфра-Инженерия», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	6
Благодатное слово поэтов и писателей Вологодского края.....	7
О духовном и поэтическом созерцании.....	11
СВЯТАЯ РУСЬ	19
Проповедник Святой Руси. О вологодском епископе Никоне Рождественском.....	20
Святорусские картины в произведениях игуменьи Таисии Леушинской.....	25
«Тверды не железом...». Отражение православного самосознания народа в поэзии Н. А. Клюева.....	30
Поэтическая география Святой Руси в творчестве Н. А. Клюева....	34
Лики Святой Руси в творчестве вологодских писателей.....	74
ВЕРА И ИСТИНА	84
Поэтическое исповедание веры в стихотворениях Александра Пошехонова.....	85
Образ святителя Николая Чудотворца в поэзии Н. А. Клюева.....	93
«Весь день поучатися правде твоей...».....	111
МОЛИТВА	117
Молитва как поэтический жанр.....	118
«Свете тихий...». Молитвенное созерцание Божьего мира нашими поэтами.....	122
«Россия, ты дышишь молитвой». О духовных истоках поэзии Н. П. Сидоровой.....	144
ЛЮБОВЬ	151
«Взойдёт любовь на вечный срок...». Христианский идеал любви в поэзии Н. М. Рубцова.....	152
«Полон мир несбывшейся любви». Размышления о поэзии М. И. Карачёва.....	160
«...Семь негасимых лампад...». О жизни и поэзии Н. М. Ивановой-Романовой.....	167
ТЕРПЕНИЕ	183
«Мужайся, будь в терпенье камень...». О духовных истоках трагических противоречий в жизни и творчестве К. Н. Батюшкова (1787–1855).....	184

«Терпение – дом души». О трех рассказах А. А. Цыганова	190
РАДОСТЬ	196
«Радость – слишком царственное чувство». Поэтические прозрения вологодских поэтов	197
Крестьянская смеховая культура в произведениях В. И. Белова: языческие и христианские традиции	206
ГРУСТЬ	224
Русская грусть	225
КРАСОТА	235
Священный дар красоты. Размышления при чтении рассказа Николая Устюжанина «Вечная девушка»	236
«Красота – в глазах смотрящего». Рассказ «Садовник» А. А. Цыганова	241
СЛОВО	247
«Печать божественной творческой руки». К. Н. Батюшков о подражании поэта Творцу	248
«Микулово бездное слово». Пророческий дар Николая Клюева	251
Мир как слово в поэзии Николая Клюева	259
Живая и мёртвая вода слова. Читая Николая Рубцова	274
«Слова лежат в глубинах русских рек...»	278
СВОБОДА И ВОЛЯ	281
Божия воля и русская удаля	282
ГРЕХ И ИСКУШЕНИЕ	306
Образы греха и искушения в произведениях современных вологодских писателей	307
<i>О мистической сущности греха</i>	307
<i>Искушение как дорога к греху и как путь к спасению</i>	312
ПОКАЯНИЕ	315
«Как будто дитя из пожара, я душу свою выношу». Тема покаяния в русской поэзии	316
СОБОРНОСТЬ	336
Образы и символы соборности в творчестве вологодских писателей	337

«Наше великое крестьянское родство»	340
<i>Лад</i>	345
<i>Лик</i>	347
<i>Хор</i>	350
<i>Дерево</i>	355
<i>Дорога</i>	361
<i>Единство живых и мёртвых</i>	365
ЛИТЕРАТУРА	369
СЛОВАРИ	383
Алфавитный указатель вологодских писателей, поэтов и литературоведов	385

ВВЕДЕНИЕ

*Во всей Руси роднее места нет
Для светлых дум и верного свиданья.
Здесь в лихолетья всенародных бед
Поэзия, как животворный свет,
Исходит из небесного сиянья.*

А. А. Романов

БЛАГОДАТНОЕ СЛОВО ПОЭТОВ И ПИСАТЕЛЕЙ ВОЛОГОДСКОГО КРАЯ

Христианская культура пришла на Русь на славянском языке, поэтому она очень рано укоренилась в национальной культуре. Издавна на Руси существовали два вида духовной поэзии. Прежде всего, это церковная, богослужебная поэзия, источником которой были Псалтырь, затем литургические тексты, каноны и акафисты, составленные христианскими святыми. Одновременно появилась народная духовная поэзия, соединяющая в себе библейские и фольклорные образы. Митрополит Иоанн Снычёв посвятил этой теме отдельный раздел своей книги «Самодержавие духа» [101]. Он писал: «Удивительной ясностью понимания и глубиной постижения религиозных вопросов поражают русские духовные стихи. Время их появления установить с достаточной точностью затруднительно, можно лишь уверенно утверждать, что пелись они «каликами переходжими» на Святой Руси с незапамятных времен. В той форме, в которой стихи эти дошли до нас, они существовали уже в XV–XVI веках. На это время – учитывая общий духовный подъем в России – приходится и расцвет русской духовной поэзии. Духовными стихами в русской словесности называют народные песни на религиозные сюжеты. Песни эти пелись бродячими певцами-странниками на ярмарках, базарных площадях, у ворот монастырских церквей – везде, где находилось достаточное число благочестивых слушателей. <...> Певец духовных стихов не умствует лукаво, не «растекается мыслию по древу» немощного человеческого рассуждения. Он верует:

*А я верую самому Христу, Царю небесному,
Его Матери Пресвятой Богородице,
Святой Троице неразделимой...*

Живя в мире церковного опыта, народ твёрдо знает, что вся вселенная управляется всемогущим промыслом Всеблагого Бога:

*Основана земля Святым Духом,
А содержится Словом Божиим.*

И о том же, ещё поэтичнее:

*У нас белый свет взят от Господа,
Солнце красное от лица Божия,
Млад-светел месяц от груди Его
Зори белые от очей Божьих...» [101: 60–61].*

Митрополит Иоанн Снычёв отмечал далее: «Нелепо искать в духовных стихах богословски точных, догматически выверенных формулировок. Вообще учёность – как принадлежность рассудка – не может служить показателем духовной зрелости и мудрости. Зато эту мудрость и зрелость недвусмысленно подтверждает благоговейно-сыновнее, трепетное и любовное отношение ко Спасителю, составляющее главный нерв народной веры» [101: 60–61].

Традиция не прервалась, а упрочилась и в русской художественной литературе. Обращение к религиозным сюжетам и образам, к православным идеалам – характерная особенность русской литературной поэзии во все эпохи её существования. Это духовная поэзия святого Димитрия Ростовского, Симеона Полоцкого, духовные оды Г. Р. Державина, проникнутые христианскими мыслями и чувствами стихи А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. Н. Майкова, П. А. Вяземского, Л. А. Мея, Н. А. Некрасова, И. И. Козлова, И. С. Никитина. Это и библейские мотивы в поэзии и прозе Серебряного века. В наши дни нового христианского возрождения духовные стихи начинают входить в репертуар православных певцов и различных хоровых коллективов и тем самым получают новую жизнь. Появились новые духовные поэты и писатели.

Известный православный историк русской литературы М. М. Дунаев отмечает духовную преемственность в истории русской литературы. Он пишет: «Совесь утверждалась нашими писателями как основная мера всех вещей. <...> И в этом она едина на протяжении всей её истории – от великого «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Новая литература <...> созидалась на традициях предшествующих веков, традиции же эти были освящены идеалами Православия» [42: 4]. В последние годы вышли три тома коллективного труда «Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX – начале XXI века». Составитель и один из авторов А. Л. Казин подчёркивает во введении: «Основная мысль данного коллективного труда заключается в том, что православная христианская вера не исчезла из русской культуры после 1917 года, но продолжала жить в ней на всем протяжении советского периода отечественной истории (как в СССР, так и в русском Зарубежье), и продолжает жить в ней до сих пор» [167: 4].

На Вологодской земле, во всех её концах, в разные времена, совершали свой духовный подвиг святые православные подвижники [35; 47; 107; 192; 65]. Поэтому её образно называют Северной Фиваидой. Термин был введён в обиход православным писателем Андреем Николаевичем Муравьёвым, опубликовавшим в 1855 году свою книгу размышлений о паломничестве по Вологодским и Белозерским святым местам под названием «Русская Фиваида на Севере» [107].

Земля, благодатно освящённая светом Православия, родила и воспитала целую плеяду писателей и поэтов, отразивших в своём творчестве этот благодатный свет. Задача данной книги – показать, как дух православной веры воплотился в художественных образах и поэтических символах в произведениях вологодских мастеров слова. В книге представлено в этом ключе творчество писателей и поэтов, имеющих очень различный духовный опыт и разный стилистический почерк. Общим для них является приверженность к православной традиции в отношении к жизни, к Отечеству, к русскому слову. С. Н. Булгаков, глубокий мыслитель и богослов, писал:

«Связь культуры с культом есть вообще грандиозного значения факт в истории человечества, требующий к себе надлежащего внимания и понимания» [31: 326]. Именно поэтому представляется закономерным рассмотреть творчество вологодских поэтов и писателей с позиций православной этики и эстетики, несмотря на то, что почти все они жили в эпоху всеобщего атеизма. Но у вологодских писателей душа – христианка, о чём свидетельствуют их произведения. Известный вологодский критик Василий Александрович Оботуров считал, что духовная традиция в поэзии гораздо сильнее и устойчивее стилистических традиций. Он писал: «Влияния, источники поэзии, по мнению Гёте, роли особенной не играют: «Суть в том, чтобы иметь душу, которая любит истину и воспринимает её там, где находит». Так ведь и складывается живая традиция – не во внешнем подражании, а во внутреннем родстве, за счёт каких-то духовных связей» [114: 200].

Вологодская земля богата талантливыми творцами слова. Мы обратились к творчеству только некоторых писателей. Отметим с сожалением, что объём книги не позволил рассказать о многих писателях и поэтах, достойных продолжателях православной традиции в русской литературе. Даст Бог, удастся написать о них в другой раз.

Композиция книги построена на основе слов, ключевых для православного самосознания русского народа: ВЕРА, ИСТИНА, ЛЮБОВЬ, ТЕРПЕНИЕ, КРАСОТА, МОЛИТВА, РАДОСТЬ, ГРУСТЬ, СЛОВО, ПОКАЯНИЕ, СОБОРНОСТЬ и некоторых других. Каждое из этих слов стало названием соответствующей главы и определило её тематику. Эти ключевые слова являются вечными спутниками жизни русского человека. Просто и значимо сказал о них поэт Юрий Максин [95: 34]:

*Немного в целом мире вечных слов,
веляющих сознание народа:
Любовь, Семья, Отечество, Природа,
Надежда, Вера и опять Любовь ...
Они роднят и очищают кровь.*

О ДУХОВНОМ И ПОЭТИЧЕСКОМ СОЗЕРЦАНИИ

*И вспоминая о Поэте,
Не позабыть бы нам одно:
Что слово может всё на свете,
Когда божественно оно.*

Николай Рачков. Пушкин

Нередко в современной публицистике обсуждают вопрос: имеют ли право писатели и поэты поднимать религиозные темы, писать о Православии? Посильна ли для них эта сложная задача? Ведь они не святые и не богословы! На этот вопрос существует множество ответов, в том числе и самих писателей. В нашей книге они тоже прозвучат от лица писателей Вологодской земли. Но сначала обратимся к мнению наших великих философов и богословов, которые эту тему рассматривали в своих творениях.

Святитель Игнатий Брянчанинов постоянно обращался к мысли о необходимости духовного опыта у тех, кто нас учит Истине, правильному пониманию себя и нашей жизни. Сам святитель в своих творениях всегда опирался на Священное Писание и Священное Предание, на подвижников благочестия. По ним он поверял собственные слова и поступки. Говоря о **духовном достоинстве слова**, он ссылается на святого Исаака Сирина, который писал: *«Иное достоинство слова из духовной опытности, и иное достоинство слова красноречивого. Учёность умеет украшать слова свои, и, не изучив дела опытно, умеет она беседовать великолепно о истине,*

не ведая истины; умеет она пространно излагать о добродетели, никогда не вкусив познания ее от упражнения в ней. Слово от духовной опытности – сокровищница надежды, а учёность без опытного знания – залог стыда» [142: 732–733].

К сожалению, известно, что литература далеко не всегда учит истине. Она можем увлечь и в духовную прелесть. Отец Сергей Булгаков, предчувствуя эту, как он говорил, «музыку будущего», в книге «Свет невечерний» писал о многоликом духовном хлыстовстве, охватившем мир искусства в XX веке: «Столь слабо ощущается в нём расстояние между Творцом и творением, что он роковым образом приближается к миро- и человекобожию разных оттенков и проявлений [31: 5]. При таком отношении к религии в творчестве поэтов и писателей происходит подмена всего самого существенного: «молитва – радением или медитацией, око веры – интеллектом, таинство – экстазом, религия – мистикой... В них же подготавливается и назревает предельное явление хлыста-богочеловека, имеющего вступить в открытое соперничество с Богочеловеком: уже слышится понемногу эта «музыка будущего» [31: 5]. Духовной прелести С. Булгаков противопоставляет истинное религиозное сознание, в котором есть живая связь с Богом. Тогда «человек в себе и через себя обретает новый мир, перед которым он трепещет от страха, радости, любви, стыда, покаяния. Религия не есть только музыка души, она звучит для меня, но и вне меня, надо мной <...>. Ей присуща наибольшая **серьёзность реализма**. В этом её реализме состоит главное отличие религии от беспредметной, субъективной, эстетизирующей религиозности, которую не прочь развлечься, как пикантным соусом настроений, современная эстетизирующая переутончённость» [31: 19].

А поскольку религии, по слову С. Булгакова, присуща **серьёзность реализма**, то и писатели должны быть реалистами при обращении к православным темам в своих произведениях. Наша книга посвящена вологодским писателям, для творчества которых характерен **духовный реализм**. Это не значит, что их произведения буквально соотносятся с православными канонами и православным

катехизисом. Речь идёт о единстве православного духа, который пронизывает русскую литературу (и вологодскую, как ее часть) независимо от того, насколько писатель владеет церковной терминологией.

Духовный опыт связан с умением созерцать, то есть видеть мир в органическом единстве, в центре которого Бог. Созерцание бывает разным по способам и результату. Одно дело – философское созерцание, другое дело – богословское созерцание, и совсем иное – видение мира чистой душой и чистым духом, которое свойственно только святым. Поэты и писатели – не богословы, да и философствуют они тоже по-своему, не как профессиональные философы. И конечно, они – не святые. Однако Бог дал им талант художественного созерцания мира, удивительно глубокого у самых одарённых. Именно в художественном слове они раскрывают христианские истины. Как сказал вологодский поэт Юрий Максин:

*Поэзия – порядок слов,
который продиктован свыше.
Его сперва поэты слышат,
потом – кто слушать их готов.*

Как только поэт начинает гордиться и превозноситься, осознавая свой высокий дар, как сразу же его теряет. Поэтому сохраняют свой поэтический талант те творцы, которые понимают разницу между духовными и поэтическими дарами Бога. Например, Александр Блок осознавал это, когда писал:

*Сама судьба мне завещала
С благоговением святым
Светить в преддверье Идеала
Туманным факелом моим.*

*И только вечер – до Благого
Стремлюсь моим земным умом,
И полный страха неземного
Горю поэзии огнём...*

А. Блок говорит о том, что поэт пребывает в своём созерцании всего лишь «в преддверье Идеала», и факел его – туманный, и ум у него – земной, а не небесный. Однако его души коснулась Божия благодать, поэтому ему суждено «светить с благоговением святым». Душа поэта трепещет, «горит поэзии огнём» и полна «страха неземного». Блок, как никто другой, воспел таинство поэтического созерцания, которое сродни религиозному.

Действительно, несмотря на различия духовного и поэтического созерцаний, и то и другое связано с особым типом мышления. Это не последовательное логическое мышление, а «круглое» мышление, как его определил ещё античный философ Парменид в V веке до новой эры. Своё философское созерцание он описывает, используя мифологемы-символы. Н. С. Трубецкой так характеризует его: «Философское умозрение Парменид описывает как божественное откровение. Одухотворенные кони несут его на колеснице по божественному пути: солнечные нимфы Гелиады, поднимая свои покрывала, ведут его к свету, оставив обители ночи. Он достигает врат ночи и света, ключи которых стережет могучая мстительница Дике (правда). Небесные девы просят ее о пропуске и вводят коней и колесницу в жилище богини Света:

*Богиня меня приняла благосклонно и, взявши десницу,
Так обратилась ко мне и речь мне такую держала:
Радуйся, юноша! Ты, сопричтенный к бессмертным возницам,
Ты, что, несомый конями, приблизился к нашему дому,
Здравствуй! Не злая судьба сей путь тебе указала
(Ибо далек этот путь от путей остальных человек),
Суд и Правда вели тебя. Все тебе должно узедать:
Истины твердое сердце в круге ее совершенном
И мнение смертных людей, в котором нет истинной правды.
Но и его совершенно познай, т. е. мненье, как ложное мненье,
Должно тебе вполне испытать, исследуя все всесторонне. [176]*

Отец Павел Флоренский, который использовал приёмы «круглого» мышления в своих богословских и философских работах,

так охарактеризовал этот тип мышления и соответствующего словесного текста: «Связи отдельных мыслей органичны и существенны; но они намечены слегка, порой вопросительно, многими, но тонкими линиями. Эти связи, полунайденные, полуискомые, представляются не стальными стержнями и балками отвлечённых строений, а пучками бесчисленных волокон, бесчисленными волосками и паутинками, идущими от мысли не к ближайшим только, а ко многим, к большинству, ко всем прочим. <...> Как в римановом пространстве всякий путь смыкается в самом себе, так и здесь, в круглом изложении мыслей, продвигаясь различными дорогами всё вперёд, снова и снова приходишь к отправным созерцаниям» [181: 27]. Созерцательный тип мышления представляет мир как нечто органически целое, поэтому символом такого понимания является шар. Обратимся опять к поэме Парменида:

*Сущее все замыкается в круге пределом конечным,
Массой своей подобно оно совершенному шару,
Коего центр от окружности всюду равно отстоит,
Части же всюду равны – ни больше, ни меньше друг друга;
Сущее здесь или там: оно нерушимо и цело,
Все отовсюду равно до самых пределов от центра.
Здесь я кончаю тебе достоверное слово и думу
Об истине. [176]*

Диалектик Гегель сказал об этом же очень кратко: «Истина в целом». Источник мудрости – в Библии: «Истина Господня пребывает вовек» (Пс. 116, 2). Христианские святители продолжают говорить: «Благочестие и истина пребывают неизменными» [147: 423].

Но как прикоснуться к истине? Святитель Тихон Задонский ответил так на этот вопрос: «Истина – от духовного рождения». И далее: «Истинность присуща духовной мудрости» [147: 421]. Писатель, как творец, обладающий духовной мудростью, только тогда достигает художественного совершенства, когда «правды жизни не нарушит». Великий русский поэт Сергей Александрович Есенин знал это:

*Быть поэтом – это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.*

С. А. Есенин удивительно глубоко чувствовал **жертвенность судьбы** поэта. Иисус Христос своей жертвенной кровью питает дух, дает душе человека жизненные силы. А поэт – *кровью чувств* облагораживает («ласкает») души людские, и тем самым живит их и дает возможность прикоснуться к истине.

Прежде, чем переходить к основной теме данной книги, посвященной православному слову в творчестве вологодских писателей, ещё раз вернёмся к мысли о различии духовного и поэтического созерцания, а значит и о различии духовного и художественного слова, даже если это слово обращено к православным темам и символам. Преподобный Макарий Великий, святой IV века, в одной из Бесед размышлял «о различии между словом Божиим и словом мира, между чадами Божиими и чадами мира сего». Он писал: «Слово Божие есть Бог, а слово мира есть мир. Но большое различие и расстояние между словом Божиим и словом мира. Ибо всякое порождение уподобляется своим родителям» [127: 403].

Наш современный поэт-пророк Юрий Поликарпович Кузнецов также считал, что нашим мирским словом нельзя передать слово Божие. Символом этой мысли он избрал древнего мудреца Пифагора, который «*первым из людей замкнул уста / И сей завет назвал щитом молчанья*». Стихотворение «Молчание Пифагора» написано в 1991 году, в эпоху всеобщей болтовни и митингов, под шум которых тогда и обманули русский народ. Поэт считал, что истина и красота познаются созерцательно и в молчании:

*И в прошлый раз на берегу пустынном,
Когда он треугольник начертил:
– Вот красота! Тут множество в едином.
Безмолвствует такая красота,
Она не для обычного сознанья.*

Юрий Кузнецов выражает парадоксальное суждение: истинная поэзия ведёт автора «к безмолвию просветлённых и святых», то есть к молчаливому созерцанию Истины:

*Вперёд, вперёд! Веди, угрюмый стих!
Веди меня по всем камням-дорогам
К безмолвию просветлённых и святых,
Обет молчанья давших перед Богом.
Веди в подвалы вздыбленных держав,
Где жертвы зла под пытками молчали;
Ни истины, ни правды не предав,
Они самозабвенно умирали.
Замри, мой стих!.. Безмолвствует народ
В глухой долине смуты и страданья.
И где-то там, из мировых пустот
Очами духа светит щит молчанья.*

[86]

Это коренная мысль русской литературы. Яркий пример тому новая книга вологодского поэта Андрея Лушникова, которая так и называется «Встреча с тишиной» [94]. Поэт в молчании созерцает духовный смысл жизни. Отражённые в его поэзии библейские события воспринимаются так, как будто они произошли в наше время, в нашей жизни. Символически звучат строки последнего стихотворения в этой поэтической книге:

*И, словно жалея, тропинка
Меня поведёт в тихий лес,
Где вскрикнет лишь изредка птица,
Где я полной грудью вздохну,
Молчанию буду учиться
И слушать небес тишину.*

[94]

В нашей книге «Православное слово в творчестве вологодских писателей» мы постарались представить те произведения, которые,

действительно, ведут, по словам поэта Ю. П. Кузнецова, *«по всем камням-дорогам К безмолвью просветлённых и святых»*, то есть заставляют задуматься о духовном пути человека.

Особенность вологодских писателей – духовная скромность, поэтому мы не найдём в их произведениях поучений, наставлений и призывов... А есть только глубокая дума о смысле жизни человека, выраженная в художественных символах и образах, а также понимание той роли в истории России, которую мужественно выполняла во все века Русская Православная Церковь.

СВЯТАЯ РУСЬ

*Я бормотал: «Святая Русь,
Тебе и каторжной молось!..
Ау, мой ангел пестрядинный,
Явися хоть на миг единый!»*

Николай Клюев

ПРОПОВЕДНИК СВЯТОЙ РУСИ

О вологодском епископе Никоне
Рождественском

В 2019 году исполняется 100 лет со дня гибели известного духовного писателя и общественного деятеля епископа Вологодского и Тотемского Никона Рождественского (4 апреля 1851 г. – 12 января 1919 г.).

С детства будущий святитель приобщился к духовному чтению. К восьми годам он уже прочитал Библию три раза. И в дальнейшем вся его жизнь была посвящена изучению Священного Писания и творений святых отцов, духовному просвещению народа. В своих многочисленных трудах, которые при его жизни публиковались миллионными тиражами и распространялись по всей России, этот талантливый и мужественный писатель смело защищал православные устои государства и его традиционные духовные ценности. В наше время к его духовному опыту обращаются те, кто обеспокоен надвигающейся новой гражданской смутой и новыми нападками на Русскую Православную Церковь. Так, например, недавно появилась публикация его книги «Православие и грядущие судьбы России» [5].

Будучи епископом Вологодским (1906–1912), Никон Рождественский издал удивительно вдохновенную книгу «Чѣмъ жива наша русская православная душа» [111]. В ней он с любовью рисует картину современной ему Святой Руси:

«Кому не случалось путешествовать по родным палестинам? Вспомните чудную картину, полную мира и утешения для русского сердца: вот вы поднялись на возвышенность, откуда открывается

чудный вид на далёкие окрестности, – что прежде всего вы замечаете? Храмы, храмы и храмы! Вы насчитываете их больше десятка на пространстве открывшегося горизонта. Вон, там, вдали, в синеве тумана, на высокой горе, как светлый маяк, красуется церковь Божия с высокой колокольнею; вот ближе из-за леса виднеются два-три храма, выступая своею белизной из зелени деревьев; там храм Божий приютился у подножия горы, а тут стоит на ровной местности, окружённый хижинами поселян, как бы собирая их яко кокош под крыле свои... И крестится православный русский человек, любясь на эту родную его сердцу картину, и радуется его сердце, что так хорошо жить на свете, когда куда ни взглянешь – на тебя смотрит Божий храм, везде-то можно отдохнуть душой, везде можно миром Богу помолиться... И невольно приходит на мысль: а что, если бы можно было одним взглядом, сразу окинуть всю Русь православную, от Тихого океана до моря Балтийского, и от океана Ледовитого до палимых солнцем степей Средней Азии, если бы можно было взглянуть на неё – необъятную в те дни великие, когда сотни тысяч храмов Божиих бывают открыты, когда православный люд отовсюду стремится в них с крестным знаменем, когда по всей Руси гудят сотни тысяч колоколов или заунывно, как во дни поста и покаяния, или же радостно-торжественно, как в Пасхальную Святую ночь: что за величественная, трогательная, единственная во вселенной картина развернулась бы перед нами! Хороша ты, наша Русь-матушка, прекрасна неземною красотой храмов Божиих, тепло и уютно живётся под благодатным кровом их миллионам простых верующих душ: есть им где свои скорби перед Богом излить, своё бремя сложить, есть где и поплакать в горести, и порадоваться в радости, и Бога прославить!» [111].

Далее епископ Никон останавливается с замиранием сердца и восклицает: «А что было бы, если бы вовсе храмов Божиих не было? О как холодно, мрачно, тоскливо и пусто было бы на земле для русского человека!» Мы, современные его читатели старшего поколения, познали это на собственном горьком опыте, живя многие годы среди уничтоженных или порушенных церквей. Тогда сами слова

церковник и церковность для многих наших соотечественников имели отрицательную окраску. Ими клеймили тех, кто открыто сохранял верность Православной Церкви и не стеснялся этого. А между тем эти слова относятся к золотому запасу русской культуры. Епископ Никон пишет:

«Церковность есть живая стихия русской народной жизни, и пока народ живёт ею, дотоле жива и православная русская душа, дотоле и её общение с небесной Церковью будет для неё неиссякаемым источником благодатной жизни, света, радости и светлой надежды на блаженную вечность, – дотоле и для каждого верующего члена Христовой Церкви будут отверсты объятия Отца Небесного, и он не будет лишён, хотя в малой мере, утешения ощущать это в своём сердце и свидетельствовать о сём личным опытом» [111].

Святитель считал важным иметь личный опыт приобщения к благодати Божией: *«Кто из искренно верующих не испытал хоть раз в жизни на себе или не слышал благоговейных повествований от других о дивных явлениях благодати Божией, утешающей, возрождающей исцеляющей и к Богу наше сердце устремляющей?»* [111]. Сам епископ Никон с юных лет имел духовных наставников, ярких представителей Святой Руси – архимандрита Леонида Кавелина, настоятеля Ново-Иерусалимского монастыря, старцев, подвижащихся в Троице-Сергиевой лавре, он имел общение со святыми Иоанном Кронштадтским и Феофаном Затворником. Епископ дорожил опытом, который он приобрёл, общаясь с ними, а также с простыми богомольцами и странниками:

«Бог благословил мне почти 30 лет прожить в обители преподобного Сергия, печальника родной земли. Бог привел мне быть в постоянном общении именно с этими чадами Божиими, простыми сердцем носителями истинно русского православного духа. Вот где лучшие люди Русской земли, вот где соль ее – в этих смиренных богомольцах, что тысячами идут и идут за тысячи верст в Киев, Саров, Соловки, Старый и Новый Афон, Валаам, идут к преподобному Сергию и другим угодникам Божиим» [111].

Отец Никон сделал многое для того, чтобы Благая Весть распространялась по всей России, чтобы люди знали своих святых и молитвенников. До революции большой популярностью в народе пользовались его «Троицкие листки», которые распространялись миллионными тиражами. В 1885 году о. Никон Рождественский издаёт книгу «Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея Руси чудотворца». Он сотрудничал в различных периодических изданиях, например, «Русское обозрение», «Русское слово», с 1902 по 1917 годы он издавал школьный журнал «Русская нива».

Епископ Никон Рождественский считал, что в смутные времена особенно важно духовное просвещение народа, оно позволит сохранить его историческое единство и соборность. Он писал: *«Исстрадавшаяся душа ищет опоры, ободрения, нравственной поддержки, и мысль невольно обращается к векам минувшим, и хочется раскрыть летописания церковные или жития святых, даже – даже наши русские летописи, чтобы перенестись хоть на несколько минут в иной мир, совсем на современный нам мир непохожий. Какая была тогда горячая, младенчески простая, но могущая и горы представлять вера! Наши предки, не говорим уже о Божьих угодниках, были – это чувствуется как непреложная истина – были как бы в непосредственном общении с небом: для всего у них была одна мерка – согласно или несогласно известное деяние, даже намерение, с волей Божией; грех они грехом и называли, правда, грешили, но и каялись в своих грехах от всего сердца сокрушенного и духа смиренного: приходила беда – к Богу и Его угодникам обращались; Матерь Божия всегда была первым прибежищем русского человека; Церковь являлась всемогущою заступницею, руководительницею в жизни, которой слушались и властители, и смиренные земли; история нашего народа была историей Церкви, а так как Церковь в своей сущности есть живой, неумирающий организм, части коего находятся в живом непрестающем общении друг с другом, и люди, живущие на земле, присно пребывают в общении с отшедшими к Богу, то народ наш возрастал, как единый цельный организм,*

для которого прошлое было столь же жизненно, как и настоящее. Он черпал силы и жизненную мощь из прошлого не в уроках только истории, как у других народов, а в живом общении со святыми предками своими посредством молитвы, посредством божественной Евхаристии, посредством дел любви, творимых от имени тех, кого уже нет на земле. – Да, то была настоящая христианская жизнь!» [111].

Пророчески всматриваясь в современную ему предреволюционную жизнь России, епископ Никон с горечью осознает надвигающееся крушение Святой Руси: *«То ли теперь? Тем ли живет ныне русская душа? С болью сердца мы наблюдаем глубокое падение нравов, а что особенно ужасно – это какое-то безотрадное отчаяние в религиозном отношении: как будто на наших глазах совершается то ужасное «отступление», о коем говорит апостол Павел в послании к Солунянам. И является страшная мысль: уж не умерла ли на Руси та вера, которая давала ей жизнь на протяжении тысячи лет? Уж не порвалась ли та святая нить, которая соединяла нас с небом? Уже не близко ли то время, о коем сказал Господь: егда придет Сын Человеческий – обрящет ли си веру на земли?..»* [111].

Вместе с тем, накануне страшных гонений на Православную Церковь, святитель так же пророчески провидит: *«Нет! Ещё жива русская православная душа! Ещё не погас светильник Церкви Православной на Руси! Ещё есть души верующие, души, Богу преданные, души, для которых небо столь же осязательно реально, как и вся окружающая их жизнь»* [111].

Через сто лет, обращаясь к творчеству вологодских писателей и поэтов, мы убеждаемся в том, что эти слова епископа Вологодского Никона, действительно, были пророческими. Авторы, жившие и ныне живущие на Вологодской земле, сохранили веру отцов и духовные традиции великой русской литературы.

Вслед за нашим поэтом Николаем Рубцовым мы, как молитву, повторяем сокровенные слова:

Россия, Русь! Храни себя, храни!

СВЯТОРУССКИЕ КАРТИНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИГУМЕНЬИ ТАИСИИ ЛЕУШИНСКОЙ

Игуменья Таисия (в миру Мария Васильевна Солопова – 1842–1915 гг.) – известная православная подвижница благочестия, духовная дочь святого праведного Иоанна Кронштадтского. На Русском Севере в конце XIX и начале XX века она участвовала в создании многих монастырей: Леушинского Иоанно-Предтеченского – недалеко от Череповца, Парфёновской пустыни также около Череповца, Сурского Иоанно-Богословского – на родине Иоанна Кронштадтского, Иоанновского на Карповке – в Санкт-Петербурге. Она также возродила в качестве женских древний Ферапонтов монастырь и Антониево-Черноезерскую пустынь. Леушинский монастырь был одним из самых больших женских монастырей России.

Игуменья Таисия внесла свой вклад в развитие православной культуры и как духовный писатель [162]. В её литературном наследии есть «и богословско-аскетические сочинения, и жизнеописания, и богослужебные тексты, и поэтические произведения» [162: 8].

Читая «Записки игуменьи Таисии», «Беседы отца Иоанна Кронштадтского с игуменьей Таисией», а также «Письма игуменьи Таисии к отцу Иоанну Кронштадтскому» [162], удивляешься тому, насколько живым был дух Святой Руси в наших краях немногим более ста лет назад! Важно, что эти картины Святой Руси запечатлела подвижница, которая ещё в юности знала всё Евангелие наизусть, писательница-монахиня, которую долгие годы духовно окормлял святой Иоанн Кронштадтский. Его приезды в Леушинский монастырь игуменья Таисия описала в своих воспоминаниях. Читая их, представляешь удивительную картину: святой идёт по нашей северной земле и благословляет природу и людей. Далее приведём отдельные выдержки из этих воспоминаний:

«Едем с ним, бывало, от пристани нашей «Борки» до монастыря; дорога всё идёт лесом, а версты три до монастыря, пересекая

дорогу, проходит полоса монастырского леса; и станет Батюшка благословлять его на обе стороны: «Возрасти, сохрани, Господи, все сие на пользу обители Твоей, в ней же Имя Твое святое славословится непрестанно». <...> Подъезжаем к деревне, расположенной за одну версту от обители и составляющей весь её приход, а там по обеим сторонам пестреет народ, вышедший на благословение к великому гостю: мужички, с обнажёнными головами, кланяются в пояс; женщины с младенцами в руках, спешат наперерыв поднести своих деток, хотя бы ручкой-то коснулся их Батюшка. <...> А Батюшка на обе стороны кланяется, благословляет, говоря: «Здравствуйте, братцы! Здравствуйте, матери! Здравствуйте, крошечки Божии! Да благословит вас всех Отец наш Небесный! Христос с вами! Христос с вами!» [162: 145–146].

Игуменья Таисия описывает, как встречали святого Иоанна Кронштадтского в самом Леушинском монастыре. И здесь перед нами предстаёт святорусская картина:

«А как только пойдут монастырские постройки, ... тут встречаются сёстры с громким стройным пением: «Благословен грядый во имя Господне!» и далее с пением провожают до самого соборного храма, где встречают священнослужители, а звон в большой колокол давно уже гудит. Похоже на что-то пасхальное, прерадостное: общий подъём духа, общее торжество!» [162: 146].

Встречаясь с богомольцами, которые спешили в монастырь к его приезду, Иоанн Кронштадтский нередко проповедовал, даже в поле и в саду. Вот один из таких эпизодов:

«...Иные девушки подносили ему полевые цветы, особенно часто фиалки белые и лиловые, которые Батюшка очень любил. Так, однажды, приняв эти букеты, он держал в руках один из них и, рассматривая его, сказал Евангельское слово:

«Ни Соломон во всей славе своей не одевался так, как каждая из полевых лилий. Если Отец Небесный так одевает цветок, который сегодня есть, а завтра брошен будет в печь, то не тем ли более вас, маловерные». Как очевидна истина Божия: «Ищите прежде

Царствия Божия и правды Его, а всё остальное приложится вам». Это я испытываю на себе...» [162: 159].

Особое место в творчестве игуменьи Таисии занимает описание пророческих снов, которых она сподобилась как человек высокой духовной жизни. Эти сокровенные сны она включила в свои воспоминания после больших душевных колебаний и только после того, как её благословил на это святой Иоанн Кронштадтский. Известно, что вещие сны – это особый жанр древнерусской литературы. Нередко они включаются в жития святых. Однако позднее, в литературе XIX и XX веков, сны используются уже как художественный приём. Отметим, что наш северный поэт Николай Алексеевич Клюев возобновил этот древнерусский жанр в своём творчестве [78; 202: 12–68]. Вещие сны поэта записывал его друг Николай Архипов, они не были литературным приёмом, а, как и в житийной литературе, отражали сокровенную жизнь верующей души в образах сновидений.

То же самое можно сказать и о снах игуменьи Таисии. В её воспоминаниях нет художественного вымысла или какого-то хвастовства и приукрашивания. Это исповедь чистого и духовно мужественного человека, причём одобренная и благословлённая святым Иоанном Кронштадтским. Таким образом, православные читатели верят, что сны были в её жизни как особое чудо, которое могло произойти только со святым человеком, который постоянно пребывает в молитве, а значит – постоянно связан с Богом и духовным миром. В стихотворениях игуменьи Таисии нашло отражение это особое высокое состояние души:

*На берегу реки широкой,
Среди безмолвной тишины,
Сижу я в келье одинокой
В полночи тихие часы.
Ещё не брезжится рассветом
Передо мною небосклон, –
Ночным, таинственным приветом
Дарит природа; всюду сон,*

*И тишину ту нарушает
Лишь тихий плеск ленивых волн,
Когда веслом их рассекает
Рыбак, влача свой утлый чёлн.
Мой взор куда-то в даль стремится,
Она покрыта мглой ночной;
И сердце просится молиться,
Легко ему в тиши святой!
О, как далёка вся тревога,
Мне словно чуждым стал весь мир –
Я созерцаю в небе Бога,
Я ощущаю в сердце мир!*

[162: 252]

Читая это стихотворение, думаешь: действительно, праведные люди достигают рая ещё на земле.

Обычно сны-видения появлялись в самые сложные, переломные периоды жизни Таисии Леушинской, начиная с детских лет. Самое первое видение было в Пасхальную ночь, когда Марии (мирское имя игуменьи) было 12 лет, и она болела корью, поэтому на праздничной службе не была:

«... Среди ночи я была разбужена слышанием какого-то шороха. Проснулась, стала прислушиваться, – слышу шорох какой-то необычайный, как будто шелест крыльев птицы. Открываю глаза и в удивлении вижу совершенно ясно и очевидно, среди полной ночной темноты, какое-то существо солнцеобразно-светлое, крылатое, летающее под потолком и повторяющее голосом слова: «Христос воскрес! Христос воскрес! ... О какую неземную радость почувствовала и моя детская душа! Точно влилось в неё что-то дотоле ей неведомое, сладкое, овладевшее ею всецело» [162: 20].

Игуменья Таисия вспоминает: *«Чувство, поселившееся при этом в душу, уже никогда не оставляло её и словно положило в ней начало чему-то новому и таинственному, что и для меня самой до времени не было ясно»* [162: 20].

Второе чудное видение девочки-подростка произошло ночью после причастия и совершило, по её словам, «решительный и окончательный переворот» в её жизни, указало на её призвание стать монахиней и служить Господу. Виделось Марии, что она стоит на коленях на зелёном лугу на берегу реки, а на другом берегу – шумный город. Оттуда доносится крик, шум, стук, говор. *«Как я была довольна, что ушла оттуда на этот берег, в это тихое уединённое поле!»* – вспоминает она. А затем Мария *«увидела себя в каком-то ином мире, как мне думалось – на небе; ... там было так светло, чудно хорошо, что я не берусь и не в силах описать»*. Девочка увидела сонмы святых, которые пели, евангелиста Матфея и самого Спасителя – Иисуса Христа: *«Его лика я не разглядела, да и возможно ли было это при таком сильном ослепительном сиянии? Помню только очи Его, чудно-голубые, точно в них-то и отражалось всё небо голубое, они так мило-стиво, с такой любовью устремлены были на меня!»* [162: 23–24]. Когда Мария проснулась, она долго приходила в себя, ей не хотелось расставаться с увиденным. Долго она предавалась воспоминаниям и размышлениям, наконец, потихоньку встала, оделась, умылась и направилась к домово́й церкви. Всю оставшуюся ночь девочка плакала и молилась, обращаясь к Господу, Который в эту ночь дал ей обетование на всю жизнь.

Особенно привлекает нас, современных людей, сон Таисии перед назначением её в Леушинский монастырь игуменьей. В нём пророчески предсказано трагическое событие в наших краях – затопление Леушинского монастыря и многих городов и сёл в районе реки Мологи при создании Рыбинского водохранилища в 30–40-е годы:

«В конце января 1881 года видится мне следующий сон. Иду я где-то и подхожу к ржаному полю; рожь так высока, густа и хороша, что на редкость, а мне предстоит всё это поле пройти, именно рожью... Раздвинув последнюю долю ржи, оставшуюся передо мной, руками, я увидела, что поле уже кончилось, и тут же, сряду, начинается огромное пространство воды, которому и конца не видно; но я почему-то знала, что это вода наливная, а не самобытная, что тут – луг, сенокос, затопленный временно, и что поэтому, имея

под ногами твёрдую почву, идти этой водой безопасно, и я пошла; между тем, оказалось довольно глубоко, чем дальше, тем глубже, и я стала бояться утонуть, так как плавать не умею, а вода накрывала меня по шею ... » [162: 100].

Таким образом, игуменья Таисия Леушинская в своих произведениях продолжила традиции учёного монашества, русских святителей Тихона Задонского и Игнатия Брянчанинова.

«ТВЕРДЫ НЕ ЖЕЛЕЗОМ...»

Отражение православного самосознания народа
в поэзии Н. А. Клюева

*Студеная Кола, Поволжье и Дон
Тверды не железом, а воском икон.*

Н. А. Клюев

Русская поэзия является наивысшей формой выражения национального самосознания. В годину лихолетья, в смутное время русский человек обращается к ней как к источнику духовных сил, необходимых ему для преодоления темного хаоса безвременья и последующего возрождения.

В 1954 году, обозревая события российской истории двадцатого века, И. А. Ильин с тревогой вопрошал: «... Когда русским людям дан новый опыт подлинного зла, подлинного страдания и предчувствие грядущего величия, следовало бы ждать от русской поэзии настоящих песен и пророчеств... Где же это все?» [62: 311]. Знаменательно, что в том же 1954 году, как ответ на этот вопрос, за границей выходит собрание сочинений Николая Алексеевича Клюева [70], поэта, воплотившего в своем творчестве духовное наследие Святой Руси, ее историческую память.

Давно замечено, что русская культура имеет прерывистый характер в силу трагического течения ее истории. Творчество Н. А. Клюева связывает «цепь времен», прошлое и будущее России

в единое целое. В этом заключается великая созидаящая сила его поэзии.

Нередко масштабы личности поэта и его творчества неправомерно сужают в социально-культурном плане, включая его в группу новокрестьянских поэтов, ограничивают в географическом плане, называя его олонецким поэтом, и наконец, – в плане духовном, связывая своеобразие его творчества исключительно с расколом и сектантством. С другой стороны, поэтическое наследие Н. А. Клюева пытаются оторвать от исконно русских корней. Так, парижский исследователь Эммануил Райс начинает свою статью с обобщения: «От всего облика Клюева веет каким-то холодком. Он как бы всем чужой» [133: 53]. Однако это лишь субъективное впечатление. Сам Клюев, словно возражая парижанину, писал о своей сердечной связи с Россией и ее святынями:

*Сердце, сердце, русской удали жильё,
На тебя ли ворон точит лезвие,
Чтоб не пело ты, как воды в ледоход,
Чтобы верба за иконой не цвела,
Не гудели на Руси колокола... [77: 340]*

Заметим, что слова *сердце, душа, Русь, Россия* относятся к самым частотным в поэтическом словаре Клюева. Слово *сердце* употребляется 190 раз, *душа* – 240, *Русь, Россия* – 170 [ПСК, 1].

Э. Райс считает Клюева единственным великим мистическим поэтом России. Духовную специфику его поэзии он связывает с хлыстовством, которое считает «специфической религиозной сущностью русского духа». Подчеркивая таинственность, загадочность Клюева, он предполагает: «Возможно, что хлыстовство и есть зерно еще не открытой миру тайны России» [133: 63, 88]. Поэзия Клюева опровергает это мнение Э. Райса со всей художественной убедительностью (несмотря на то, что в молодости поэт интересовался хлыстовством, как и другие поэты и философы начала века). Так, для хлыстовства были чужды традиционные святыни крещеной Руси, а Клюев утверждает свою близость к ним:

*Стало озеро выпрашивать,
Оно стало мне рассказывать
Тайну тихую поддонную
Про святую Русь крещеную.*

[77: 112]

Хлыстам была чужда православная культура древней Руси, а Клюев пишет:

*И певчей калиткою стукнет Садко:
«Пустите Бояна – Рублевскую Русь,
Я тайной умоюсь, а песней утрюсь».*

[77: 347]

И наконец, насколько несовместимы с хлыстовскими антилитургическими настроениями и мистическим эротизмом чистые слова Клюева о Есенине:

*Как к причастью звоны, мамыны иконы,
Я его любил.*

[77: 90]

Нельзя согласиться также и с утверждением Э. Райса о том, что Клюев чуть ли ни единственный мистический поэт России. Дело в том, что мистическое сознание нельзя сводить к ограниченному темному кругу сектантских умонастроений и чувств, свидетельствующих о болезни духа. Мистическая сторона поэзии Клюева отражает духовную жизнь православной России и имеет свои литературные истоки в древнерусском творчестве, а также в русской литературе XIX века: в произведениях Г. Р. Державина, Ф. Н. Глинки, В. А. Жуковского, А. С. Хомякова, И. С. Никитина, А. К. Толстого, Константина Романова, В. С. Соловьева, А. А. Блока.

Клюев пишет о том, что ему дороги христианские духовные ценности, за которые он готов принять страдание:

*Как перс священному огню,
Я отдал дедовским иконам*

*Поклон до печени земной,
Микула с мудрою сохой,
И надломил утесом шею.*

[74: 435]

Поэт был убежден, что в душе русского народа жива родовая память, связывающая мир русской культуры с древними священными истоками. В поэме «Песнь о Великой Матери» он говорит:

*Нет прекрасней народа,
У которого в глазницах,
Бороздя раздумий воды,
Лебедей плывет станица!
Нет премудрее народа,
У которого межбровье –
Голубых лосей зимовье
Бор незнаемый кедровый,
Где надменным нет прохода
В наговорный терем слова! –
Человеческого рода,
Струн и крыльев там истоки...*

[75:5]

Приходится с сожалением констатировать, что «...неузнавание Клюева, длившееся многие десятилетия, продолжается» [87]. Основная причина – культурный и языковой барьер, отделяющий современных читателей от Клюева. Образный язык поэта становится многим недоступен в силу того, что современная культура утратила священные начала. Современник Клюева, философ И. А. Ильин считал: «Духовная рана современной культуры – утрата священного... И прежде всего нам надо сосредоточиться на том, что мы утратили. Человечество пыталось за последние два века создать культуру без веры, без сердца, без созерцания и без совести; и ныне эта культура являет свое бессилие и переживает свое крушение» [63].

Воскрешение национального самосознания – это путь к священным истокам. Он требует духовного мужества. Молодой Клюев

в начале своего творческого пути понимал это, когда восклицал, обращаясь к России:

*О, кто Ты: Женщина? Россия?
В годину черную собрат!
Поведай тайное сомненье,
Какою казнью искупить,
Чтоб на единое мгновенье
Твой лик прекрасный уловить?*

[73: 124–125]

Николай Алексеевич Клюев мужественно прошел этот тернистый путь и оставил нам обещанное наследие.

Хватит ли у нас сил воспринять его?

ПОЭТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ СВЯТОЙ РУСИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. А. КЛЮЕВА

*Нерукотворную Россию
Я, песнописец Николай,
Свидетельствую, братья, вам.*

Н. А. Клюев

Н. А. Клюев ставит задачу, посильную только для духовной поэзии – воссоздать в художественных образах «нерукотворную Россию», «Русь нетленную», «Алконостную Россию», «Индию Русь», «Китеж-Русь», то есть **Святую Русь**. Именно этой задачей определяются закономерности его поэтической географии, которая имеет следующие истоки: 1) библейские (ветхозаветные и новозаветные), 2) византийские и древнерусские, 3) общерусские православные, 4) старообрядческие и поморские, 5) скандинавские и финно-угорские, 7) индо-иранские.

Далее последовательно рассматриваются все указанные культурно-исторические истоки поэтической географии Клюева.

1. Библейские истоки

*О, Боже, сладостный, ужель я в малый миг
Родимой речи таинство постиг,
Прозрел, что в языке поруганном моем
Живет **Синайский** глас и вышний трубный гром*

Н. А. Клюев

Святая Русь для Н. А. Клюева – понятие мистическое: «невидимый народный Иерусалим», «церковь невидимая», в которой пребывают «души, связанные между собой клятвой спасения мира, клятвой участия в плане Бога». В своей автобиографической прозе поэт писал: «Познал я, что невидимый народный Иерусалим – не сказка, а близкая и самая родимая подлинность; познал я, что, кроме видимого устройства жизни русского народа как государства или вообще человеческого общества, существует тайная, скрытая от гордых взоров иерархия, церковь невидимая – **Святая Русь**, что везде, в поморской ли избе, в олонецкой ли поземке или в закаспийском кишлаке, есть души, связанные между собой клятвой спасения мира, клятвой участия в плане Бога. И план этот – усовершенствование, раскрытие красоты лика Божия» [102: 152; 78].

Судьбу России, ее историю поэт представляет как продолжение Священной истории, что соответствовало христианским традициям древнерусской литературы и фольклора. В силу этого, в поэтических произведениях Н. Клюева довольно часто употребляются библейские топонимы, антропонимы и этнонимы. Для доказательства приведём эти библейские топонимы и укажем частоту их употребления: Аравия (6), Арарат (4), Вавилон (5), Вифания (2), Вифлеем (1), Галилея (1), Генисарет (2), Иерихон (1), Иерусалим (4), Иордан (2), Кана (1), Маврикийский дуб (1), Мидия (2), Мемфис (4), Месопотамия (1), Назарет (4), Нил (11), Палестина (2), Сарон (2), Сидон (3), Синай (2), Сион (3), Стена Плача (1), Фавор (2), Харан (6) [ПСК, 1; 202].

Этнографы, изучившие Северную Русь, давно отметили употребление библейских топонимов и этнонимов для обозначения «своего», христианского, пространства, противопоставленного «чужому».

Например, С. В. Максимов в книге «Год на Севере» отметил такие выражения, как «наши украинные **палестины**», «Коляне Господни – народ **израильский**». В. Даль отмечает употребление слова «**палестина**» в значении «отчизна, отечество, родина, родные домашние места» [196: 156], а «Словарь русских народных говоров» указывает и многие другие значения этого слова («участок земли», «красивое место в лесу» и т. п.) в севернорусских и сибирских говорах [Д, 3: 11].

Именно этой укорененной традицией древнерусской культуры объясняется высокая частотность употребления в произведениях Клюева топонимов и антропонимов Ветхого и Нового Завета в сочетании с русскими именами собственными, с названиями реалий русской национальной культуры. Отражая православное духовное самосознание своих соотечественников, живущих на Севере России, Клюев писал:

- (1) *С **Соловков** до жгучего **Каира**
Протянулась тропка – Божьи четки,
Проторил ее **Спаситель Мира**,
Старцев, дев и отроков подметки.
Русь течет к **Великой Пирамиде**,
В **Вавилон**, в сады Семирамиды;
Есть в избе, в сверчковой панихиде
Стены Плача, Жертвенник Обиды <...>*
[74: 176];

- (2) *От **Пустозерска** и до **Бийска**,
От **Хвалыни** на **Багдад**
Течет невидимый **Ефрат**, –
Его бесплотным кораблям
Притины **Китеж** и **Сиам***
[75: 24].

Архаичная ономастика в произведениях Клюева формирует географические образы, соотносительные с Terra Sakra, территорией «от Нила до Ганга, от Египта до Тибета» – тем пространствам, на которых «осуществляется генезис мировых религий» [115].

Для понимания смысла употребления многих библейских топонимов у Клюева необходима своеобразная реконструкция «археологического пространства культуры» [167]. Например, обратимся к топонимам *Арарат* и *Елеон*, которые встречаются в его поэзии неоднократно:

- (1) *Чтоб от смол янтарно-негий*
Как лесной закат,
*Приютил мои **ковчег***
*Хвойный **Арарат***

[73: 357];

- (2) *И кто уверится, **что Ной***
*Досель на дымном **Арарате***
И что когда-то посох мой
Сразил египетские рати?

[72: 85]

Неоднократно употребляя в своих произведениях название горы, на которой остановился после потопа ковчег Ноя, Клюев следует фольклорной традиции. В русских былинах Арарат – святыя горы, по которым путешествовали русские богатыри. Например: «Тут садится Святогор да на добра коня / и поехал по чисту полю / Он ко тем горам да Араратским» [77: 36].

Фольклорную традицию имеет и употребление топонима «**Елеон**». Например: «Прискакали на гору Елеонскую, Как увидели они да чудо чудное, чудо чудное, да диво дивное: На горе на Елеонской как стоит тут да дубовый гроб...» или «Как схоронил он Святогора да богатыря на той горе на Елеонския...» [77: 40]. Однако следует отметить, что с фольклорной традицией у Клюева связан только выбор этих топонимов в качестве обозначения «своего» сакрального пространства. По смыслу они ближе к библейскому источнику. В Библии Елеон – «гора Елеонская к востоку от Иерусалима, через кедровую долину. Здесь Господь предрек кончину мира, Иерусалима и храма, – отсюда вознесся на небо» [ПЦСС: 172]. Сравните, у Клюева в поэме «Мать-Суббота»:

Знать, что к **отлету** седые углы
Сорок **воскрыйлий** простерли из мглы,
И к новоселью в поморья окон
Кедровый лик окунул **Елеон**,
Лапоть Исхода, Субботы Живых <...>

[73: 461]

Следует подчеркнуть, что библейская ономастика используется Клюевым не для описания библейских времен и событий, что довольно часто встречается в русской поэзии, а для создания образа Святой Руси – духовной наследницы Святой Земли и ее христианских святынь. Себя, певца Святой Руси, Клюев называет то **Авраамом**, то **Саулом**:

(1) Три пришельца, три солнца, и я – **Авраам**,
Словно ива ручью, внемлю росным словам:
«Родишь сына-звезду, алый песенный сад,
Где не властно забвенье и дней листопад,
Где береза серьгою и лапою ель
Тиховейно колышут мечты колыбель».

[75: 28]

(2) Я первенец **Киса**, свирельный **Саул**,
Искал пегоухих отцовских ослиц,
И царство нашел многоцветней златниц:
Оно за печуркой, под рябым горшком,
Столетия мерит хрустальным сверчком.

[73: 312]

Насыщенность поэзии Н. Клюева ветхозаветной ономастикой определяется не только фольклорными и старообрядческими традициями в русской культуре. Это общерусская традиция. Еще Гоголь отмечал в русской поэзии что-то пророческое («И звуки становятся библейскими у наших поэтов»), писал о том, что через призму Священной истории и Священного Писания воспринимали исторические судьбы России многие русские поэты и писатели: «Разогни

книгу Ветхого Завета: найдешь там каждое из нынешних событий, увидишь яснее дня, в чем оно преступило пред Богом, и так очевидно изображен над ними совершившийся страшный суд Божий, что встрепетнется настоящее» [40: 249].

В творчестве Н. Клюева духовный смысл истории России воплощен в образе Иисуса Христа. Имя Сына Божия в его произведениях встречается очень часто: *Христос* – 43, *Христов* – 19, *Спас* – 36, *Спасов* – 9, *Спаситель Мира* – 2, *Иисус* – 10 [ПСК, 1]. Для поэта Русь – «*Христова земля*» [73: 461], и живут в ней «*народы-Христы*» [73: 364]:

- (1) *Снова голубь **Иорданский**
Над землю воспарил:
В зыбке липовой крестьянской
Сын спасенья опочил*

[73: 305];

- (2) *Низкая, деревенская заря, –
Лен с берестой и с воском солома.
Здесь все стоит за **Царя**
Из **Давидова красного дома.***

[72: 199]

Россию, распятую на кресте Гражданской войны, поэт уподобляет Иисусу Христу:

- (3) *И малиновка, малая птаха,
По **голгофе Христу** родня,
Умирает в гнезде от страха
От язвящих пуль и огня.*

[73: 386]

- (4) *Это Суббота у смертной черты,
Это Суббота опосле **креста...**
Кровью рудеют **России** уста,
Камень привален, и плачущий **Петр**
В ночи всемирной стоит у ворот...*

[73: 466]

К образу апостола Петра Ключев обращается неоднократно, когда описывает страдания православной России во время и после кровавой революции:

*Вот ель – крестом с **Петром** распятым
Вниз головой – брада на ветре...
Ольха рыдает: **Петре! Петре!***

[75: 32]

Свидетель расправы над христианской Россией, Ключев себя уподобляет апостолу Петру, плачущему в ночь предательства Иисуса Христа:

*Будет месяц, как слезка, светел,
От росы чернобыльник сед,
Но в ночи кукарекнет петел,
Как назад две тысячи лет
Вспыхнет сердце – костер приевратный,
Озаряя **Терновый лик...**
Римский век багряно-булатный
Гладиаторский множит крик.
И не слышна слеза **Петрова –
Огневая моя слеза...**
Осыпается **Бога-Слова**
Живоносная бирюза.
Нет иглы для низки и нити,
Победительных чистых риз...
О, распните меня, распните,
Как Петра, – голову вниз!*

[74: 112]

Тот же мотив встречается в снах Ключева, записанных его другом Н. И. Архиповым и Н. Христофоровой-Садовой.

Поэтическая фразеология Н. Ключева («крестная слеза России», «гвоздиные раны России» и др.) свидетельствует о том, что поэт видел в трагических событиях русской истории XX века христианский

смысл. Поэтому духовное постижение России поэт сравнивает с Богопознанием, с Евхаристией:

*Светел запечный притин –
Китеж Мамелф и Арин,
Где словорунный козел
Трется о бабкин подол.
Там образок Купины –
Чаша ржаной глубины:
Тела и крови Руси
Брат озаренный вкуси!*

[73: 464]

В поэме «Песнь о Великой Матери» Клюев так характеризует поэтический язык, на котором следует писать о Святой Руси:

*Не скудному мирскому слову
Узорить отчие гроба,
Пока архангела труба
Не воззовет их к веси новой,
Где кедром в роще бирюзовой
Доспеет русская судьба.*

[75: 24]

2. Древнерусские истоки

*Двенадцать снов царя Мамера
И Соломонова пещера,
Аврора, книга Маргарит,
Златая Чепь и Веры Щит,
Четвертый список белозерский,
Иосиф Флавий – муж еврейский,
Зерцало, Русский виноград –
Сиречь Прохладный вертоград,
С Воронограем Список Вед,
Из Лхасы Шолковую книгу,
И Гороскоп – Будды веригу*

*Я прочитал в пятнадцать лет –
Скитов и келий самоцвет.*

[75: 23]

В XX веке поэзия Н. Клюева возродила традиции древнерусской литературы. Поэт сказал о себе: «*Я закладка из Книжной Руси...*». Судя по его поэтической ономастике и сакральным географическим образам, Клюев хорошо знал древние письменные источники представлений о мире, передаваемые из поколения в поколение на Русском Севере.

Современный смысл древнерусской традиции в поэзии Н. Клюева хорошо определил Н. Гумилев: «славянское ощущение светлого равенства всех людей и византийское сознание золотой иерархичности при мысли о Боге» [41: 137].

Клюев сознательно следует архетипам древнерусской культуры и возрождает их в новой эпохе – в новом облике и с новыми задачами:

*От иконы Бориса и Глеба,
От стригольничьего Шестокрыла
Моя песенная треба,
Стихов валунная сила.
Кости мои от Маргарита,
Кровь – от костра Аввакума.
Узорнее аксамита
Моя золотая дума:
Чтобы Русь, как серьга, повисла.
В моем цареградском ухе...*

[74: 296]

В поэме «Песнь о Великой Матери» старец Нафанаил предсказывает матери поэта:

*До сатанинского покоса
Ваш плод и отпрыск доживет,
В последний раз пригубит мед
От сладких пчел Византии!..*

[75: 15]

Знаком «Книжной Руси», Клюев был причастен к духовному опыту раннехристианских мудрецов Востока:

*Его¹, не зная, где опаска,
Из **виноградного Дамаска**
Я **озарил причастной думой...***

[75: 38]

И в этом своем духовном знании он был одинок в послереволюционной России. Противопоставляя себя современным деятелям культуры, он пишет в поэме «Песнь о Великой Матери»:

*В **художнике**, как в лицемере,
Гнездятся **тысячи личин**,
Но в кедре много ль сердцевин
С несметного пучиной игол? –
Таков и я!.. Мне в плач и в иго
Громокипящий пар машин,
И в буйном мире я один –
Гадатель над чудесной книгой!*

[75: 22]

Поэт высоко оценивает духовное наследие Святой Руси, которое он получил от старообрядцев:

*Родной поэзии атласы
Не износил Руси дудец, –
Взгляните, полон коробец,
Вот объярь, штоф и канифасы!
Любуйтесь и поплачьте власть!
Принять, как **антидора часть**,
Пригоршню слез не всякий сможет...*

[75: 22]

Основную особенность поэтики художественного пространства в древнерусской литературе, основанной на христианском миропонимании, Д. С. Лихачев определил так: «Подняться над

¹ Речь идёт о Сергее Есенине.

обыденностью было потребностью средневекового человека» [89: 344]. Из нее вытекают и другие особенности древнерусского художественного пространства: необыкновенно широкий охват географических пределов и связанные с этим приемы его сокращения, иконографичность изображения пространства, схематизм и символизм обозначения географических объектов, сакральное осмысление сторон света (востока, юга, запада, севера) [89: 340–357], взаимосвязь географических и религиозных представлений, когда, по словам Ю. М. Лотмана, «движение в географическом пространстве становится перемещением по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей» [Цит. по: 172].

Древнерусские основы поэтической географии Н. Клюева представляют особую концептуальную систему. Она является ключом к пониманию принципов употребления имен собственных в творчестве поэта. Далее рассматриваются основные компоненты этой системы.

2.1. Этноцентричность

По мнению исследователей сакральной географии культурных ландшафтов, принцип этноцентричности характерен для географических представлений древних культур, о чем свидетельствуют библейские, древнегреческие и древнеиндийские описания мира и древнейшие карты [115]. В соответствии с этим этнос представляет свое географическое пространство центральным, относительно него организуется все периферийное пространство как «чужое». В поэтике Клюева этот принцип является ведущим, но используется в более сложном преобразованном виде. Этноцентричность географического пространства в его произведениях проявляется в нескольких оппозициях, выражающих идею «свое – чужое» пространство: 1) **Рай** (Родина, Святая Русь) – **Ад** (чужое пространство и антихристианская культура), 2) **Восток** (Христианская Россия, наследница Византии) – **Запад** (мир технической бездуховной цивилизации), 4) **славянство** – **остальной мир завоевателей**, 5) **Святая Русь** – **антихристианский мир**, 6) **старообрядческое Поморье** – **остальная Россия**, 7) **русская провинция** – **столицы**.

Рай – Ад

Наиболее архаичной и обобщенной оппозицией, в которой выражается этноцентризм, является противопоставление: **рай** (родная земля, свой мир) – **ад** (чужой враждебный мир). В русской культуре это противопоставление соединяет в себе древнейшие праславянские концепты с более поздними для нее библейскими представлениями. Клюев использует это противопоставление в символическом ключе, поэтому хронотоп РАЯ и АДА видоизменяются в его творчестве внешне, но остаются неизменными в своей сущности. В самом главном – духовном, священном, поэт остается верен себе до конца жизни. Для Клюева **Рай** – Божий светлый сад и **Святая Русь** как идеал русского народа неразрывно связаны.

- (1) *Чтоб полесная ягода-песня,
Чьи цветы плащаницы духмяней,
На Руси, как вежа, зеленела
И казала бы к раю дорогу!*

[73: 294]

- (2) *Точит верба восковые слезы
И ведет зеленый тайный причит
Про **мужицкий рай**, про пир вселенский,
Про душевный град, где «Свете тихий...»*

[73: 260]

Связь понятий «Рай» (свое святое место) и «православный крестьянский мир» определяет смысл многих необычных эпитетов рая у Клюева: «*красный*» (красивый), «*берестяный*» (светлый, русский), «*запечный*», «*куний*», «*мужицкий*», «*избяной*» (свой, сокровенный, родной), «*хлебный*», «*сдобный*» (добрый, жертвенный).

В поэтическом словаре Н. Клюева отражена библейская символика, в которой жертвенный хлеб уподобляется Иисусу Христу, а семена, зерна – Его учению об Истине. Так, например, во второй книге Царств в Ветхом Завете Пророк сказал Давиду, который жаждал покаяться в своих грехах и спасти тем свой народ от Божьей кары: «Иди поставь жертвенник Господу на **гумне** Орны Иевусеянина».

В Новом Завете в проповеди Иоанна Крестителя: «Он (Иисус Христос) будет крестить вас Духом Святым и огнем. Лопата в руке Его, и Он очистит **гумно** свое, и соберет пшеницу Свою в житницу, а солому сожжет огнем неугасимым» (Мф, 3, 11–12); см. также (Лк, 3, 17). Поэтически переосмысливая библейскую символику, Клюев уподобляет **гумно** «окну в рай», изображает его сакральным местом Богообщения в мире трудовых крестьянских забот:

(1) Ворона – спутница ненастья, –
Не каркай голодно, **гумно**
Зареет, словно в рай окно,
Там полногрудые суслоны
Ждут молотьбы рогов и звона;
Кто слышал **музыку гумна,**
Тот **вечно молод**, как **весна!**

[73: 294]

(2) Чу! Перекатный стук на гумнах,
Он по заре звучит как рог.
От **бед**, от **козней** полоумных
Мой **вещий ум** не изнемог.
Я все такой же, как в **столетьях**, <...>
От **гумен** тянет росным медом,
Дробь молотьбы – могучий рог.
Нас подарил обильным годом
Сребробородый, **древний Бог**.

[73: 194]

Крестьянское представление о Рае, кроме этого, воплощается в образе хлеба – «мирского каравай» как главной святыни земной жизни крестьян:

(1) Близок к нищим **сдобный мглистый рай**,
Кус сиротский гения блаженней...
Вседержитель! Можно ль стать нетленней,
Чем мирской, мозольный каравай?

[72: 78]

- (2) Пир мужицкий свят и мирен
В **хлебном** Спасовом раю <...>

[73: 305]

- (3) Недоуменно не кори,
Что мало радио-зари
В моих стихах – бетона, чаек,
Что о **мужицком хлебном рае**
Я нудным оводам бубню
Иль костромским сосновым звоном!

[73: 451]

- (4) С полатей смотрит Жуть, гудит, как било, Лаче,
И деду под кошмой приснился **красный рай**.
Там **горы-куличы** и **сыченые реки**,
У чаек и гагар по мисе **яицо**...

[73: 182]

Родная крестьянская изба у Клюева сравнивается с раем, а рай небесный – с крестьянской избой.

- (1) Вновь молюся, как ране,
Тишине **избяной**,
И к шестку и к лохани
Припадаю щекой:
О, простите, примите
В **рай запечный** меня!..

[73: 319]

- (2) Молвите: в **Божьем раю**
Есть ли **надпечная** сажа?
Есть ли куриный Царьград,
В теплой соломе яичко,
Сказок и шорохов клад,
Кот с диковинною кличкой?..

[73: 317]

В соответствии с архаичной фольклорной традицией [30] клюевские герои представляют рай как вольное крестьянское царство:

*Отвезти гостей в **преблаженный рай**,
Где страдателям уготованы
Веси красные, избы новые,
Кипарисовым тесом крытые,
Пожни сенные – виноград-трава,
Пашни вольные, бесплатежные –
Всё солдатушкам уготовано,
Храбрым душенькам облюбвано.*

[71: 233]

Раю противопоставлен Ад, которым, в соответствии с древними представлениями славян и других народов [30], Клюев называет чужое, враждебное пространство и время. Это Первая мировая война и революция:

*И **ад** свирепою облавой,
Как волк на выводок оленей,
Идет для ран и заколений
На **Русь**, на **Крест** необоримый.
Уж отлетели херувимы
От нив и человечьих гнезд,
И никнет колосом средь звезд,
Терновой кровью истекая,
Звезда монарха Николая, –
Златницей срежется она
Для **судной жатвы** и **гумна!***

[75: 30]

Ад – это завоеватели и осквернители Святой Руси в различные периоды ее истории, это и чуждая России техническая цивилизация:

*Смежила солнечные очи
София на семи столпах.
И **сатана** в мужицких снах
Пасет быков железнорогих.*

*Полесья наши, нивы, логи
Ад истощает ясаком, –
Удавленника языком, –
Он прозывается **машиной!**
(Слышатся удары **адского** молота),
Храмина содрогается...*

[75: 25]

Противопоставление **Рая** как «своего пространства», Святой Руси – Аду, «чужому враждебному пространству», в поморской аксиологии связано с понятиями «**верха**» и «**низа**». Такое особое понимание и соположение данных концептов отмечено этнографами и историками – исследователями Северной Руси. Так, Н.М. Терехин пишет, ссылаясь на А. Подвысоцкого: «Вниз, в немецкую сторону, в шведскую сторону. Так называют поморы направление своего пути, идучи северным океаном в Норвегию или на о. Новую Землю» [172: 222]. Поморский поход за море, в «немецкие земли» (**на запад**) или к «острову мертвых» (**на север**) воспринимается как движение «**вниз**», в **нижний мир**, где располагается царство мертвых. И наоборот. Возвращение поморов «из-за синя моря», их выход на волю расценивается как движение, направленное «**вверх**» (**на восток**): «Когда поморы возвращаются океаном из Норвегии или с о. Новой Земли, то говорят, что идут **вверх, в Русь**» [172: 222]. Характерно, что в поморском лексиконе сохранилось весьма архаичное именование своей земли «**Русью**», которая ассоциируется с «**волей**»... [172: 49–50]. Это особое географическое и аксиологическое понимание «Руси» находим мы в поэме Клюева «Песнь о Великой Матери»:

*Николенька, меня **могила**
Зовет, как песня, тихой сказкой, – <...>
Приземную оставя клеть,
Отчалю в Русь в ладье сосновой,
Чтобы с волною солодовой
Пристать к лебязьим островам,
Где не стучит по теремам*

*Железным посохом хромец,
Тоски жалейщик и дудец.*

[75: 34]

Отношение поэта к Родине как Святыне, позволило ему отразить в своей поэзии национальное русское самосознание и сохранить веру в воскресение России в будущем. Верит он и в то, что появится новый поэт:

*Чтоб славить **Крест и новый род,**
Поправший смертью **чёрный ад!**
И будет Русь как светлый сад...*

[75: 25]

Восток – Запад

Как уже говорилось ранее, для древнерусской культуры характерна сакрализация сторон света. В поэтической географии Н. Клюева эта особенность также обнаруживается.

Известно, что «древнерусские писатели вписывали в свои произведения названия народов и земель в строгом порядке», а именно «по солонь», то есть по солнцу; в отдельных случаях в обратном порядке. Г. В. Сумароков обратил внимание на данную особенность составления «словесных карт» в «Повести временных лет», в «Слове о погибели земли Русской» и в «Слове о полку Игореве» [169: 55]. «Словесные карты» постоянно встречаются и в произведениях Клюева:

*Плыви еришонок на **восток**
Дивиться на сорочью сказку.
Она с **далекого Кавказья**
На **Соловки** летит с оказией,
С письмом от столпника Агана <...>
Клубок летучий **ближе, ближе,**
Уже положится, где **Кижки,**
Онего, синий Палеостров
И **Кемский берег** нерпой пёстрой...*

[75: 30]

Особенностью таких «словесных карт» Клюева является перечисление топонимов «посолонь» (реже в обратном порядке), а также их этноцентричность. Она проявляется в неизменной их ориентации на «свое пространство», из которого как из центра идет описание других, «чужих» и «далёких» пространств. В указанном выше примере это следующая последовательность: **Кавказье** → **ближе, ближе** → **Киж** → **Онега** → **Палеостров** → **Кемский берег** → **Соловки**. В приведенных ниже примерах это: 1) От **Норвегии** (граница Северной Руси) → до **Китая** (граница юго-восточной России); 2) **Кола** (Северо-запад России) → **Поволжье** (юго-восточное направление от Колы, центральная Россия) → **Дон** (юго-западное направление от Поволжья, юг России):

(1) *Болеет мать земля сырая,
И от **Норвеги** до **Китая**
Железный демон тризну правит.*

[75: 24]

(2) *Студеная **Кола**, **Поволжье** и **Дон**
Тверды не железом, а воском икон.*

[74: 315]

В рассмотренных выше фрагментах текстов, представляющих собой «словесные карты», как и во многих других случаях у Клюева, обнаруживается древнерусская традиция называть территории по рекам и другим водоемам, которые были сакральными и экономическими центрами этноса [169: 55].

Особую значимость в поэтической географии Клюева имеет противопоставление **востока** – **западу**. Оно многопланово по символическому смыслу. Во-первых, это противопоставление **западной** и **восточных культур**, из которых должна сделать выбор Россия:

(1) *Сгинь **Запад** – **Змея** и **Блудница**, –
Наш суженый – **отрок Восток!** <...>
Есть кровное в **пагоде**, в **сруб**е –
Прозреть, окунуться в **зенит**...*

У **русского мальчика** на губе
Китайское солнце горит.

[72: 63]

(2) **Гоген Рублеву** не загадка,
Матисс – лишь рясно от каймы
Моржовой **самоедской прялки...**

[73 220]

(3) Не с того ль тянет ворванью книга
И смолой запятых табуны?
Вашингтон, черепичная Рига
Не вместят кашалотной волны.

[74: 152]

(4) Но кто целящей головней
Спалит бетонные отеки:
Порфирный **Брама на востоке**
И **Рим**, чей строг железный крест?

[73: 231]

Во-вторых, на первое противопоставление наслаивается второе, сакральное: **Запад** (Западная Европа и Америка) – ад, а **Восток** (Россия) – рай.

(1) Строгоновские **иконы** –
Самоцветный, мужицкий рай;
Не зовите нас в **Вашингтоны**,
В смертоносный, железный край. <...>

Огневые роицы – **иконы**
Восшумят: «**Се Жених грядет**»...
Не зовите нас в **Вашингтоны**
Под **губительный молот бед!**

[74: 202]

(2) В **Заонежье**, в узорных **Кижках**,
Где рублёвский **нетленный сад**,

Стальноклювый *гость из Парижа*
Совершает **чёрный обряд.**

[73: 386]

Слово «Восток» в некоторых произведениях Клюева приобретает особый смысл, понять который можно только учитывая библейские традиции его употребления. Речь идет о мотиве восточной ориентации России и ее православного крестьянства:

- (1) *Поморский дом плывёт китом,
Ему смарагдовым копьём
В предутрия, просонки, зори
Указывает путь Егорий
Столетие, мгновенье, день –
Копьё роняет ту же тень
Всё на восток, где Брама спит, –
С ним покумиться хочет кит.
Всё на восток, где сфинкс седой
Встаёт щербатой головой...*

[75: 16]

- (2) *И за мои неожиданные седины
Отмщаю тягой лебединой! –
Всё на восток, в **шафран** и медь,
В кораллы **розы нумидийской**,
Чтоб под **ракитой российской**
Коринфской арфой отзвенеть.*

[74: 267]

- (3) *Недаром за двоперстой хатой,
Таятся, **лицом на восток**,
Зорит малиновый садок...*

[75: 31]

Святую Русь, «нерукотворную Россию», поэт также созерцает на востоке. В поэме «Погорельщина»:

*И растворились **на восток**
Врата запретного чертога.
Из мрака всплыли острова,
В девичьих бусах заозерья,
С морозным **Устюгом Москва,**
Валдай – ямщик в павлиньих перьях,
Звенигород, где на стенах
Клюют пшено струфокамылы,
И **Вологда**, вся в кружевах,
С **Переяславлем** белокрылым.
За ними **Новгород** и **Псков** –
Зятя в кафтанах атлабасных,
Два лебедя на водах ясных –
С седою **Ладогой Ростов.**
Изба резная – **Кострома**,
И **Киев** – тур **золоторогий**
На **цареградские** дороги
Глядит с **Перунова холма!***

[74: 329]

Восточная ориентация Святой Руси объясняется тем, что по библейским представлениям Рай расположен на востоке и Мессия, Иисус Христос, называется Востоком. В Ветхом Завете: (1) *Обращается к Тебе на восток света* [Прем. 16, 28]; (2) *Славьте Господа на восток* [Ис. 24, 15]; (3) *воздвиг от востока мужа правды* [Ис. 41, 2]; (4) *долина... к востоку будет святыней Господа* [Иер. 31, 40]; (5) *Слава Бога Израилева шла от востока* [Иез. 43, 2]. См. также в Евангелие от Луки гимн Захарии: *«и посетил нас Восток свыше, просветить сидящих во тьме и тени смертной, направить ноги наша на путь мира»* [Лк. 1, 79]. В православном венчальном песнопении поется: *«Исаия ликуй, ее Дева имеет во чреве, и роди сына Эммануила, Бога же и человека, Восток – имя Ему...»*. В этом библейском контексте становится понятно, почему так часто Клюев с надеждой обращается на восток:

- (1) <...> как притча Христа:
«Слепцы, различаєте **небо восточное,**
Мои же от зорь отличите ль уста!»

[72: 110]

- (2) *То летучий **Христов Лазарет**
Совершает **Земли врачеванье,**
И, как няня, небесный кларнет
Напеваёт **седое сказанье:**
«Утолятся твои вереда,
Раны, пролежни злые отеки;
Неневестная, будь же тверда
До гремящей звезды **на востоке!**»*

[73: 107]

Славянство – остальной мир

Н. И. Толстой впервые обратил внимание на то, что это древнее этноцентрическое представление сохранилось в поэзии Н. Клюева. Для характеристики славянского самосознания IX–XII веков он разработал парадигму гетерогенных показателей: 1) религиозного, 2) общеплеменного, 3) среднеплеменного, 4) частноплеменного, 5) государственного. Автор считает, что «подобная шкала национального самосознания существует и реализуется в идеологии и практике отдельных представителей славянства до сих пор», и в качестве примера приводит поэму Н. Клюева «Погорельщина», в которой, по мнению Н.И. Толстого, поэт «ощущал себя причастным одновременно к нескольким духовным и в то же время географическим мирам»: 1) к миру почти вселенской правды и непротivления злу злом, 2) к миру Саронских гор, Индийского поморья, 3) Лидды-града Владычицы Одигитрии, 4) к христианскому миру, 5) к православию, 6) к старообрядчеству, 7) к славянской традиции («крепкая кириллица слов»), 8) наконец, к своему кровному исконному севернорусскому, олонецкому» [173].

Клюев осознает себя певцом славянства, представителем всеславянской культуры:

(1) Где тропинка к скоморошью теремку,
Где тропиночка в боярский зелен сад, -
Там под вишеньем зарыт волшебный клад –
Ключ от песни **всеславянской и родной**,
Что томит меня дремучею тоской...
[73: 340]

(2) И сына сладкопевца
Повыпустишь из сердца,
Как Жаворонка в рожь!
Он будет нищ и светел –
Во мраке вещей петел –
Трубить в дозорный рог,
Но бесы гнусной грудой
Славянской песни чудо
Повергнут у дорог <...>
[75: 19]

Поэт скорбит о трагической участи славянской культуры, которая испытала на себе в XX веке всю силу натиска темных враждебных сил:

(1) **Моя славянская звезда**,
Узорная и избяная,
Орлицей воспарив **из рая**,
Скатилась на птичий двор,
Где властелин – корявый сор <...>
[73: 164]

(2) Наша **русская правда** загибла <...>
Так загибла **русская доля** –
Над речкою белые вербы,
Вновь меж трупов на **Косовом поле**
Узнают **царя Лазаря сербы**.
[74: 255]

Славянская география Клюева построена также по этноцентрическому принципу, поскольку ее пространство организуется вокруг

России с центром на северо-западе, где находится малая родина поэта:

- (1) **Русский сад** – мужики да бабы,
От **Норвеги** и до **Лабы**.
[74: 320]
- (2) Шлет **Ладoga** смуглой **Мораве**
С гусиной станицей привет.
[73: 417]
- (3) Лист кленовый тучно-ал,
Кроет **Суду** и **Урал** <...>
Дружным дедам, добрым бабам
От **Алтая** и до **Лабы**,
До пшеничных берегов
Короб песен и цветов!
[73: 440]
- (4) Хороши на **Волыни** грабы,
Но милей васильковая рожь.
[73: 423]
- (5) **Всеславянским брачным** звоном
Встретит **Новгород седой!**
[71: 29]

Продолжая древнерусскую традицию, Клюев называет, кроме Новгорода, и другой древний центр славянского мира – Киев, наследника христианской Византии:

- (1) И **Киев** – тур **золоторогий**
На цареградские дороги
Глядит с перунова холма!
[74: 329]
- (2) Плачь, русская земля, потопом –
Вот **Киев**, по усладным тропам
К нему не тянут богомольцы,
Чтобы в **печерские** оконца

Взглянуть на песноцветный рай,
Увы, жемчужный каравай
Похитил бес с хвостом коровьим,
Чтобы похлебкою из крови
Царьградские удобрить зерна!

[74: 229]

Следует, однако, заметить, что принцип этноцентричности не всегда используется Клюевым. См., например:

(1) Хлеб-соль, **Костромич** и **Волынец**,
Олончанин, **Москвич**, **Сибиряк**.

[73: 344]

(2) Хорошо под гомон сенокосный
Побродить по **Припяти** и **Чуди**. <...>
Мол, кряжисты парни на **Волыни**,
Как березки девушки на **Вятке**.

[74: 257]

(3) Старуха, **мурманская вьюга**,
Ворча, крахмалила испод,
Чтоб **от Алтая и до Буга**
Взыграл железный ледоход.

[73: 413]

Во всех указанных выше примерах рисуются путем перечисления славянских топонимов необъятные просторы славянского мира, при этом происходит характерное для поэтики древнерусской литературы художественное «сокращение» пространства. Для этой цели поэт часто использует синтаксические конструкции с предлогами «от» – «до»: «От Арарата до Поморья...», «От Дона мертвого до Лаче...», «От Печенеги до Бийска...», «От Байкала до теплого Крыма...».

В поэме «Разруха», размышляя о грядущих судьбах славянства в мире, поэт также обращается к образам древнерусской культуры:

*Владимира червонные ворота
Замкнул навеки каменный архангел,
Чтоб стадо гор блюсти и водопой на Ганге,
Ах, для славянского ль шелома и коня?!*

[74: 228]

Святая Русь – остальной мир

*Ах, кто же в святорусском тверд –
В подблюдной песне, алконосте?!
Молчат могилы на погосте,
И тучи вечные молчат.*

[74: 220]

Данная оппозиция является ведущей в этноцентрической концепции географии, унаследованной Ключевым из древнерусской литературы и фольклора. Ей подчиняются рассмотренные выше оппозиции (рай – ад, восток – запад, славянство – остальной мир), а также оппозиции, которые будут рассмотрены далее.

Понятие **Святая Русь** связано, во-первых, с представлением о Древней Руси после ее крещения равноапостольным князем Владимиром, и, во-вторых, с представлением о христианском сознании. Ключев учитывает оба смысла выражения «Святая Русь». Последовательно рассмотрим их.

Святая Русь = Древняя Русь, Русская земля

В поэтической системе имен собственных Ключева история Древней Руси нашла не только свое образное отражение, но и получила определенное концептуальное истолкование, во многом соответствующее современным научным представлениям. В. О. Ключевский, мнение которого разделяют и некоторые современные историки, писал, что слово «Русь» в Древней Руси употреблялось в нескольких значениях: 1) этническом: *Русь* – племя, 2) социальном: *русь* – сословие, 3) географическом: *Русь* – область и 4) политическом: *Русь* – государственная территория. Причем историческое развитие значений

шло последовательно от 1 к 4 [80; 163]. В поэтическом мышлении Клюева все эти значения присутствуют и синкретически связаны.

Русь – племя

Среди различных версий о первичном этническом значении слова «Русь» в творчестве Клюева получила поэтическое отражение норманская гипотеза, в соответствии с которой это слово заимствовано в древнерусский из финского (L ruotsi – финны называли так выходцев из Скандинавии) и относилось первоначально к варягам-норманцам [96: 32–44; 163]. У Клюева отклик этой гипотезы отразился в романтической легенде о происхождении своего лирического героя, к которой он неоднократно обращался: 1) в стихотворении 1918 года: «*Я потомок Лапландского князя, Калевалов волхвующий внук...*», которое заканчивается: «*В русском коробе, в эллинской вазе, Брезжат сполохи, полюсный щит, И сапфир самоедского князя На халдейском тюрбане горит*» [74: 152]. Е. И. Маркова считает, что здесь речь идет о финно-угорском происхождении поэта [96: 32–44]. Однако, на наш взгляд, поэт с помощью аллюзий изображает в этом тексте **древний путь из варяг в греки**. Это одна из любимых тем в творчестве Клюева, даже в последней трагической поэме «Каин» она присутствует: «*Во греки ласковы дороги, Речной немеренный простор!*» [76: 99]. В поэме «Песнь о Великой Матери» предок лирического героя рисуется так:

*По ранне-синим половодьям,
К семужьим плесам и угодьям
Пристала **крытая ладья**.
И вышел **воин исполин**
На **материк в шеломе – клювом**,
И лопь прозвала **гостя** – Клюев –
Чудесной шапке на помин!*

[75: 34]

Легко узнаваем образ древнего викинга.

Мифологизированная биография поэта и его героев имеют этнический масштаб [96]. Это поэтические образы истории этноса,

истории России. Как справедливо отмечает Е. И. Маркова: «Лапландия Клюева – это одновременно мифологизированная страна и конкретная, хорошо узнаваемая каждым северянином земля, художественно-обобщенный образ всех северных земель и родная сторона. <...> Клюев предельно стягивает пространство, и поэтому в его Лапландии наличествуют все дорогие ему элементы северного природно-культурного комплекса: Белое море и Онежское озеро, Олония и Поморье, Кижы и Выг, Соловки и Палеостров, Кемь и Валаам» [96: 138–139]. Архетип исторического национального самосознания, вмещающего в себя самые архаичные пласты, Клюев воплотил в образы «лапландского князя», «карельского князя», «зырянина с душою нумидийской». Самое сокровенное, родное в духовной жизни народа воплощается в колыбельных. Исследователи уже обратили внимание на колыбельную в поэме «Песнь о Великой Матери», которая удивляет своей «красотой, мягкостью, непосредственностью в сравнениях...» [42]. Эта колыбельная выражает Что-то сокровенно родное, изначальное, то, что поэт философски называет «материнской вещью тьмой». Она является фоном эпического сказания о судьбах северного русского крестьянства и имеет рефрен:

*Лапландия кроткая спит,
Не слышно оленьих копыт <...>*

[75: 8]

*Лапландия кроткая спит,
За сельдью не гонится кит <...>*

[75: 9]

*Еще далеко до зари,
Лапландия кроткая спит,
Не слышно оленьих копыт <...>*

[75: 21]

Таким образом, древнее этническое значение слова «Русь» является необходимым фоновым знанием для понимания лапландских мотивов в поэзии Н. Клюева.

Русь – сословие

По мнению историков и этимологов, «первоначальное этническое содержание слова «Русь» быстро заменилось социальным, когда варяги-русь, славяне и прочие «прозвашася русью» образовали тот слой военно-торговой аристократии, во главе которой Олег, преемник Рюрика, двинулся из Новгорода по речным торговым путям на Киев и захватил его» [163: 497]. Князья и их дружины еще в дохристианский период проложили путь «из варяг в греки», защищали русскую землю от набегов кочевников и хазар. С этого сословия Древней Руси началась и ее христианизация. Оно стало родоначальником русского патриотического воинству, а в былинах – богатырству. Все эти и последующие события русской истории отразились в былинах как в зеркале народного самосознания. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн писал: «Удивительно, как неразрывно тесно сплелась народная мысль с православным мироощущением. Начиная с побудительной причины подвига и кончая бытовыми деталями, все в былине «оправославлено» и «воцерковлено». Глубоко ошибается тот, кто принимает это за дань традиции, за благочестивую риторику... И когда переживает это чувство весь народ, он оставляет неизгладимые следы своих переживаний на всём, к чему прикасается в жизни и творчестве» [101: 43]. Это эпическое былинное самосознание русского народа («народа – Святогора» [73: 343]) возродилось в поэзии Клюева в целой системе поэтических образов-символов русских богатырей. В «Сказе грядущем» будущее Святой Руси поэт связывает с возрождением мира древнерусских богатырей и легендарных воинов, защитников Родины, землепашцев и певцов:

*В тихом **Угличе** поют колокола,
Слышны клетоты **победного орла**:
Быть Руси в златоузорчатой парче,
Как пред образом заутренней свече! <...>
Чтоб родная черносोшная избя
Возглашала бы, как **бранная труба**:
«Солетайтесь, белы **кречеты**, на пир,
На честное рукобитие да мир!»*

Буй-Тур Всеволод и Темный Василько,
С самогудами **Чурило и Садко,**
Александр Златокольчужный, Невский страж,
И **Микулушка** – кормилец верный наш,
Радонежские Ослябя, Пересвет, –
Стяги светлые столетий и побед!
Не забыты вы народной глубиной,
Ваши облики схоронены избой,
Смольным бором, голубым березняком,
Призакрыты алым девичьим платком!..

[73: 341–342]

Клюев любил подчеркивать свое святорусское видение всех современных ему событий:

Я сказкою в ином ночью,
Где златоносный **Феодосий**
Святителю дары приносит,
И **Ольга** черпает в **Корсуни**
Сапфир **афинских** полнолуний <...>

[75: 34]

Поэтому образы защитников России в Первую мировую войну Клюев уподобляет древнерусским богатырям:

Гей, отзовитесь, курганы,
Клады, седые кремли, –
Злым вороньем басурманы
Русский рубеж облегли! <...>
Аль булавы рукоятка
С нашей не дружна рукой?
Али шишак златолобый
Нам не по ярую бровь?
Пусть богатырские гробы
Кроет ковыльная новь, –
Муромцы, Дюки, Потoki
Русь и поныне блюдут <...>

*Гром от булатных ударов
Слаще погудной струны...
Радонеж, Выгово, Саров, –
Ваших имен баюны.
Гей, отзовитесь, деды, –
Правнуков меч не ослаб!*

[71: 234–235]

Картины современной поэту России освещаются древнерусским светом, благодаря упоминанию легендарных древнерусских князей, родоначальников русских дружин:

(1) *Солнце верхом на овине
Трубит в лазоревый рог.
Как и при **Рюрике** ныне
Много полюдных дорог.
В Индию, в сказку, в ковригу...
(Горестен гусельный кус.)
Помнит татарское иго
В красном углу Деисус.
Грезит изба **Гостомыслом** <...>*

[73: 42]

(2) *Алексею ружит деревня,
Как Велесу при **Гостомысле**.*

[73: 472]

Описывая Царское Село в поэме «Песнь о Великой Матери», поэт восклицает:

*Ах, посмотрел бы **Рюрик, Трувор**
На эту северную благодсть!*

[75: 38]

Упомянув о событиях японской войны и революции в начале XX века, Клюев обращается к образу «Варяга», имея в виду легендарный крейсер «Варяг» (и песню о нем) как символ русских воинских подвигов:

(1) В бубенце и в напеве матросов
Погибающий стонет **«Варяг»**.

[73: 93]

(2) В Марсельезе, в напеве **«Варяга»**
Опадает судьба–виноград.

[73: 93]

Однако, следуя утверждению Святого благоверного князя Александра Невского – «Не в силе правда, а в Боге», Клюев выражает христианское отношение к мировым событиям:

*О, ладанка Божья – вселенский рычаг,
Тебя повернет не железный Варяг.*

[73: 311]

Образы былинных героев, а также образ Коловрата – древнего национального героя, борца за освобождение от иноземного ига, используются Клюевым в поэме «Деревня» для изображения здорового богатырского начала в дореволюционной русской деревне:

(1) Лавицы – сидеть **Святогорам...** [74: 304]

(2) Ах, парни, – **Буслаевы Васьки,**
Жильцы из **разбойной сказки,**
Все лететь бы голью на **Буяны**
Добывать золотые кафтаны!
Эво, как схож с **Коловератом,**
Кучерявый, плечо с накатом <...>

[74: 305]

Эту же символическую функцию выполняет и повторяющийся в творчестве поэта мотив Куликова поля:

*Нам любы **Бухары, Алтай** –
Не тесно в родимом крае,
Шумит **Куликово поле**
Ковыльной залетной долей.*

*По **Волге**, по ясной **Оби**,
На всяком лазе, сугробе
Рубили мы избы, детинцы,
Чтоб ели внуки гостинцы,
Чтоб девки гуляли в бусах
Не в чужих косоглазых улусах!*

[74: 305]

Подвиги Коловрата, воспетые в древнерусских воинских повестях («Повесть о разорении Рязани Батыем»), «Повесть о приходе Батыя на Рязань»), связаны с Рязанской землей. Поэтому великого русского поэта, сына рязанской земли, Есенина Клюев называет «*внуком Коловрата*» [73: 93], в другом месте он пишет:

*Ты – **Коловратов кладенец**,
Я – бора пасмурная сила.*

[73: 91]

Увлечение Есенина богемной суетой, опустошающей его физически и духовно, его отдаление от христианских истоков рассматривается Клюевым как беда всероссийской значимости и оплакивается:

- (1) *Спозаранка знать **внук Коловрата**
Аду Негри дарил перстеньком...
Поседела **рязанская хата**
Под стальным **ливерпульским** лучом.*

[73: 93]

- (2) *Не с **Коловратовых полей**
В твоём венке гелиотропы, –
Их поливал Мариенгоф
Кофейной гущей с никотином...
От оклеветанных **голгоф** –
Тропа к **цудиным осинам**.
Скорбит Рязанская земля <...>*

[73: 400]

Образы древнерусских князей и княжеской дружины используются поэтом также и при описании революции и связанных первоначально с ней надежд на будущее, а затем наступившей разрухи:

(1) *И атлас с варяжскою кольчугой*

Обручится вновь сольет уста...

За безмерною зырянской вьюгой

Купина горящего куста.

[74: 190]

(2) *Смертельны каменные обноски*

*На **Беле-озере**, где **Синеус**...*

*Облетают **ладожские** березки,*

Как в былом, когда пела Русь.

*Когда **Дон испивался шеломом,***

На базаре сурьмился медведь.

Дятлом – стальным реминтоном –

*Проклевана **скифская медь.***

[74: 184]

Русь – область

В науке по-разному определяется, к какому географическому пространству первоначально применялось название Русь [163: 499–505]. «Русь – область накладывалась географически на путь «из варяг в греки» и, следовательно, это понятие возникает как следствие движения. Поскольку движение шло в обоих направлениях (с севера на юг и с юга на север), возможными оказались две гипотезы. По мнению Ключевского и его последователей в наши дни, название «русь», сначала этническое, потом сословное, а затем уже географическое двигалось с севера на юг: Скандинавия → финно-угорские территории → Русский Север → Новгород → Киев и далее...» [163: 499]. Следуя другой научной традиции, Б. А. Рыбаков связывает первоначальное значение этого термина с происхождением русской государственности в Киеве. По его мнению, первоначальная Русь – «сравнительно небольшой треугольник, вершиной которого был Киев, одной из сторон – Днепр

от Киева до Канева, а основанием бассейн Роси». Автор делает вывод о существовании трех географических концентров, одинаково называемых Русью или Русской землей: 1) Киев и Поросье; 2) Киев, Поросье, Чернигов, Переяславль, Северная земля, Курск и, может быть, восточная часть Волыни, то есть лесостепная полоса от Роси до верховьев Сейма и Донца; 3) Все восточнославянские земли от Карпат до Донца и от Ладоги до степей Черного (Русского) моря [140: 23–104].

Далее Б. А. Рыбаков делает вывод: постепенное расширение областей с названием «Русь» отражает исторические этапы развития русской народности от племени к союзу племен и от союза племен к народности» [140: 66].

Клюев обнаруживает прекрасное знание истории и исторической географии России. В понимании рассмотренной выше проблемы он следует за В. О. Ключевским (исследований Б. А. Рыбакова он, естественно, не мог еще знать). Однако непосредственным источником его поэтической географии изначальной Руси была художественная география древнерусской литературы, особенно «Слова о полку Игореве», и северный фольклор, сохранивший самые древние архетипы географических представлений. Немаловажную роль играло и хорошее знание традиций использования поэтики «Слова» и др. памятников древнерусской литературы в отечественной литературе XVIII–XIX веков (у Державина, Радищева, Львова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, поэтов-декабристов и других).

Новгородская земля, Валдай, о. Ильмень в поэзии Клюева становятся знаками Руси изначальной и Руси истинной. В «Застольном сказе»:

*Как у нас ли на **Святой Руси**
Городища с пригородками,
Красны села со приселками,
Белы лебеди с лебедками, <...>
Наша банища от **Камы** до **Оки**,
Горы с долами – тесовые полки,
Ковш узорчатый – **озерышко Ильмень**:
Святогору сладко париться не лень!*

И заканчивается сказ опять обращением к Руси изначальной:

*Сердце, сердце, русской удали жильё,
На тебя ли ворог точит лезвие, <...>
Чтобы верба за иконой не цвела,
Не гудели на Руси колокола,
И под благовест медовый в вешний день
Не приснилось тебе **озеро Ильмень**,
Не вздыхало б ты от жаркой глубины:
Где **вы, вещице Бояновы сыны?***

[73: 339–340]

«Новгород седой» становится мерилем современных поэту событий как священный исток Руси:

(1) *На преподобного **Салоса**
Угодника с Большой Торговой,
Цветистей в **Новгороде** слово.*

[75: 42]

(2) ***С вечевых Новгородских крылец**
В **Русь** вошла золотая Обида.
В ручке грамота: Воля, Земля,
На груди образок **Рублевский**...*

[74: 200]

В поэме «Деревня», говоря о кошунствах революционеров, Клюев упоминает осквернение мощей Святителя Никиты Новгородского (XII век), в поэме «Разруха» он снова обращается к Новгородскому мотиву:

*Рыдает **Новгород**, где тучкою златимой
Грек Феофан свивает пасмы фресок
С церковных крыл – поэту мерзок
Суд палача и черни многоротой.*

[73: 228]

Центром клюевской географической карты всегда оказывается Новгородская земля, Русский Север. См. примеры выше, в предыдущих разделах, а также:

(1) К **валдайской** нищей хлевушке
Потянутся зебры, веприцы.

(2) Из **избы** вытекают межи,
Русские тракты, Ломоносовы, Ермаки...
Убежать в **половецкие** вежи
От **валдайской** ямищуккой тоски.
Журавинная, русская тяга
С Соловков – на узорный Багдад...

[73: 93]

Как и другие поэмы, «Песнь о Великой Матери» посвящена географической колыбели России – Русскому Северу, Поморью – новгородским землям. Автор начинает поэму с поэтической карты северных новгородских земель, весь поэтический строй этого начала зиждется на севернорусских топонимах. Они звучат как песня:

Эти гусли – глубь **Онега**,
Плеск волны **палеостровской**, <...>
И томит лесная нега
Ель с **карельскою** березкой.
Эти притчи – в день Купалы
Звон на **Кижках** многоглавых, <...>
Эти вести – рыба стая,
Что плывет, резвясь, играя,
Лосось с **Ваги**, язь из **Волды**,
Леуц с **Мегры...**

[75: 4]

В топонимической системе в поэзии Клюева самыми многочисленными являются топонимы Русского Севера [ПСК, 1].

Русь – государственная территория

По мнению В. О. Ключевского, а затем Ю. С. Степанова, это значение слова «Русь» возникло позднее этнического, сословного и областного: «Кажется, уже в XI–XII вв. термин **Русская земля** усвоил и политическое значение, стал обозначать свою территорию, которой владела Русь с киевским князем во главе. Такое значение можно подозревать в термине уже по договору Олега с греками в 912 году. В этом договоре (§ 8) **Русская земля** противопоставляется земле «Грецкой» и, следовательно, обозначает все пространство, на котором действовала власть киевского князя» [163: 505]. Ключев возрождает древнерусскую традицию называть русскую государственную территорию – «Русской землей» и тем самым устанавливает духовную связь между изображаемыми им событиями XX века и древнерусской истории, между своим поэтическим творчеством – и древнерусской литературой, особенно «Словом о полку Игореве», с его постоянными обращениями к мысли о родине: «За землю **Русскую**, за раны Игоревы, удалого Святославича!», «О! Стонать **Русской** земле, вспоминая прежнюю годину и прежних князей!», «Бог стезю Игорю кажет из земли Половецкой в землю **Русскую**, к отчему золотому престолу» и др. Ср., у Ключева в «поэме «Разруха», слышим переключку с этим произведением, а также со «Словом о гибели **Русской** земли»:

*Как в стужу водопад, плачь, **Русская** земля,
С горячим льдом в пустых глазницах <...>
Плачь, **Русская** земля, потопом –
Вот Киев, по усладным тропам
К нему не тянут богомольцы <...>
Плачь, **русская** земля, на свете
Злосчастней нет твоих сынов <...>*

[73: 229–230]

В поэтической географии Н. А. Ключева нашли отражение события начальной истории становления русской государственности, которые в его произведениях сосуществуют в неразрывной связи

с современной поэту историей. Это и упоминание о хазарах («*Да обронил хазарскую гривну – побратимово слово...*» [73: 177]; «*Не покуплюсь и шейной гривной / Хазарских золотых рублей...*» [76: 99]). Это и упоминание о древнем торговом пути из Ирана на Каму:

*Не потому ли у Абаза
Сосцы – две розы из Ширази
И пламя терпкое в кости?!
Велик Сиам и древни Хмеры,
Порфирный Сива пьет луну
И видит **Пермскую** весну
Из глубины своей пещеры.*

[75: 25]

Поэт воссоздает образы древнерусских городов и их святынь – Киева, Владимира, Чернигова и др. как преемников византийской культуры, а через нее – древней мировой культуры. Для поэта живо то, что «критик и газетный плут, чихнув, архаикой зовут» [75: 22]. В «Песни о Великой Матери» он пишет:

*Но это было! Было! Было!
Порукой – лик неведимой силы –
Владимирская Божья Мать!
В ее очах **Коринфа** злать,
Мемфис и пурпур **Финикии**
Сквозят берестой **России**
И нежной просинью **Вифезды**.*

[75: 22]

Считается по давней традиции, что культ Богородицы на Руси как защитницы страны, города и освободительницы пленных был прочно связан с константинопольским Влахернским монастырем. Согласно Лаврентьевской летописи, образ Богородицы, получившей имя Владимирской, был привезен во Владимир в 1154 году. Одновременно с Владимирской Богородицей на одном корабле была привезена из Константинополя другая икона – по преданию, список

с почитаемой во Влахерне иконы Одигитрии, Путеводительницы. Икона получила имя **Пирогощей**. Существует несколько этимологий этого названия [169; 88: 270–281]. По этой иконе был назван один из несохранившихся храмов Киева, который упоминается в «Слове о полку Игореве». Князь Игорь, возвратясь из половецкого плена, направляется поклониться именно этому образу: «Игорь едет по Боричеву ко **Святой Богородице Пирогощей**». В поэме Клюева «Деревня» имя этой Богородичной иконы становится собирательным символом образа Богородицы – Покровительницы России. Описывая кровавые события безбожной революции, уничтожившей христианскую государственность, он пишет:

*Ты, Рассея, Рассея-теща,
Насолила ты лихо во щи,
Намаслила кровушкой кашу –
Насытишь утробу нашу! <...>
Мы не знаем ныне покою,
Маета-змея одолела
Без сохи, без милого дела,
Без сусальной в углу **Пирогощей**...*

[74: 308]

В Северно-Восточной Руси особенно ярко проявилась связь Богородичного культа с развитием православной государственности. Главные соборы во Владимире, Суздале, Ростове, Ярославле были посвящены Успенью Богоматери. В Киевской Руси самые ранние – Киевская и Новгородская София. В поэтической топонимике Клюева это также нашло свое отражение. Идеалом – образцом для русских городов был Константинополь – Царьград. Не случайно поэтому Клюев постоянно обращается к этому образу, считая его судьбоносным для русской государственности и культуры.

*Но мастера небесных матиц
Воздвигли вещему **Царьград**.
В тысячестолпную **Софию**
Стекутся зверь и человек.*

*Я алконостную Россию
Запратал в дедовский сусек.*

[74: 167]

Таким образом, поэтическая география Святой Руси в творчестве Н. А. Клюева отразила во всей полноте традиции древнерусской литературы и тем самым возродила их для русской литературы XX и XXI веков.

ЛИКИ СВЯТОЙ РУСИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВОЛОГОДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

*Да, путь её и многотруден,
И объясним не всякий раз....
Но Русь была,
И есть,
И будет
До нас,
При нас
И после нас.*

Виктор Коротяев

Святая Русь и в XX веке не погибла! Она жила в глубинном самочувствии русского народа, душа которого осталась живой, несмотря на все адские перепаутья новейшей истории. Произведения наших писателей свидетельствуют об этом.

Сергей Орлов – поэт-фронтовик из Белозерска, защищая Отечество от фашистов, понимал, что он защищает Святую Русь. Зимой 1944 года после освобождения Новгорода он написал стихотворение: «Танки в Новгороде». Оно начинается с сыновнего обращения к знаменитому древнему Софийскому собору, а танкистов, своих товарищей, поэт сравнивает с героями святого князя Александра Невского:

*Матерь – новгородская София...
Стены опаленного кремля...
Через улицы твои пустые
Мы прошли с ветрами февраля.
Громыкая тяжкою броней,
Будто витязи седых времен,
Александра Невского герои –
Танковый отдельный батальон.*

Александр Александрович Романов в 90–е годы с возмущением протестовал против огульного очернения нашей жизни советского периода: «*Это было в эпоху коммунизма*» – так, похихикивая, говорят уже о годах, прожитых нами». И далее писатель поясняет, почему он против осмеяния этих лет: это было время, когда жили и творили наши писатели-подвижники русской литературы, смелые и мужественные люди: «*...О годах, прожитых вместе с Шолоховым и Твардовским, а если взглянуть поближе к нам, то вместе с Фёдором Абрамовым, Александром Яшиным, Сергеем Орловым. Уж этих-то мужественных и талантливейших людей никак не упрекнёшь в раболепии или в слабости духа. Они были из кремнёвой породы. Жили своим умом. Горели своим огнём. Шли к людям с добром. И рано оборвались их жизненные пути ...*» [135: 282–283].

Слов «Святая Русь» почти не встретишь в поэзии второй половины XX века, однако многие вологодские поэты относились к России как к самой главной для них святыне. В поэзии Виктора Коротяева это священное чувство любви к Родине звучало особенно пронзительно и откровенно и рождало действительно образы Святой Руси:

*Какая даль лежала предо мною...
Я, чувствуя причастность к ней и гордость,
Смотрел в неё и знал, что за спиной
Не менее прекрасная простёрлась.
Светило солнце светом поздних сил,
Леса роняли медленно убранство,*

*И белый храм, как облако, парил
И озарял дремавшее пространство.
«Россия! Как легко с тобой вдвоём, –
Шептал я ...*

[84: 144]

Белый храм как символ Святой Руси мы встречаем и во многих стихотворениях Николая Рубцова. Его святорусские пейзажи полны печали и тревоги: лирический герой боится утратить это чудо старины и разбить крылья своей души:

*И храм старины, удивительный, белоколонный,
Пропал, как виденье, меж этих померкших полей, –
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной царской
короны,
Но жаль мне, но жаль мне разрушенных белых церквей!..
О сельские виды! О дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел. Под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!*

[139: 154]

Стало классическим стихотворение Н. М. Рубцова «Ферапонтово», в котором поэт сердцем и душой проникает во времена Святой Руси:

*В потемневших лучах горизонта
Я смотрел на окрестности те,
Где узрела душа Ферапонта
Что-то Божье в земной красоте.
И однажды возникли из грёзы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как берёзы,
Диво дивное в русской глуши!
И небесно-земной Дионисий,
Из соседних явившись земель,*

*Это дивное диво возвысил
До черты, не бывалой досель...
Неподвижно стояли деревья,
И ромашки белели во мгле,
И казалась мне эта деревня
Чем-то **самым святым на земле...***

[139: 404]

Кроме зримых, живописных, образов, поэты создают тонкие музыкальные образы Святой Руси. Так, у Виктора Коротаява русская природа, замерев, в тишине внимает небесной музыке:

*Музыка льётся с небес
В светлые горницы полдня.
От удивления лес
Ушки топориком поднял.
Не оборвётся игла
Неосмотрительно с ёлки,
Даже листва замерла
И колокольчики смолкли.
Выйдя из хвойных глубин,
Высшей покорные силе,
Все ручейки как один
Вдруг язычки прикусили.
Музыка льётся смелей
В ясные горницы мая,
Видно по лицам детей:
Вправду она не земная.
И потому допоздна,
В такт головою кивая,
Только сама тишина
Тоненько ей подпевает.*

...

[84: 232]

У Николая Рубцова есть удивительно бодрое, духовно просветлённое стихотворение «Выпал снег ...», в котором поэт вдохновляется не только древнерусская красота зимней Вологды, но радостная весть (сравните: благая весть – Евангелие), которая вместе с белым снегом летит по всей России. И поэт призывает её услышать:

*...Вдоль по улице по узкой
Чистый мчится ветерок,
Красотою древнерусской
Обновился городок.*

*Снег летит на храм Софии,
На детей, а их не счесть.
Снег летит по всей России,
Словно **радостная весть**.*

*Снег летит – **гляди и слушай!**
Так вот, просто и хитро,
Жизнь порой врачует душу...
Ну и ладно! И добро.*

[139: 391]

Таким образом, и в конце XX века душа русского народа сохранила способность слушать музыку Небес, внимать Слову Божию. Душа народа всё вспомнила, и произошло чудо – «Руси крещение второе», как пророчески предвещал в годы гонения на Православие Николай Клюев. Александр Александрович Романов вспоминает начало этой эпохи чудесного воскресения Руси:

«Вспомнилось мне, как однажды вечером (10 июня 1988 г.) слушал я по радио праздничный концерт из Большого театра, посвящённый 1000-летию крещения Руси. Какая музыка, какое пение! Большие трёх часов сидел, не тронувшись с места, всё слушал, слушал, – и всё было мало! Кажется, впервые душа соприкоснулась с музыкой веков и обрела простор милосердия, покаяния и небесной чистоты. Как я жалел, что моя мать не дождала двух годов до этого дня, когда

голос Русской Православной Церкви зазвучал по всенародному радио, и вся Россия на эти три часа превратилась в немыслимо огромный и образно засиявший храм нашей тысячелетней Веры! Как бы счастливо плакала мать и крестилась, и замирала исстрадавшейся душой своей от света долгожданного праздника!..» [135: 284].

В те торжественные минуты возвращения к Богу А. А. Романов глубоко проник в самую суть православного самосознания русского человека:

«Да и сам я, уже седой человек, слушая духовную музыку, проникся неведомой дотоле глубиной и высотой нравственного самопознания, ощущая, как теснятся во мне сумерки заблуждений и как пресветло – радостно вливается взамен откровение земли и неба, человека и Бога, мига и вечности» [135: 284].

Не забыл писатель и самого важного в нашей православной вере – покаяния и исповеди, без которых невозможно очищение души и её возрастание, и без которых у нас нет возможности приобщиться к Святым Христовым Таинствам. А. А. Романов пишет:

«Во мне возникло страстное желание покаяться в ошибках, которые уже были забыты, а тут вновь открылись во всей своей неприглядности; стать добрее, терпимее, милосерднее к людям...

И подумалось мне: христианская исповедь и молитва – это вечное развитие души к лучшему своему состоянию, это бесконечное самоусовершенствование человека, его каждодневный духовный рост в высоту добра, совестливости и житейской праведности...

Я слушал духовную музыку и плакал радостно, просветлённо, самоукоризненно...» [135: 284–285].

В древнюю Вологду в эпоху возрождения Православной Веры вернулся колокольный звон. А. А. Романов посвящает этому событию своё стихотворение «Колокола»:

*Звон вечервой, извечный
Замкнули на замки
И ложью, как увечьем,
Связали языки.*

*Но время шло... Расторглась
И расточилась мгла.
Слышь – будто правды возглас –
Гудят колокола!*

*В сознание нашем тусклом,
Как вихри в тупике,
Поют на древнерусском,
Забывтом языке.*

*В порыве удивленья
Кипят у стен седых
Людские поколенья,
Не слышавшие их.*

...

[135: 109]

Поэт создаёт поэтический образ родной Вологды как города святорусского, основанного в древности преподобным Герасимом:

*Изначальная Вологда
Над рекою выросла.
Из секиры и молота,
Топора и весла.*

*У монаха Герасима
Крест потел на груди:
Что ни ель, то орясина –
В небо храм возводи!*

*Он с мужицкой упрямостью
Выбивался из сил
И с молитвенной радостью
Подвиг свой завершил.*

*Вот по зареву красному
Выплыл с церковки звон.
Шли молиться к Герасиму
Люди с разных сторон.*

*Осеньял их двуперстием
И молиться учил.
И в оконца божественно
Проливались лучи.*

*Стихли черти и лешие,
Освятились пути.
По всему побережью
Стали избы расти...*

*Так и ширилась смолоду
Над рекой слобода,
Чтобы вырасти в Вологду
Для молитв и труда.*

...

[135: 110]

Лики Святой Руси поэты прозревают не только в истории отечества, не только в природе, но и в людях – своих современниках. Вологодские писатели создали целую галерею образов простых тружеников-крестьян, сохранивших в своих характерах и судьбах православные нравственные основы. Это терпеливые, мужественные, правдивые герои Василия Белова, Ольги Фокиной, Александра Романова, Александра Цыганова и других. Так, в героине стихотворения А. А. Романова «Божатка» мы узнаём своих родственниц старшего поколения – жительниц вологодских деревень, которые, сами не зная того, являлись хранительницами Святой Руси, её нравственной чистоты, бескорыстия и сердечной открытости:

*Есть в деревне у нас божатка –
Так мы родственницу зовём –
Приезжай хоть ночью, хоть днём,
С кем угодно – накормит сладко.
Удивляться не перестану:
Голова уж белым-бела –
Столько стужи пережила,
А в глазах, конечно, усталых
Неизбывно ещё тепло.*

....

[135: 149]

Когда я читаю последние, заключительные строки этого стихотворения:

*...Где, скажите, ещё найдётся
Терпеливее доброта?! –*

вспоминаю и мою *божатку* – крёстную тётю Раю Тихомирову и её дочь Тамару, жителей деревни Квасюнино Шекснинского района...

* * *

В заключение обратимся к пророческим словам наших духовных писателей. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн Снычёв свою книгу «Самодержавие духа. Очерки русского самосознания» начал словами святого Иоанна Кронштадтского: *«Перестали понимать русские люди, что такое Русь! Она есть подножие Престола Господня. Русский человек должен понять это и благодарить Бога за то, что он русский»*. И далее митрополит Иоанн Снычёв продолжил мысли святого: *«Эти слова всенародного русского пастыря, святого праведного отца Иоанна Кронштадтского как нельзя более злободневны сегодня, когда решается судьба Отчизны. Наше будущее зависит от того, сумеем ли мы ныне восстановить историческую преемственность русской жизни, осознать себя продолжателями великого русского дела, хранителями и защитниками духовных сокровищ тысячелетней российской истории»* [101: 7].

Эти слова, сказанные около тридцати лет назад, стали ещё более важными в наше время. Действительно, наши современные писатели понимают свой долг: они должны быть *«хранителями и защитниками духовных сокровищ тысячелетней российской истории»*.

Россия, Русь! Храни себя, храни!

ВЕРА И ИСТИНА

Умирись с собой, и умирятся с тобой небо и земля...

Преподобный Исаак Сирин

ПОЭТИЧЕСКОЕ ИСПОВЕДАНИЕ ВЕРЫ В СТИХОТВОРЕНИЯХ АЛЕКСАНДРА ПОШЕХОНОВА

Многие старинные русские слова, так необходимые для души и её духовной жизни, исчезли из современной речи и даже из современных словарей. Некоторые из них формально сохранились, но утратили свою смысловую многогранность и глубину. Именно такая участь постигла слово *исповедание*, которое, по данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.», в Древней Руси было живым и переливалось всеми своими смысловыми гранями [СРЯ XI–XVII вв.: 274–275]. Святитель Игнатий Брянчанинов глубоко раскрыл духовный смысл выражения *исповедание веры*. В проповеди «Таинственное объяснение 99 псалма» он пишет: «Смирение – врата Божиим ... в храм сердечный, в котором водворен Бог. <...> Они открываются исключительно перстом Божиим. Пред отвержением их даруется исповедание, исповедание сердечное, исповедание от всей души. Исповедание есть действие смирения. Исповедание есть выражение человеком сознания его пред Богом. Сознание это является ... от прикосновения благодати к очам души» [143: 549–550].

Исповедание веры как особое внутреннее состояние человека – «прикосновения благодати к очам души» – требует особых слов. Выдающийся богослов и филолог Павел Флоренский образно описал эти особенные слова так: «Но существуют ещё и другие слова, – слова в подлинном и высшем смысле, ... рождающиеся от души и при своём рождении отрывающие с собою частицу души, – слова, выносящие наружу и являющие сокровенное её. <...>

Творческое слово является точным откровением этого сокровища» [149: 690–691].

Подобное исповедание веры мы находим в творчестве **Александра Пошехонова**. В одном из стихотворений он пишет: *«Даст Господь мне живые слова...»*. Поэт отверг лживые, неестественные слова и возлюбил Слово:

*Мы живем в неестественном мире,
Где и запаха нет естества,
Где мечтает толпа о кумире,
Возлюбив вместо Слова слова.
Сколько слов... К ним бы толику смысла,
Чтоб прочистить слепые мозги.
Но слова превращаются в числа,
А за числами теми – ни зги. ...²*

Вера в Бога, по словам христианских святителей, делает человека счастливым даже в печальной земной юдоли. Поэт и богослов архиепископ Иоанн Шаховской написал такие вдохновенные и мужественные строки:

*Кто истинно в Бога верит,
Сердце того в Раю.
Он жизнью Христовой мерит
Бедную жизнь свою.*

Такое же вдохновение звучит и в стихотворениях поэта **Александра Пошехонова**:

*В январском небе музыка слышна,
Как будто в вышине оркестр незримый,
Тревожа душу и лишая сна,
Озвучивает мир неповторимый.*

*Загадочные звуки неспроста
Заполнили полночное пространство,*

² Здесь и далее цитируются стихотворения Александра Пошехонова, размещённые на сайте «Вологодский литератор» в разделе «Поэзия [125].

*От них исходит Божья чистота
И ангельского бденья постоянство.*

*Попрятались лукавые слова,
Лишь сердца молоточки подпевают
Мелодии Любви и Рождества,
Которая всю землю овевает.*

*Молчат тревоги будущего дня,
Не оскверняет долы гарь моторов.
Живые звёзды смотрят на меня,
И мне тепло от их далёких взоров!..*

Вера преображает взор человека, позволяет ему увидеть святость, растворённую в мире природы. А это вселяет в душу радость духовную:

*С утра морозец знатно пробирает,
Мол, погуляй да к дому поспеши.
В печурке уголёчки догорают,
Подмигивают бодро, от души.
А за окном пичуги славят Бога,
Молитвами невучими звеня.
И солнцем озаренная дорога
Поближе к небесам зовет меня.
Обыденными занятый делами,
Я равнодушен к праздности земной.
И ангелы беззвучными крылами
Святят морозный воздух надо мной!..*

Поэт не отрывается от земной реальности, всё видит, понимает и страдает. Однако для него важнее иная реальность – духовная, вера в которую даёт душе поэта силы выстоять и не погибнуть. Он призывает: «*А уверуем мы в Благодать / И в Божественный Свет над грехами*». Это ключевые слова в следующем стихотворении Пошехонова:

*Дорогая подружка моя,
Вот и я повзрослел не на шутку.
От весёлых картин бытия
Временами становится жутко.*

*Вздыблен век и пришпорены дни,
И всё чаще в любимцах былое.
Пред глазами, куда ни взгляни,
Суета да невежество злое.*

*Одиноко и мне, и тебе,
Зябнем оба под клетчатым пледом.
Что за стужа прошла по судьбе,
Что за невидаль топает следом?*

*Мы не будем про это гадать –
Жизнь юдольная ест с потрохами.
**А уверуем мы в Благодать
И в Божественный Свет над грехами.***

***Хорошо, что на стыке дорог
Белокаменный Храм, как спасенье.
Хорошо, что на нас смотрит Бог,
Хорошо, что грядёт Воскресение!..***

Александр Пошехонов часто обращается в стихах к своему деревенскому дому, к деревенской тишине, где его поэтической душе особенно отраднo осознавать близость Творца:

*... Как отраднo скучать в тишине деревенского дома,
Уповая всецело на тайную волю Творца.
Как отраднo глядеть в побелённое снегом оконце
На пугливых синиц, на пустынные наши леса.
Промелькнёт в вышине и за тучами спрячется солнце –
Вот, пожалуй, и все на сегодняшний день чудеса.*

Замечательна по своей святой простоте и доброте светлая песня Александра Пошехонова «Деревенька моя»:

*Со святой простотой
Ветер в окна врывается.
От простого труда
Не уйти никуда.
И заря со святой простотой
Улыбается,
И звенят со святой простотой
Провода.*

*Деревенька моя –
Светлых дней половодье,
Мой надёжный причал
И отрада очей.
Даст Господь мне живые слова,
А мелодию
Мне подскажет живой,
Говорливый ручей.*

...

Только вера в Бога помогает сохранить трезвость ума и сердца и не поддаваться лживому обману, коварной клевете на русский народ:

*Для нас такая новость не нова:
Воскрес Иван, не помнящий родства.
Глядит на Русь, как истовый жираф:
Везде он выше всех, во всём он прав.*

*Пролез в газеты, на телеэкран:
Страна – агрессор, президент – тиран!
Да здравствует свобода «меньшинства»!..
Такие вот «высокие» слова.
Нет для него роднее этих тем...*

***А мы живем наветам вопреки,
Содружеством да верою крепки,
Сплочённостью души и естества,
Не слушая не помнящих родства.***

*И будем жить, и будем воз тянуть,
Чтоб под чужие песни не заснуть
Обманчивым, коварным «вечным сном»
Беспамятной ордой в краю родном.*

* * *

Читаю стихи Александра Пошехонова и радуюсь благодатному молитвенному состоянию, которое автор передает и мне в, казалось бы, простых и безыскусных строках:

*Мила печная канитель –
Под вечер в доме выстывает.
Душа, как птица-свиристель,
Свои молитвы напевает...*

* * *

*В деревушке, в родимом краю
Я осенние песни пою,
Я с веками веду разговор.
Сладок мой добровольный затвор.*

*Свет лампадки пред Ликом Христа.
Сердце – настезь, и совесть чиста.
Как отрадно, как радостно мне
Помолиться в ночной тишине.*

*За любимую матушку Русь
Перво-наперво я помолюсь,
А потом – за народ, за семью
Я продолжу молитву свою.*

*И за мир помолюсь, и за лад,
Чтоб на брата не щерился брат.
А потом – за себя, молодца:
«Дай мне, Боже, любви до конца!..»*

Размышляя над этим стихотворением, осмысливая его, я вспоминаю поучения о молитве святителя Тихона Задонского, жившего в XVIII веке. Читаю их и сравниваю со стихотворением Александра Пошехонова. Удивительно, что русский поэт, живущий в XXI веке, в своих чувствах и мыслях твёрдо идёт в русле святоотеческой традиции.

Святитель Тихон учил: молитва всегда и везде возможна, «*по-неже Бог на всяком месте есть, – «Бог наш на небеси и на земли», глаголет Псаломник (Пс. 113, 11), – убо на всяком месте и молитву слушает»* [170: 543–544]. Так и поэт тихо творит свою молитву, затапливая печь в деревенском доме: «*Мила печная канитель – Под вечер в доме выстывает. Душа, как птица-свиристель, Свои молитвы напевает»*. Печное тепло согревает тело, а молитва – душу.

Уверенность поэта в том, что Бог повсюду, поэтически выражена и в другом его стихотворении:

*Утром встанешь – тишина,
Только лай собаки дальний.
И хмелит сильней вина
Перелесков вид печальный.*

*Улыбнёшься снегирю,
Как обыденному чуду,
Поприветствуешь зарю,
Твёрдо зная – Бог повсюду.*

...

«*Бог повсюду»*, поэтому душа верующего человек постоянно и везде пребывает в молитве: «*Душа, как птица-свиристель, Свои молитвы напевает»*. Похожее сравнение есть и у св. Тихона: «*Христианин без молитвы, что птица без крыльев»* [170: 540].

Святитель Тихон наставлял: *«Молиться должно не токмо языком, но и сердцем, то есть от сердца должна происходить молитва»* [154: 547]. Именно так от чистого сердца молится лирический герой в стихотворении А. Пошехонова: *«Свет лампадки пред Лицом Христа. Сердце – настезь, и совесть чиста. Как отрадно, как радостно мне Помолиться в ночной тишине»*. Поэт говорит о чистой совести во время молитвы, так как знает, что, приступая к беседе с Богом, надо *«прежде очистить сердце от всего противного Богу»* [170: 549].

Молитва от чистого сердца сопричастна благодати, которая даёт человеку от Бога и которую молящийся воспринимает как духовную радость [170: 535]. Поэт передает это сладостное состояние души: *«Сладок мой добровольный затвор ... Как отрадно, как радостно мне Помолиться в ночной тишине»*. Радостью духовной проникнуты и другие стихотворения поэта, о которых мы упоминали ранее.

Св. Тихон Задонский писал, что молитва есть проявление христианской любви к ближним: христиане всегда молятся друг за друга [170: 537]. Лирический герой Пошехонова молится *«за любимую матушку Русь ..., за народ, за семью»*.

А завершается стихотворение молитвой о даровании любви: *«И за мир помолюсь, и за лад, Чтоб на брата не щерился брат. А потом – за себя, молодец: „Дай мне, Боже, любви до конца!“...»*. В наше время это, пожалуй, самая нужная для всех нас молитва.

Только истинный христианин способен *«мир созерцать незлобиво»* и *«верою душу питать»*. Искренность Александра Пошехонова в поэтическом исповедании веры даёт надежду, что она воодушевит читателя на такой же духовный подвиг:

*Только б молиться
Да мир созерцать незлобиво –
Вот моя правда
И вот моё дивное диво.
Больше не хочется мне
Ни блудить, ни роптать.
Только бы верить
И верою душу питать!..*

ОБРАЗ СЯТЯТЕЛЯ НИКОЛАЯ ЧУДОТВОРЦА В ПОЭЗИИ Н. А. КЛЮЕВА

«От Холмогор до Колы – тридцать три Николы» – гласит древняя поморская пословица. С ней перекликаются поэтические строки Николая Ключева:

*Студёная Кола, Поволжье и Дон
Тверды не железом, а воском икон.*

Творчество Н. А. Ключева, возродившего традиции древнерусской литературы в поэзии XX века, является художественным свидетельством глубокого почитания на Руси Святителя Николая Чудотворца.

В старообрядческой среде, в которой прошло детство и юность поэта, он приобщился к духовной славе этого великого святого. Крещён Ключев был в память древнерусского святого XII века Николая Святоши, черниговского князя, который, оставив семью и княжество, в 1107 г. принял иночество в Киево-Печерской обители, в трудах, молитве и бдении провел более тридцати лет (Память 14 (27) октября) [45: 155–160].

Ключев глубоко почитал Св. Николая Чудотворца и его иконы, созданные на Русском Севере. Воспоминаниями детства навеяны его многие поэтические описания крестьянской избы с иконами Спасителя, Богородицы и Николая Чудотворца в красном углу:

*Запечных потемок чурается день,
Они сторожат наговорный кистень, –
Зарыл его прадед-повольник в углу,
Приставя дозором монашенку-мглу.
И теплится сказка. Избе лет за двести,
А все не дождетя от витязя вести.
Монашка прядет паутины кудель,
Смежает зеницы небесная бель.
Изба засыпает. С узорной божницы*

Взирают **Микола** и сестры Седмицы,
На матице ожила карлиц гурьба,
Топтыгин с козой – избяная резьба.

[77: 250]

С молодости Ключев был тонким ценителем и знатоком севернорусской иконографии. В записях 1919 г. он признавался: «*В обиходе я тих и опрятен; горница у меня завсегда, как серебряная гривна, сияет и лоснится; лавка дресвяным песком да берёстой натёрта – моржовому зубу белей не быть. В большом углу Спас поморских зелёных писем – глядеть не наглядеться: лико, почитай, в аршин, а очи, как лесные озёра... Перед Спасом лампада серебряная доможирной выплавки, обронной работы.*

В древней иконе сердце и поцелуи мои. Молюсь на Андрея Рублёва, Дионисия, Парамшина, выгорецких и устюжских трудников и образотворцев...» [78: 29].

В поэме «Погорельщина», воссоздавая красоту севернорусского народного искусства, наряду с другими героями – крестьянскими умельцами, Ключев поэтически изображает иконника Павла и тайны его творчества:

*Иконник Павел – насельник давний
Из Мстёр великих, отец Дубравне,
Так кличет радость язык рыбачий...
У Павла оцупить и глаз нерпячий –
Как нерпе сельди во мгле соленой,
Так духовидцу обряд иконный,
Бакан и умбра, лазорь с синелью
Сорочьей лапкой цветут под елью,
Червлец, зарянку, огонь купинный
По косогорам прядут рябины.
Доска от сердца сосны кондовой –
Иконописцу как сот медовый,
Кадит фиалкой, и дух лесной
В сосновых жилах гудит пчелой.*

Явление Иконы – прилет журавля, –
Едва прозвонит жаворонком земля,
Смиренному Павлу в персты и в зрачки
Слетятся с павлинами радуг полки,
Чтоб в роце ресниц, в лукоморьях ногтей
Повывесть птенцов – голубых лебедей, –
Их плески и трубы с лазурным пером
Сльвуют по Сиговцу «доличным письмом».
«Виденье Лица» богомазы берут
То с хвойных потемок, где теплится трут,
То с глуби озер, где ткачиха-луна
За красном янтарным грустит у окна.
Егорию с селезня пишется конь,
Миколe – с крещатого клена фелонь,
Успение – с перышек горлиц в дупле,
Когда молотьба и покой на селе.
Распятие – с редьки: как звезды креста,
Так редечный сок опалает уста.
Но краше и трепетней зографу зреть
На птичьих загонах гусиную сеть,
Лукавые мерды и петли ремней
Для тысячи белых кувшинковых шей.
То образ Суда, и метелица крыл –
Тень мира сего от сосцов до могил.
Студеная Кола, Поволжье и Дон
Тверды не железом, а воском икон.

[77: 671–672]

Упоминаются в этой поэме и известные в древности иконники Прокопий Чирин (конец XVI – первая пол. XVII вв.) и серебряных и золотых дел мастер Парамшин или Парамша (XIV в.):

В зимы у нас баско –
Деды бают сказки,
Как потемок скрыни,
Сарафаны сини,

*Шубы долгоклинны,
Лестовицы чинны!
По моленным нашим
Чирин да Парамшин
И персты Рублева –
Словно цвет вербовый!*

[77: 677–678]

Образ Андрея Рублёва проходит через всё творчество Клюева. По нашим данным, его имя упоминается более 20 раз [ПСК, 1].

В течение всей жизни Клюев собирал древние иконы. Он не был бездушным коллекционером. Поэт горячо молился перед ними, они были частью его сокровенной жизни, поэтому даже в трудные голодные времена он не хотел с ними расставаться, за что люди неверующие его осуждали. Свою любовь к древностям православной культуры Клюев не скрывал даже в самые страшные годы гонений на церковь, поэтому его можно назвать исповедником. Крестник Клюева И. Б. Западалов, с родителями которого был дружен поэт в двадцатые годы, пишет: «Несмотря на то, что ещё не утихли слухи о суровой расправе с митрополитом Вениамином и его духовными чадами, об «экспроприации» церковных ценностей (исчез серебряный иконостас Казанского собора, ограблены могилы царей в Петропавловке), Клюев не скрывал своих симпатий и любви к произведениям русской духовной истории и культуры, мысленно не расставался со своей уникальной коллекцией до конца жизни» [48: 51]. Вынужден был он расстаться со своими сокровищами только тогда, когда был арестован и сослан в Нарым, а затем в Томск. Судя по сохранившимся описям его имущества, которые недавно были опубликованы, Клюев хранил 34 деревянные иконы и 5 серебряных. В доверенности Зинаиде Павловне Кравченко на сохранение вещей, находившихся в Москве по Гранатному переулку, дом № 12, кв. 3 (2 июня 1934 г.), Клюев указал коллекцию икон, которые не раз упоминались и в его поэзии: «Неопалимая Купина, Феодоровская Божия Матерь, икона корсунская, Георгий на коне, Соловецкие чудотворцы, икона явление

Сергию Богоматери, икона Авраама, Исаака и Иакова, икона **Никола** и Григория Богослова, изображены во весь рост на черно-синем фоне. Все иконы размера 8 вершков. Икона Ангела Хранителя. Икона Спаса, Богородицы и Иоанна Предтечи с чашей в руке. Икона преподобного Нифонта, Казанской; **икона на серебряном фоне Никола с умилением**, внизу Георгий на коне и святые, размер 5 вершков» [78: 211]. В другом перечне упоминаются «три иконы одинаковых Тихвинской Божьей Матери. <...> Четыре иконы **Никола**, Георгий с копьём, Савватий и Варлаам Хутынский на тёмно-синем фоне, во весь рост. <...> Икона Спаса « [78: 412] (сохраняется пунктуация источника – ЛЯ). 26 ноября 1934 г. он пишет из Томска В. Н. Горбачёвой: «В опись я забыл внести <...> **икону Никола с Григорием Богословом в рост. Никола в ризе чёрными крестами**. Размер 6 вершков на 4 вершка, 15 век. [78: 345–346]. И. Б. Запалалов считает, что коллекция икон Клюева бесследно исчезла. Только у него сохранился подаренный поэтом на крестины старинный образ Симеона-Богоприимца петровских времён.

Образ святителя Николая был духовной опорой больного ссыльного поэта в последний год его жизни в Томске. В письме к Н. Ф. Христофоровой в июле 1936 г. он пишет: «С марта месяца я прикован к постели. Привезли меня обратно к воротам домишка, в котором я жил до сего, только 5 июля. Привезли и вынесли на руках из телеги в мою конуру. Я лежу... лежу, мысленно умираю, снова открываю глаза – всегда полные слёз. Из угла смотрит мне в сердце «Страстная» Владычица, Архангел Михаил на пламенном коне низвергает в пучину Вавилоны, **Никола Милостивый** в белом омофоре с большими черными крестами, с необыкновенно яркими глазами, лилово-агатовыми, всегда спасающимися. В своём великом несчастье я светел и улыбчив сердцем» [78: 378].

Иконы, которые хранил Клюев, часто становились героями его стихотворений и поэм. Известный исследователь творчества Н. А. Клюева А. И. Михайлов считает: «Поистине клюевский „Песнослов“ можно рассматривать и как своего рода поэтические святцы, в которых представлены образы православных, византийско-русских

святых, но не в их историческом, а их легендарном бытии (в изображениях на иконах, в посвящённых их памяти престольных праздниках. **Чаще всего это Никола** (как полагается «вешний» и «зимний»), Егорий, Пантелеймон-целитель, Кирик, Улита, Параскева, Дмитрий Солунский, Аввакум, Ольга Псковская, преподобный Лазарь, Нил Сорский, Серафим Саровский и мн. др.» [103: 80–81]. По данным частотного словоуказателя «Поэтического словаря Н. А. Клюева», чаще всего в его поэтических произведениях упоминаются имена таких святых: Андрей Рублёв, Влас, Гурий, Димитрий-царевич, Егорий, пророк Илья, Иона, Лазарь, Медост, **Николай – 18**, Пётр, Савватий, Саровский Серафим, Феодор Стратилат [ПСК, 1]. В прозаических произведениях Клюев упоминает имя **Святителя Николая 13 раз** [78: 665].

Таким образом, Николай Чудотворец один из самых близких поэту святых. Неслучайно его иконописный образ лежит в основе символического смысла вещих снов поэта, записанных его друзьями. Это два сна. Рассмотрим их последовательно.

Первый сон «Студёная жажда» был 14 июля 1923:

*«Будто двор снежный в церковной ограде. На дворе церквушка каменная, толстостенная, почитай, вся снегом занесена. В надворном кокошнике **образ Миколин**, и ты, братец мой, в нищем пальтишке, голорукий, в папертные врата стучишься – иззябший и бездомный.*

Под оконцем церковным ледяной колодец, а в нём вода близкая, но не нагнуться мне, пяткой не захлебнуть: норовлю я черпаком берестяным водицы истить. Только гляжу, человек передо мной бородастый на костылях по имени и отчеству меня окликнул и в церковь позвал причастной теплотой мою студёную жажду погасить.

Человек на костылях и ты, братец, на снежном крыльце в одно слились, и обличье у вас стало одно и голос один.

*Врата же церковные открыл **Невидимый**... »* [78: 90].

В этом сне передаётся в образно-символической форме состояние мистической оставленности и духовной жажды русского человека, лишённого своих православных истоков в послереволюционной

России. «Образ Миколин» и его церковь притягивают к себе душу поэта своей спасительной духовной силой. Они воплощают Святую Русь, к которой рвётся душа поэта и без которой она обречена на гибель. Фольклорные образы преобразуются поэтом и органически включаются в духовный символизм сна. К таким образам можно отнести *колодец*, который, например, встречается в свадебном мотиве черпания невестой из колодца с золотом и серебром, который, по мнению А. А. Потебни, означает «девью красоту» [124]:

*Под горой, горой высокою,
Что кипит колодезь с красным золотом,
Красны девицы расчерпывают;
Коя чарой, коя ковшичком <...>*

Этот свадебный мотив может быть связан и с образом Николая [8: 290; 178: 76]:

*Ты кипи, кипи, колодец!
Ты кипи, кипи студёной!
Ключевою водою
Со серебряной пеной.
Тут Аннушка [имя невесты] выходила,
Свет-Ивановна выходила;
Она пену снимала,
Она ризу сливала
На икону Миколу,
А ещё-то сливала
Золотое колечко
А ещё-то сливала
Два венца золотые.*

Холод, стужа – символы грешного состояния души (ср. этимологию слова *стыд*, которое исторически связано с однокоренными *стынуть*, *стужа*, а также представление об аде, где душа, отошедшая от Бога, стынет). Двери в храм открывает Невидимый (Бог), помилвавший сновидца и его друга. Только там они обретут желаемую теплоту красоты и любви во Христе.

Образ Николая Чудотворца явлен в этом сне в двух традициях: церковной («В надворотном кокошнике **образ Миколин...**») и фольклорной («человек передо мной бородатый на костылях по имени и отчеству меня окликнул и в церковь позвал причастной теплотой мою студёную жажду погасить...»). В произведениях устного народного творчества Святой Николай нередко изображается хромоногим (без одной ноги) [178: 89–94], что объяснялось двоеверием, при котором образы христианских святых соотносились с языческими персонажами. По языческим представлениям, хромота представлялась как печать иного мира [8: 353, 686; 178: 90].

Второй сон Клюева, связанный с образом св. Николая, был в 1931 или в 1932 г.:

«Я был с маменькой в каком-то незнакомом мне храме: много молящихся, идёт торжественная служба, и вдруг у самого алтаря происходит какое-то смущение, спор между священником и диаконом. Спор усиливается – получается смятение... Маменька мне говорит: „Уйдём, Коленька. Благодать отсюда ушла“. И мы вышли с ней из храма и пошли по дороге. По обе стороны деревья, кусты – чем дальше мы шли, тем всё оголённей становилось вокруг, как-то безрадостно. Потом пошли голые скалы, а затем и песок. Камни и песок.

Маменька шла впереди, на повороте куда-то скрылась. Я старался разыскать её, но её не было. Наконец я вышел как бы к заливу морскому. У берега, вижу, стоит огромный пароход со многими ярусами, и на каждом ярусе стоят в старинных одеждах рядами русские подвижники, странники, мученики, святые – каждый на своём ярусе. Здесь же и преподобные, и великомученики, и блаженные, юродивые – по своим ярусам. На мачте – хоругвь с изображением Нерукотворного Спаса.

*На носу и корме прикреплены цепи, и какие-то громоздкие существа с крыльями держат концы, стоя на земле: один у носа, другой у кормы. Этим они держали корабль. Сходни опущены к берегу. Полная торжественная тишина – все молча кого-то ждут. Раздаётся голос: „Ещё нет **Николы и отрока Димитрия**“.*

*И вот из-за скалы показываются идущие святители: **святитель Николай и отрок убиенный Димитрий**. Святый Николай держит его за руку. Когда они зашли по сходням на корабль, сейчас же сходни убрали, а существа с крыльями стали на корабле один – на носу, другой – на корме, и корабль немедленно отплыл по заливу в направлении открытого моря. Я упал на колени и завопил: „А меня?.. и меня возьмите с собой!” Но никто не отвечал, а корабль набрал пару и быстро удалился. <...> А я упал на колени и горько рыдал, чувствуя какой-то ужас и скорбь.*

<...> Я пошел обратно той же дорогой, какой пришёл. Так же сначала камни и пески. Потом показались кусты, затем деревья – вдруг слышу голос маменьки <...>: „Владычица, у нас странники вот так носят на перевязи страннические сумки и вот такие надевают лапотки”. Я понял, что все святые покинули Русскую землю. Одна Владычица осталась на земле в образе странницы. <...>» [78: 95–96].

В этом сне, несмотря на его соотносительное с реальными событиями символическое содержание, также чувствуются две традиции: фольклорные традиции почитания Николая Чудотворца и Богородицы на Руси и христианские предания – перекличка с событиями из западно-европейской истории почитания Святителя. Так, явленный во сне отъезд Николая Чудотворца из России на корабле, напоминает легенды, связанные с перенесением мощей святого из Мир Ликийских в город Бари: «В конце XI века сарацины произвели страшное опустошение в Восточных областях Римской империи: начавши от Херсона, страшные враги прошли до Антиохии и Иерусалима. Все лежащие на пути города, села, церкви и монастыри они предавали огню и мечу; жителей брали в плен, умерщвляли и разгоняли, так что все места, пройденные ими, надолго оставались дикою пустынею. Вследствие таких опустошительных сарацинских набегов древние Миры запустели... Мощи святителя были перенесены в город Бар в 1087 г.» [46: 100–103]. «Неужели, – спрашивает один современный перенесению мощей летописец, – преподобный и великий архиерей не мог умоливать Господа, чтобы Он не погубил города

Мир и не привёл в запустение церковь с мощами Его Угодника?» «Конечно, мог», – отвечает он. «Но это бедствие, – продолжает он, – ниспослано на нас за грехи наши, которыми раздражаем долготерпение Божие, и должно было служить к нашему же уврачеванию» [46: 100–103]. Как гласит предание, перенесение мощей произошло по велению самого св. Николая, который явился во сне священнику города Бари: «Поди и скажи клиру и народу, – повелел явившийся святитель священнику, – чтобы они взяли из Мир Ликийских мощи мои и перенесли в здешний град; ибо Господу неугодно, чтобы я оставался там в пустыне» [46: 672, 674–675].

Таким образом, в этом пророческом сне через образы Николая Чудотворца и Богородицы Ключев передаёт духовный смысл происходящих в послереволюционной России событий и тревогу за судьбу Отечества и свою судьбу. Такая связь не случайна. История почитания Св. Николая на Руси говорит о том, что в трудные времена, когда Отечеству угрожали враги-завоеватели, народ всегда обращался к помощи своего заступника – Николая Чудотворца, и он всегда помогал. Свидетелями этого заступничества остались многочисленные чудотворные иконы святителя, церкви и монастыри, освящённые в память об этих событиях. Достаточно вспомнить здесь наиболее известные из них: Зарайский чудотворный образ святителя и соборный храм Чудотворца в Зарайске, Крупицкий Батуринский Николаевский монастырь и хранившийся в нём чудотворный образ Угодника, Можайский образ св. Николая, Николаевский Угрешский монастырь и чудотворный образ этой обители – всё это напоминание о заступничестве святого за Русь во времена татаро-монгольского нашествия.

Поэтическим откликом на эти исторические события является вещий сон юного героя поэмы «Песнь о Великой Матери» Николеньки, прототипом которого был сам поэт. Ему снится, как в лихую годину святые храмы Русского Севера, Святая Русь, поднимаются ввысь и летят к святителю Николаю – «под Мирликийский омофор»:

Но вот из роици пренебесной
В тайник дохнуло фимиамом,
И ясно зримы храм за храмом,
Как гуси по излучке синей,
Над **беломорскою пустыней**
Святыни русские испарили,
Все в лалах, яхонтах, берилле:
Егорий ладожский, София,
Спас на Бору, Антоний с Сии
И с Верхотурья Симеон,
Нередицы в атласном корзне
Четою брачною и в розне
Текли и таяли, как сон.
И золотой прощальный звон
Поил, как грудью, напоследки
Озера, камни, травы, ветки,
Малиновок в дупле корявом...
Прощайте, возопил собор,
Святая Русь отходит к славам,
К заливам светлым и купавам
Под **мирликийский омофор!**
Вот пронеслись, как парус, **Киж**и –
Олонецкая купина,
И всех приземистей и ниже,
Кого, как челку, кедры лижут,
Чтоб не ушла от них она,
Проплыл **Покров**, как пелена,
Расшитая жемчужным стёгом.
К отлетным выпренным дорогам
Мы долго простирали руки...

[77: 766]

В этом историческом контексте особенно тревожно звучит тема богооставленности России, когда даже самый главный её духовный защитник – Святой Николай оставляет её. Эта теме является

основной в послереволюционном творчестве Клюева. Так, в стихотворении «Александр Добролюбов» (1919–1920 г.) поэт прямо сравнивает разные исторические эпохи, когда на Руси лилась кровь народная:

*Сиротеет церквушка ... **Микола с Егорием***

*Обернулись тучкой – слезинкой небес,
Над израненной нивой, родимым поморьем
Пулемётом стрекочет и каркает бес.*

<...>

Пулемётного беса не выкурят ладаны –

Обронила Россия моленный платок.

*И рассыпались косы грозой, пожарами,
Лебединую грудь взбороздил броневик.*

Не ордой половецкой, не злыми татарами

Окровавлен священный родительский лик.

[77: 459]

«Обронила Россия моленный платок» – вот главная причина безвремения, по мнению поэта. Позднее, в поэме «Песнь о Великой Матери», Клюев рисует страшные картины святотатства в безбожной стране:

«Безбожие свиной хребет

О звезды утренние чешет,

И в зыбуны косматый леший

Народ развенчанный ведет,

Никола наг, Егорий пеший

Стоят у китежских ворот!

[77: 779]

В поэме «Погорельщина» (1928 г.), за написание и чтение которой Клюев подвергся аресту и ссылке, поэт говорит о крестьянах, не утративших православной веры и умоляющих Николая Чудотворца вернуться к ним и вернуть других святых:

Гляньте, детушки, на стол –

Он стоит чумаз и гол,

*Нету Богородицы
У пустой застолицы!*

*Вы покличьте-ка, домочадцы,
На Сиговец к студеному долу
Парусов и рыбарей братца,
Святителя теплого – Миколу!
Он, кормилец, в ризе сермяжной,
Ради песни, младеня в зыбке,
Откушает некуражно
Янтарной ухи да рыбки!*

*Парусов погонщик **Миколае**,
Объявился змий в родимом крае,
Вороти Егорья на икону –
Избяного рая оборону!
Красной ложкой похлебай ушлицы,
Мы тебе подарим рукавицы
И на ноженьки оленьи пимы.*

[77: 677]

Однако трагедия неизбежна – Святой Николай не вернулся и не вернул других святых:

*Гляньте, детушки, на стол –
Змий хвостом ушлицу смел!..
Адский пламень по углам –
Не пришел **Микола** к нам!*

[77: 677]

Мотив обращения с молитвой к Николаю Чудотворцу в трудную минуту пришёл в поэзию Клюева из устного народного творчества. Ср., например, в широко известных в олонецком крае народных духовных стихах о чуде святого Николая с Василием, сыном Агрика [46: 672–675], поётся:

*Благословите, братие про чудо сказати,
Про чудо **святителя Миколы,**
Про **святителя Миколу чудотворца.***

<...>

*Приходит Агрик в Божью церковь,
Уж он молится **Миколы чудотворцу,**
Он местную свещу поставляет
Пред **святителя Миколу чудотворца:**
«Ты **святитель Микола чудотворец!**
Выручь моего сына Василия
Из великия неволи со полона».*

Особенно подчёркивается Клюевым духовная близость Святого Николая Чудотворца к северному крестьянству. В своих произведениях он всегда упоминает этого святого в тесном соседстве не только с именами раннехристианских святых Святого Георгия Победоносца, пророка Илии, Св. Димитрия Солунского, также любимых на севере, но и с именами северно-русских святых: Варлаама Хутынского, Артемия Веркольского, Ионы Яшезерского, Трифона Печеньгского, Нила Сорского, Савватия и Зосимы Соловецких, Антония с Сии. Все эти святые – подвижники Святой Руси, по мнению поэта, будут встречать русских исповедников в Царствии Небесном. В поэме «Песнь о Великой Матери» так изображается тонкий сон главной героини Парасковьи:

*Как в смерти дивно Паше!
А горницы все краше,
Благоуханней сот.
Она пчелою дале
И Утоли Печали
В хозяйке узнает!*

*«Вот горенка **Миколы,**
Подснежники – престолы,
На лавке лапоток.
Здесь – **Варлаам с Хутиня***

*И матеръ слез – пустыня,
Одетая в поток.*

Иона яшезерский,

*С уздечкой, цветик сельский, –
Из **Веркольска Артем.**
Се – **Аввакум** горящий,
Из свитка, меда слаще,
Питается огнем!*

*На выструге ж в светлице,
Где будут зори шиться,
Для гостьюшки покой.
Черемухою белой
Пройдя земное тело,
В него войдешь душой!*

[77: 741–742]

Тема встречи со святым Николаем в раю повторяется в ряде произведений Клюева: как в последней поэме «Песнь о Великой Матери», так и в его ранних произведениях, например, в цикле «Избьяные песни», посвящённом умершей матери поэта:

*Дохнуло молчанье... Одни журавли,
Как витязь победу, трубили вдали:
«Мы матери душу несем за моря,
Где солнцеву зыбку качает заря,
Где в красном покое дубовы столы
От мис с киселем, словно кипень, белы, –
Там **Митрий Солунский**, с **Миколою Влас**
Святых обряжают в камлот и атлас,
Креститель Иван с енды расписной
Их поит живой иорданской водою!»*

[77: 233]

В этой же поэме в рассказе о колоколах – «акафисте о былом», также упоминается Св. Николай, который встречает души умерших в раю:

*Обедню служат по **Сиону**.
Во **Благо** клевется к канону
И на отход души блаженной,
Чтоб гусем или чайкой пенной
Летела чистая к **Николе** <...>*

[77: 781–782]

Этот же мотив в стихотворении «Поэту Сергею Есенину»:

*Потянуло душу, как гуся,
В голубой полуденный край,
Там **Микола** и **Светлый Иисусе**
Уготовят пшеничный рай!*

[77: 297]

Мотив встречи с Николаем Чудотворце в раю также пришёл в поэзию Клюева из устного народного творчества. Например, из следующего духовного стиха [46: 683]:

*Возведи нас в **царство Божие к себе**:
Тверду надежду мы имеем к тебе.
Во веки бы нам **с тобою** там жити,
Вечных благих у Христа получитьи,
Славити Его со Ангелы присно,
От всего сердца величати присно.*

Народное представление о том, что «ключи от неба у Николая Чудотворца» зафиксировано многими фольклористами в духовных стихах и в сказках, например, «Савелий богатый и Никола Милостивый» [160: 18–19; 30: 63; 178: 26–28]. В народных сказаниях о том, что человек видит во время «обмирания», изображается, как душа человека, отделившись от тела, странствует по раю, руководимая Николой [8: 26–28].

В поэзии Клюева нашли отражение и такие полуязыческие поэтические формы народного почитания св. Николая, как упоминание его имени в причитаниях по умершему:

Оттого, человеке, я [ель] выгляжу
Срубом-церковкой, в пуще забытою,
Что сегодня солдатская матушка
Подо мною о сыне молилася:
Она кликала грозных архангелов,
Деву Пятенку с Теплым Николою,
Припадала, как к зыбке, к валежине
Называла валежину Ванюшкой;
После мох, словно волосы, гладила
И казала сосцы почернелые...
Я покрыла ее епитрахилью,

Как умела родную утешила...
Слезы ж матери – жито алмазное –
На пролете склевала кукушица,
А склевавши, она спохватилася,
Что не птичье то жито, а Божие...

[77: 272–273]

Любовь русских крестьян к святому Николаю, ещё не омрачённая послереволюционными страданиями, выражена Клюевым в стихотворении «Вешний Никола» (1915 или 1917 г.), где поэт рисует Святую Русь как земной рай, по которому странствует Николай Чудотворец:

Вешний Никола

Как лестовка, в поле дорожка,
Заполье ж финифти синей.
Кручинюсь в избе у окошка
Кручиной библейских царей.

Давид убаюкал Саула
Пастушеским красным псалмом,
А мне от елового гула
Нет мочи ни ночью, ни днём.

*В тоске распахнула оконце –
Всё празелень хвой да рябь вод.
Глядь, в белом худом балахонце,
По стёжке прохожий идёт.*

*Помыслила: странник на Колу,
Подпасок иль Божий бегун,
И слышу: «Я вешний Никола», -
Усладней сказительных струн.*

*Было мне виденье, сестрицы,
В сне тонцем, под хвойный канон, -
С того ль гомонливы синицы,
Кряжуши и гуль-рыбогон.*

*Плескучи лещи и сорги
В купели финифтяных вод...
**«Украшенны вижу чертоги», -
Верба-кливошанка поёт.***

[77: 281]

О любви русского народа к Николаю Чудотворцу говорит и шутливая фраза Н. А. Клюева в письме С. А. Есенину (28 января 1922 г. Вытегра): «Ты – Никола, а я Касьян, тебе все праздники и звоны на Руси, а мне в три года раз именины» [78: 253]. Основа образного смысла этой фразы опирается на противопоставление в народном сознании св. Николая и св. Касьяна как вестников доброго и недоброго [178: 26]. Ср. пословицы: «*Николу проси, он Богу скажет*» и «*Наши Касьян на что ни взглянет, всё вянет*».

Таким образом, великий русский поэт Николай Клюев запечатлел в поэтической форме традиции народного почитания Свяителя Николая Чудотворца на Руси. Этот святой был, по словам Св. Дмитрия Ростовского, «зерцало добрых дел стаду своему» и служил, по апостолу Павлу, «образцам для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте» (1 Тим. 4:12) [46: 56].

Иконы святых покровителей России были для Клюева символом неиссякаемого источника её духовных сил. Он верил в непобедимую силу Святой Руси:

<...>

*Гроыхает чумазый отмычкой
Над узорчатым тульским замком.*

*Неподатлива чарая скрыня,
В ней златница – России душа,
Да уснул под курганом Добрыня,
Бородою ковыльной шуриша,*

*Да сокрыл Пересвета с Ослябей
Голубой Богородицын плат!..
Жемчугами из ладожской хляби
Не скудеет мужицкий ушат.*

*И желанна великая треба,
Чтоб во прахе бериллы и шёлк
Пред иконой Бориса и Глеба
Окаянный поверг Святополк!*

[77: 512]

«ВЕСЬ ДЕНЬ ПОУЧАТИСЯ ПРАВДЕ ТВОЕЙ...»

Отец Павел Флоренский, выдающийся мыслитель и учёный, расстрелянный в тридцатые годы на Соловках, писал, опираясь на свой духовный опыт: «Если законы физического мира по прочности – железные, то законы духовного мира – алмазные». Алмаз крепче железа, а духовное – материального. Именно нравственный подвиг творит чудеса, преодолевая брэнную плоть.

Писатель-творец знает это и старается постигнуть правду Бога-Творца. Без этого литературное творчество невозможно. Когда нарушается это условие, у писателя возникает ложный образ мира.

Это хорошо понимал Н. А. Клюев, поэтому и смог создать в своих поэтических произведениях нетленный образ Святой Руси. В 1913 году, накануне начала трагической эпохи войн и разрухи, поэт публикует поэтический цикл «Избяные песни» – словесную икону Святой Руси. Одно из стихотворений этого цикла начинается так:

Весь день поучатся правде Твоей ...

Поэт цитирует слова благодарственной молитвы, которая читается после Причастия: «*Соблюди нас во Твоей святости, весь день поучатся правде Твоей*». В этой молитве заключено желание сохранить полученную Благодать и хранить в душе правду Божью, руководствоваться ею в своих мыслях, поступках и видеть в происходящих событиях Промысл Божий.

Постигать Божью правду – дело трудное, требует оно терпения и страдания. А сколько искушений на пути писателя! Особенно богат в этом отношении XX век – век жатвы, подведения итогов предшествующих веков жизни нашего народа. Одни писатели восприняли революцию и гражданскую войну как бич Божий, как наказание за отвержение Его нравственных законов. Другие считали, что все эти грозные события произошли по злему умыслу врагов России. Перед православными людьми встал тогда выбор: идти по пути мученичества, но со Христом, или встать на иной путь – уже без Христа.

Писатели, обратившиеся к этой теме, по-разному ее освещают в зависимости от своего духовного и житейского опыта. Сравним, например, произведения Бориса Ширияева и Захара Прилепина, которые посвятили свои произведения одному и тому же периоду существования Соловецкого концлагеря (СЛОН) в 20–е годы XX века.

Борис Ширияев пронёс через всю свою жизнь духовный опыт, полученный в этом лагере, и написал книгу «Неугасимая лампада». Сначала после освобождения он, как и Шаламов, не мог избавиться от страшных воспоминаний: «*Бесконечные мучительные отблески пережитого теснили, давили, душили меня, заслоняя всё остальное*». Годы шли, и уже после Отечественной войны, принёсшей

новые потоки крови и жестокости, писатель *«снова всмотрелся в ушедшее и теми же глазами увидел иное. Дивная, несказанная прелесть преображенного Китежа засияла из-за рассеянной пелены кровавого, смрадного тумана. Обновленными золотыми ризами оделись обгорелые купола соловецкого Преображенского собора, вознеслись в безмерную высь и запели повергнутые на землю колокола. Неземным светом вечного духа засияла поруганная, испепеленная, кровью и слезами омытая пустынь русских святителей, обитель веры и любви. Стоны родили звоны. Страдание – подвиг. Временное сменялось вечным»*.

Писатель-творец поучался правде Бога-Творца.

Когда этого не происходит, у писателя возникает ложный образ мира. Именно это и случилось с писателем Захаром Прилепиным в его романе «Обитель». Рисует он Соловецкий лагерь, а при чтении у нас возникает образ какого-то другого пространства и времени. Особенно эта фальшь чувствуется, когда вспоминаешь образы Соловецкой обители времен СЛОНА в произведениях писателей – узников этого лагеря, например, Бориса Ширяева и Олега Волкова. Ведь даже главный герой романа Прилепина (Артём) – не политический заключённый, а столичный молодой человек – уголовный преступник, убивший отца. Основное внимание уделено его любовным похождениям, а не безвинным узникам, сохранившим в духовном бореении чистоту души. Отсюда и фальшивый сюжет, и подмена истинных душевных и духовных трагедий физиологическими подробностями страдающей плоти. А ведь в русском национальном сознании Соловки – святыня, духовный оплот Отечества, непобедимый преображённый Китеж, по словам Бориса Ширяева. На Соловецких островах на протяжении веков не прекращалась молитва. Там и во времена Раскола в XVII веке, и в XX веке страдали жертвы безбожного произвола.

Именно такие Соловки увидел мысленным взором Н. А. Клюев, хорошо знавший трагические страницы этого монастыря в прошлом и настоящем. В 1926–1928 годах он создает небольшую поэму «Соловки»:

Распрекрасен остров Соловецкий,
Лебединая Секир-гора,
Где церквушка, рубленая клецки, –
Облачному ангелу сестра. <...>
Где впервые пономарь Авива
Мне поведал хвойным шепотком,
Как лепечет травка, плачет ива
Над осенним розовым Христом.
И Феодора – строителя пустыни,
Как лесную речку, помяну,
Он убит и в легкой скрыне
Поднят чайками в голубизну...
Помнят смироглазые олени,
Как, доев морошку и кору,
К палачам своим отец Парфений
Из избушки вышел поутру,
Он рассечен саблями на части
И лесным пушистым глухарем
Улетел от бурь и от ненастий
С бирюзовой печью в новый дом...
Не забудут гуси-рыбогоны
Отрока Ивана на колу,
К дитятку слетелись все иконы,
Словно пчелы к сладкому дуплу:
«Одигитрия» покрыла платом,
«Утоли печали» смыла кровь...
Урожаем тучным и богатым
Нас покрыла песенная новь.
Триста старцев и семьсот собратий
Брошены зубастым валунам.
Преподобные Изосим и Савватий
С кацеями бродят по волнам ...
<...>

В поэме «Погорельщина» у Клюева среди других образов крестьян – народных умельцев, пострадавших в период послереволюционной разрухи в деревне, есть образ молодого талантливого резчика по дереву, которого зовут Алексей. Только, в отличие от Артёма, героя «Обители» Захара Прилепина, этот молодой человек чист душой и духовно одарён:

*Резчик Олеха – лесное чудо,
Глаза – два гуся, надгубье рудо,
Повысек птицу с лицом девичьим,
Уста закланы потайным кличем.*

Алексей – от корня Святой Руси, поэтому он погибает, когда разоряют его Отечество, а в почитаемом всей православной Россией монастыре на Соловках устраивают концлагерь. Поэт рисует символическую картину, в которой соединяет воедино и уход соловецких святых – основателей монастыря, и уход чистого русского юноши в «горнюю Россию» от оскверненной земли:

*Стоял лопарский сизый май,
Когда на рыбьем перегоне
В лучах озерных, легче соний,
Как в чаше запоны опал,
Олеха старцев увидал.
Их было двое светлых братий,
Один Зосим, другой Савватий,
В перстах золотые кацеи...
Стал огнен парус у ладьи
И невода многоочиты,
Когда, сиянием повиты,
В нее вошли озер Отцы:
«Мы покидаем Соловцы,
О человеке Алексие!
Вези нас в горнюю Россию,
Где Богородица и Спас
Чертог украсили для нас!»
Не стало резчика Олехи...*

Через несколько лет после написания поэм «Соловки» и «Погорельщина» поэт Николай Клюев был арестован, затем расстрелян и последовал в горную Россию за своими героями.

Можно понять, почему молодые читатели восприняли произведение Захара Прилепина как художественный шедевр. Они, вероятно, не были знакомы с поэзией Н. А. Клюева и не слышали о существовании отца Павла Флоренского, писателей Бориса Ширяева и Олега Волкова. Но непонятно, почему так высоко оценил «Обитель» известный критик Владимир Бондаренко, который, безусловно, знаком с творчеством этих писателей. Ведь они своей жизнью и творчеством ещё раз доказали, что, если физические законы по крепости – железные, то законы духовные – алмазные.

МОЛИТВА

*Достойные теперь приемлю муки.
Но и они здесь, перед Богом, не в чести.
Я пред Тобой развёл пустые руки
И гвозди не дают назад свести.*

*Вот смерть моя уже со страшной рожей
Ко мне своё подносит остриё.
Всё кончено. Ты помяни мя, Боже,
Когда придешь в Царствие Твоё!*

Андрей Лушников

МОЛИТВА КАК ПОЭТИЧЕСКИЙ ЖАНР

Как и в народной духовной поэзии, среди русских поэтов получил распространение жанр молитвы. У Пушкина есть переложение на стихи молитв «Отче наш» и великопостной молитвы Ефрема Сирина. Есть стихотворения-молитвы и у М. Ю. Лермонтова:

*В минуту жизни трудную,
Теснится ль в сердце грусть;
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.*

*Есть сила благодатная
В созвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.*

*С души как бремя скатится,
Сомненье далеко –
И верится и плачется,
И так легко, легко.*

Много прекрасных молитвенных стихов, обращённых к Богородице, написано русскими поэтами. Приведём малоизвестную молитву ко Пресвятой Деве, составленную Николаем Васильевичем Гоголем:

*К Тебе, о Матерь Пресвятая!
Дерзаю вознести мой глас,
Лице слезами омывая:
Услышь меня в сей скорбный час.*

*Прими теплейшие моления,
Мой дух от бед и зол избавь,
Пролей мне в сердце умиление,
На путь спасения наставь.*

*Да буду чужд своей я воли,
Готов для Бога всё терпеть.
Будь мне Покровом в горькой доле –
Не дай в печали умереть.*

...

Народной песней стала молитва Богородице, составленная Юлией Жадовской:

*Мира Заступница, Матерь Всенепетая!
Я пред тобою с мольбой:
Бедную грешницу, мраком одетую,
Ты благодатью прикрой!
Если постигнут меня испытания –
Скорби, утраты, враги, –
В трудный час жизни, в минуту страдания,
Ты мне, молю, помоги!*

*Радость духовную, жажду спасения
В сердце моё положи;
В Царство Небесное, в мир утешения
Путь мне прямой укажи.*

Нередко поэты обращаются в молитве к ангелам. «Молитва Ангелу-хранителю» П. А. Вяземского также стала народной песней:

*Научи меня молиться,
Добрый Ангел, научи:
Уст Твоих благоуханьем
Чувства чёрствые смягчи!
Да во глубь души проникнут
Солнца вечного лучи,*

*Да в груди моей забьются
Благодатных слёз ключи!*

Глубоким духовным чувством проникнуто известное стихотворение о. Иоанна Шаховского «Беззащитность»:

*Всё связано порукою земной –
За зверем ночь, простор за белой птицей;
Но кто укроется за белизной,
За ангела кто может заступиться?
Нет беззащитней в мире, чем они,
Нет утаённой их в холодном мире.
Пред ними надо зажигать огни,
Их надо петь на самой громкой лире
И говорить, что ангелы всегда,
Спасая смертных, падают в пучину.
Они идут с волхвами, как звезда,
Хранят рожденье, нестуют кончину.
Но сколько оскорблений, сколько слов
Мир говорит об ангелах впусую –
«Всё существует средь земных основ,
И только ангелы не существуют!»
Хранитель-ангел, если, и любя,
Твой шёпот я поранил невниманьем,
Прости меня. Я знаю, что тебя
Увидят все в час позднего свиданья.
Когда наступят сумерки земли
И свяжутся навек пустые речи,
Все ангелы придут, как корабли,
Последней беззащитности навстречу.*

В XX веке жанр молитвы встречается у С. С. Бехтеева, поэта русского зарубежья. Самой известной из его поэтических молитв стала молитва, которую нашли среди вещей убиенной царевны Ольги, дочери последнего русского царя Николая Второго:

*Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам,
О, Боже правый,
Злодейство ближнего прощать.
И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,
Христос Спаситель, помоги!
Владыка мира, Бог Вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый страшный час.
И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы –
Молиться кротко за врагов.
Октябрь, 1917, Елец*

В современной русской поэзии стихотворения-молитвы также получили распространение. Этот жанр используют, например, иеромонах Роман (Матюшин), Николай Зиновьев и другие современные поэты.

К жанру поэтической молитвы обращались и вологодские авторы: Константин Батюшков, святитель Игнатий Брянчанинов, игуменья Таисия Леушинская, Николай Клюев, Николай Рубцов, Наталия Сидорова, Александр Пошехонов, Андрей Лушников, Константин Козлов и другие.

По своему духовному чувству многие стихотворения Клюева подобны молитвам. В 1916 году Клюев написал поэтическое завещание и назвал его «Молитва»:

*Упокой мою душу, Господь,
Во святых, где молчит всяка плоть,*

*Где под елью изба – изумруд –
Сладковейный родимый приют,
Там божница – кувшинковый цвет,
И шесток неостывший согрет!*

*Облачи мою душу, Господь,
Как зарю, в золотую милоть,
Дай из молний венец и вручи
От небесной ограды ключи:
Повелю серафимам Твоим
Я слететься к деревьям родным,
Днём сиять, со всенощною ж мглой
Теплить свечи пред каждой избой!*

*О, взыщи мою душу, Творец,
Дай мне стих – золотой бубенец,
Пусть душа – сизый северный гусь –
Облетит непомерную Русь,
Здесь вспарит, там обронит перо –
Песнотворческих дум серебро,
И свирельный полёт возлюбя –
Во святых упокоит себя!*

Кроме этого, вологодские поэты используют в своих произведениях слова и образы известных христианских молитв.

«СВЕТЕ ТИХИЙ...»

Молитвенное созерцание Божьего мира
нашими поэтами

Святой Иоанн Златоуст в своей книге «Беседы на псалмы» говорит, что исповедание Господа бывает двоякого рода: «*оно есть или сознание собственных грехов, или приношение благодарности Богу*». Говоря о благодарении Бога, он далее советует: «*... увещеваю*

тебя, освободись от житейской многозаботливости и постоянно занимайся ... размышлениями и возвещай ежедневно совершающиеся чудеса Божии ... Жизнь исполнена таких чудес, и, с чего бы ты ни начал, с неба ли, или с земли, или с воздуха, или с животных, или с семян, или с растений, – везде найдёшь обильное начало для повествования ... Не безумно ли поэтому при таком обилии предметов для повествования, которые могут доставить нам и удовольствие, и пользу, и благо для души, погружать ум свой в грязь, занимаясь рассказами о любостыжании и хищении?» [64: 124].

Поэтическое созерцание сродни религиозному. Обращаясь к многозаботливому современному человеку, вологодский поэт Геннадий Алексеевич Сазонов бодрым, решительным голосом призывает его отойти от бесконечных *«важных дел»* и увидеть красоту мира Божия – услышать *«природы золотое слово»* [141: 169]:

Апрель

*Не ври, что занят
Важным делом.
Взгляни!
Апрель земле
Дал весть –
Цветут сады!
И в царстве белом
Стихов, как запахов,
Не счесть!
Всё – неразгаданно!
Всё – ново!
Объёмно, как на витраже.
Природы
Золотое слово
Ждёт продолжения
В душе!*

Душа истинного поэта в момент творческого горения преобразуется и стремится освободиться от всего наносного, греховного.

Отец Сергей Булгаков писал об этом: «*Лишь краем души касаемся мы жизни Церкви, отягчённые грехом, затемнённые «психологизмом», но даже и из таких касаний почерпаем силу, которая живет и оплодотворяет творчество»* [31: 3]. Это родство поэтического творчества и религиозного созерцания обнаруживается в образах, проникнутых духовной силой. Так, например, в произведениях русских поэтов, православных по своему мировидению, постоянно встречаем традиционный поэтический мотив: образ сокровенного времени, когда лирический герой среди наступающего мрака созерцает свет вечерней зари, звездного неба, зари утренней *как благуя весть о Свете Невечернем*. Один из первых в поэзии XIX века обратился к этой теме православный мыслитель и поэт А. С. Хомяков [190: 132]:

Вечерняя песня

*Солнце скрылось; дымятся долины;
Медленно сходят к ночлегу стада;
Чуть шевелятся лесные вершины,
Чуть шевелится вода.*

*Ветер приносит прохладу ночную;
Тихою славой горят небеса ...
Братья, оставим работу дневную,
В песни сольём голоса ...*

*Ночь на востоке с вечерней звездю;
Тихо сияет струёй золотою
Западный край.
Господи, путь наш меж камней и терний,
Путь наш во мраке ... Ты, **Свет Невечерний**,
Нас осияй!*

*В мгле полунощной, в полуденном зное,
В скорби и радости, в сладком покое,*

*В тяжкой борьбе –
Всюду сияние Солнца Святого,
Божия мудрость и слава и слово,
Слава тебе!*

Культурный источник этого поэтического мотива – молитва из вечерней службы «Свете Тихий»:

«Свете Тихий святыя славы Безсмертнаго Отца Небеснаго, Святаго, Блаженнаго, Иисусе Христе! Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний, поем Отца, Сына и Святаго Духа, Бога. Достойн еси во вся времена пет бытии гласы преподобными, Сыне Божий, живот даяй, темже мир Тя славит» [39: 9].

Эта песнь – церковнославянский перевод с греческого оригинала одного из древнейших гимнов ранней Христианской Церкви: Φῶς ἕλαρον ἀγίας δόξης ἀθανάτου Πατρός, οὐρανόυ, ἀγίου, μάκαρος, Ἰησοῦ Χριστέ, ἐλθόντες ἐπὶ τὴν ἡλίυ δύσιν, ἰδόντες φῶς ἔσπερινόν, ὑμνοῦμεν Πατέρα, Υἱόν, καὶ ἅγιον Πνεῦμα, Θεόν. Ἄξιόν σε ἐν πᾶσι καιροῖς ὑμνεῖσθαι φωναῖς αἰσῖαις, Υἱε Θεοῦ, ζωὴν ὁ διδοῦς· διὸ ὁ κόσμος σε δοξάζει.

В русской поэзии есть произведения, в которых описывается состояние лирического героя во время всеобщего бдения в храме, когда поётся эта молитва. Об этом, например, стихотворение молодого А. И. Бунина, вспоминающего свои детские религиозные переживания [32]:

*Любил я в детстве сумрак в храме,
Любил вечернею порой
Его, сияющий огнями,
Перед молящейся толпой;
Любил я всеобщее бденье,
Когда в напевах и словах
Звучит покорное смирение
И покаяние в грехах.
Безмолвно, где-нибудь в притворе,
Я становился за толпой;*

*Я приносил туда с собой
В душе и радости и горе;
И в час, когда хор тихо пел
О «**Свете Тихом**», - в умиление
Я забывал свои волненья
И сердцем радостно светлел...*

Это благодатное чувство передаётся и в стихотворении поэтессы П. Соловьёвой:

*В сельском храме простом, убогом,
Свет вечерний на лице строгом,
К ветхой ризе он льнёт, алеет,
Вздых молитвы под сводом реет.
Меркнут окна, чуть рдеют главы
«Свете Тихий Святыя Славы...»
Вторяют росы, вздыхают травы
«Свете Тихий Святыя Славы...»*

Широко распространённый в русской поэзии образ тихого света также восходит к молитве «Свете тихий». Этот христианский символ благодатного состояния встречается, например, у Н. Огарева:

*Проснулся звук в ночи немой –
То звон заутрени несется,
То с детства слуху звук святой.
О! как отрадно в душу льется
Опять торжественный покой,
Слеза дрожит, колено гнётся,
И я молюся, мне легко,
И грудь вздыхает широко.
Не всё, не всё, о Боже, нет!
Не всё в душе тоска сгубила.
На дне её есть **тихий свет**,
На дне её ещё есть сила;
Я тайной верою согрет,
И что бы жизнь мне ни сулила,*

*Спокойно я взгляну вокруг –
И ясен взор, и светел дух...*

Исследованию семантики и поэтики молитвенного образа *Свете Тихий* в русской поэзии XIX века посвящена диссертация О. А. Сергеевой. Автор отмечает: «Русская поэзия откликается на «Свете Тихий» большим количеством текстов, насчитывающим несколько десятков» [153: 136].

В начале XX века в русской литературе, философии и богословии усиливается мистическое осмысление образа «*Свете Тихий*», что, по всей вероятности, связано с распространением символизма в искусстве и появлением таких выдающихся богословов, как Сергей Булгаков и Павел Флоренский, и таких поэтов-мистиков как Владимир Соловьев, Александр Блок, Андрей Белый, Николай Клюев.

«*Вечер и утро особенно благодатны*, – отмечает П. А. Флоренский в своём письме к В. В. Розанову. И далее вспоминает свои духовные созерцания летнего вечера, который плавно переходил в короткую ночь, а затем – в утро [181: 17–23]. Как художник, он описывает и всенощную службу в Троице-Сергиевой Лавре: «... *Вечерело. Золотые лучи ликовали, и торжественным гимном Эдему звучало Солнце. ... Из алтарного окна видны были чёткие дали, и Лавра высилась как горний Иерусалим. Всенощная... «Свете Тихий» совпадало с закатом. Пышно нисходило умирающее Солнце. Сплетались и расплетались древние, как мир, напевы; сплетались и расплетались ленты голубого фимиама. Ритмически пульсировало чтение канона. Что-то в полутьме вспоминалось, эдемское, и грусть потери таинственно зажигалась радостью возврата. И на «*Слава Тебе, показавшему нам Свет*» знаменательно приходилось наступление тьмы внешней, которая тоже есть свет, и Звезда Вечерняя сияла тогда в алтарное окно, а в сердце опять восходила неувядаемая радость ... Тайна вечера соединялась с тайной утра, и обе были *одно*. И концы сливаются. Ночь вселенной воспринимается как не-сущая. Утро нового мира продолжает тот, первозданный вечер: «и бысть вечер, и бысть утро, день первый...» «*Утро*» и «*вечер*», ночи же будто и не бывало» [181: 23–24].*

Художественное переложение молитвы «*Свете Тихий*» с церковнославянского на современный русский язык сделал Константин Бальмонт [10]:

Свете тихий

*Свете тихий пречистые славы негасимых сияний Отца,
Свете тихий, сияй нам, сияй нам, Свете тихий, сияй без конца.
Мы пришли до закатного Солнца, свет вечерний увидели мы,
Свете тихий, сияй нам, сияй нам, над великим разлитием тьмы,
Свет вечерний увидев, поем мы – Мать и Сына и Духа-Отца,
Свете тихий, ты жизнь даровал нам. Свете тихий, сияй без конца.
Ты во все времена есть достоин в преподобных хвалениях быть,
Свете тихий, сияй нам, сияй нам, научи нас в сияньях любить.
Свете тихий, весь мир тебя славит, ты, сияя, нисходишь в псалмы,
Ты спокойная радуга мира, над великим разлитием тьмы.
Свете тихий, закатное Солнце, свет вечерний дневного Отца,
Свете тихий, сияй нам чрез ночи, Свете тихий, сияй без конца.*

Отголоски молитвы «Свете Тихий» звучат и в символических «Молитвах» А.А. Блока, особенно в «Вечерней» [29: 317]:

Вечерняя

*Солнце сходит на запад. Молчанье.
Задремала моя суета.
Окружающих мирно дыханье.
Впереди – огневая черта.*

*Я зову тебя, Смертный Товарищ!
Выходи! Расступайся земля!
На золе прогретых пожарниц
Я стою, мою жизнь утоляя.*

*Выходи, мою сонь исповедай,
Причасти и уста оботри ...
Утоли меня тихой победой
Расплавшейся алой зари.*

Марина Цветаева использовала образ Свете Тихий в совершенно ином, отличном от первичного, культурном и историко-литературном контексте. Речь идёт о цикле «Стихи к Блоку», который она написала в 1916 году после ложного слуха о смерти поэта. Образы одного из стихотворений этого цикла навеяны молитвой «Свете Тихий» и стихотворением Блока, которое мы приводили выше:

*Ты проходишь на запад солнца,
Ты увидишь вечерний свет.
Ты проходишь на запад солнца,
И метель замечает след.*

*Мимо окон моих – бесстрастный –
Ты пройдёшь в снеговой тиши,
Божий праведник мой прекрасный,
Свете тихий моей души!*

*Я на душу твою – не зарюсь!
Нерушима твоя стезя.
В руку, бледную от лобзаний,
Не вобью своего гвоздя.*

*И по имени не окликну,
И руками не потянусь,
Восковому, святому лику
Только издали поклонюсь.*

*И под медленным снегом стоя,
Опустишь на колени в снег,
И во имя твое святое
Поцелую вечерний снег –*

*Там, где поступью величавой
Ты прошёл в гробовой тиши,
Свете тихий – святыя славы –
Вседержитель моей души.*

[191: 39]

Лирический сюжет этого удивительно сильного по эмоциональному воздействию стихотворения двоятся, он – символически неоднозначен. Для М. Цветаевой *Свете Тихий* – символ страдающего поэта, которого она боготворит и память о котором для неё священна.

Таким образом, это стихотворение – яркий пример того, насколько поэзия серебряного века в своём художественном эгоцентризме далеко отошла от золотого века русской поэзии.

* * *

«Природы золотое слово» слышат и глубоко понимают наши вологодские поэты. В их поэтических произведениях тема «*Свете тихий*» представлена разнообразно как по характеру чувств и образов, так и по духовному уровню проникновения в христианское созерцание Божьего мира. Если судить только по поэтическому словарю, то ближе всего к церковным молитвам творчество Николай Алексеевич Клюев. Слово *свет* встречается в его поэзии 65 раз, слово *тихий* – 40 раз, да ещё 70 раз однокоренные с ним слова (*тихо, тиховойно, тишь* и др.). Неоднократно употребляются устойчивые обороты «*Свете тихий*», «*Свет Невечерний*», «*Свет Незаходимый*», «*Незакатный Свет*», «*Тихий Свет*», «*немерцающий свет*» [ПСК, I]. Однако при чтении его поэтических произведений обнаруживается, что тема «*Свете тихий*», по сравнению с церковными молитвами, разрабатывается поэтом в ином культурно-историческом ключе и в иной, не в аскетической, а в художественной модальности. В отличие от М. Цветаевой, для творчества которой характерен эгоцентризм, поэзия Н. Клюева, певца Святой Руси, отличается христианским этноцентризмом [205: 21–27.]. Сам поэт так образно определил это отличие:

Свете тихий от народного лика

Опочил на моих запястьях и точках.

Особый культурно-религиозный контекст приобретает выражение Свет Невечерний в «Радельных песнях» Н. А. Клюева, которые стилизованы под народные духовные песнопения, но, в отличие от них не имеют ритуального назначения и являются поэтическими

произведениями, в которых передаётся религиозное состояние души лирического героя и его разговор с Богом:

*Ты взойди, взойди, **Невечерний Свет**,
С земнородными положи завет!*

*Чтоб отныне ли до скончания
Позабылися скорби давние,*

*Чтоб в ночи душе не кручинилось,
В утро белое зла не виделось,*

*Не желтели бы травы тучные,
Ветры веяли б сладкозвучные,*

*От земных сторон смерть бежала бы,
Твари дышущей смолкли б жалобы.*

*Ты взойди, взойди, **Невечерний Свет**,—
Необорный меч и стена от бед!*

*Без Тебя, **Отец, Вождь, Невеста, Друг**,
Не найти тропы на животный луг.*

*Зарных ангельских не срывать цветов,
Победительных не сплетать венков,*

*Не взыграть в трубу, в гусли горние,
Не завихрить крыл, ярче молнии.*

[71: 113–114]

Безусловно, это стихотворение-молитва Н. А. Клюева разительно отличается от стихотворений поэтов XIX и начала XX вв., которые мы цитировали выше. Его отличают не только черты поэтики устного народного творчества, но, главным образом, отношение к Святыне, к Богу, который удивительно близок лирическому герою и лишен ореола

таинственности. Не берусь судить, что это такое: влияние хлыстовства или наивная народная вера, не знающая ореола католического романтизма? Разобраться в поэзии богословие не всегда может помочь ...

В духовном стихе Клюева «Брачная песня» вечерняя молитва *Тихому Свету* включает в себя символическую тему брака, который в христианстве понимается как «образ духовного союза Христа с Церковью» [ПЦСС: 58]:

Брачная песня

Белому брату
Хлеб и вино новое
Уготованы.
Помолюсь закату,
Надем рубище суровое
И приду на брак непозванный.

Ты узнай меня, Братец
Не отринь меня, одноотчий,
Дай узреть Зари Твоей багрянец,
Покажи мне Солнце после Ночи.
Я пришел к Тебе без боязни,
молоденький и бледный, как былинка,
Укажи мне после тела казни
В Отчие обители тропинку.
Божий Сын, Невидимый Учитель,
Изведи из мира тьмы наружной
Человека – брата своего!
Чтоб горел он, как и Ты, Пресветлый,
Тихим светом в сумраке ночном,
Чтоб белей цветов весенней ветлы
Стала жизнь на поприще людском!

Белому брату
Хлеб и вино новое
Уготованы.

Помолюсь закату,

Надем рубище суровое

И приду на брак непозванный.

(1910, 1911) [73: 68–69]

В этом стихотворении наблюдается удивительное сочетание библейских начал с народным духовным стихом и неповторимой ключевской поэтикой. Как и в первом стихотворении, где в обращении к Богу дважды используется традиционное выражение *Невечерний свет* и символические имена *Отец, Вождь, Невеста, Друг*, в «Брачной песне» таких наименований несколько: *Божий Сын, Невидимый Учитель, Зари Твоей багрянец, Солнце после Ночи, Пресветлый, Тихий свет*. И все они образуют лексический ряд, по смыслу связанный с темой *Свете тихий*. Библейские образы и символы Клюев осваивает творчески и делает их органической принадлежностью своего поэтического мира.

Вместе с тем, хотелось бы обратить внимание на глубинную связь поэтики Н. А. Клюева с традициями древних христианских песнопений. Так, наблюдается удивительное сходство его «Брачной песни» с «Гимном» преподобного Романа Сладкопевца, жившего в VI веке. Далее предлагается отрывок их этого «Гимна» в переводе С. С. Аверинцева:

*Слёзно молим и просим о милости
В предстоящее время возмездия.
Боже, Боже. В тот день не отринь меня,
Изьми из огня неугасного,
Не предай Сатане на ругание,
Не соделай бесовским игралищем!
Ибо паче иных, окаяннейший,
Я изжил свою жизнь в беззакониях.
Осквернился и духом и плотию
И что делать мне ныне, не ведаю.
Сего ради взываю о милости,
Как блудница, к стопам припадающая,
Изливаю рыдания тёплые:*

*Изыми меня, Господи. Господи,
Из глубин моего беззакония,
Яко Пастырьъ Благий, не оставь меня
Претыкаться о камни погибели.
От страстей обуявших избавь меня
И отверзи мне очи духовные,
Да воззрю я на Лик Твой божественный
И в сердечном веселии вымолвлю:
Подобает Тебе поклонение
Со отцом и Святым Утешителем
И на всякое время хваление,
Милосердный, от твари зывающей.*

[137: 122–123]

Эти два произведения сближаются не только своим поэтическим и духовным содержанием, но и перекликаются словесно. Ср.:

Роман Сладкопевец: *«В тот день не отринь меня, / Изыми из огня неугасного... <...> И отверзи мне очи духовные, Да воззрю я на Лик Твой божественный»;*

Николай Клюев: *«Не отринь меня, Одноотчий, / Дай узреть Зари Твоей багрянец, / Покажи мне Солнце после Ночи».*

* * *

Поэтическое видение Света Невечернего легло в основу стихотворения А. А. Ганина, вологодского поэта и друга С. А. Есенина [38: 45]:

*Отгони свои думы лукавые,
Полуденного беса молву;
Что-то светятся тучки кудрявые,
Чьи-то тени ложатся в траву.*

*Таёт в воздухе поступь неверная,
Не кукует горюша в лесу,
На стволах позолота вечерняя,
И ясней на туманном мысу.*

**Небеса опоясались зорями,
Промелькнул белоснежный наряд.
Погляди, вон опять над сугорами
Наш Учитель и ласковый Брат.**

**Море свеч в небесах засветилося,
Сходят сонмы крылатых гостей,
И на скорби с небесного клироса
Льётся пенье бесплотных детей.**

**Близок свет. Перед радостной встречей
Причащаются травы росой.
Поклонись и мольбой человечью
Не смуди голубиный покой.**

А. А. Ганин не использует выражений *Свете тихий* или *Свет Невечерний*, но живописует ночное ожидание Его прихода и передает особое духовное состояние лирического героя. Образы этого стихотворения наполнены библейским смыслом. Так, выражение *бес полуденный* (в 1 строфе) заимствовано из 90-м псалма (Пс. 90, 6). Чтобы увидеть чистым сердцем пришествие Света – Иисуса Христа, нужно отогнать от себя «думы лукавые, Полуденного беса молву». Далее лирический сюжет стихотворения соотносится с образами Откровения апостола Иоанна Богослова. Павел Флоренский отмечал: «*Эти же тайны, тайна Вечера и тайна Утра, – грани Времени. Так гласит о том великая летопись мира – Библия. На протяжении от первых глав Книги Бытия и до последних – Апокалипсиса разворачивается космическая история, – от вечера мира и до утра его*» [181: 22].

Завершается стихотворение А. Ганина благодарным поклоном милости Божией перед радостной встречей с Ним:

*Близок свет. Перед радостной встречей
Причащаются травы росой.
Поклонись и мольбой человечью
Не смуди голубиный покой.*

Удивительно, но с этим стихотворением, написанным около ста лет назад, перекликается своим духовным содержанием стихотворение в прозе современного вологодского писателя С. П. Багрова [9: 32]:

Божья милость

Дивно было увидеть в ночи, как встаёт из земли, без лучей, без сиянья, огромное алое солнце. Такое бывает только в начале июля. Чёрные крыши домов, застывающая листва, пролетевший с мышью в когтях хищный филин.

Нет. Земля не погасла. Не к смерти она подбирается – к воскресению. И спасёт её, как всегда, тихий свет, разливающийся над миром. Православный народ называет его:

– Божья милость...

Разные поэты – неповторимые индивидуальности, но все они имеют особое духовное зрение, которое раскрывает перед ними мистический смысл вечера, ночи и утра.

Подобное восприятие времени характерно и для молодого, рано погибшего белозерского поэта Алексея Шадринова (1973–1992). Одиноким странник во мраке ночи ожидает чудесной встречи с Вечностью, ждёт прихода Света Невечернего:

*Сквозь многий мрак, ветвистый и густой,
Струясь, в лесах четвёртый ветер рыщет.
Луна явилась бледной наготой,
И тени мирные легли на городище.*

***Твой взор к преддверьям вечного преник,
Там продолжалось звёздное круженье.
Ты слышал стонущий гусиный крик,
Как сталь архангела во мгле весенней.***

*Недолгий стан разбив среди холмов
На берегу серебряной и мглистой
Чужой реки, оставленный свой кров
Ты понимал восторженностью чистой.*

*И было страшно в майской синеве,
Как под мечом готовящейся местности,
Предвосхищая эосовый³ свет,
Багряный луч блуждал по поднебесью.*

*Ты был утешен – странник у костра,
С заката глаз бессонных не смыкая.
Была звезда туманная остра,
Пустующий зенит пересекая.*

[196: 73–74]

Лирический герой этого стихотворения растворился в тёмных глубинах природы, напряжённо ожидающей наступления Зари, Света, появления Утренней Звезды и освобождения от тяжести ночного мрака. Поэт смог передать то, что возможно передать только музыкой! Тайной остаётся, как мог восемнадцатилетний поэт создать стихотворение, наполненное глубокими библейскими образами и смыслами так же пронизательно, как это мы видели и в поэтических произведениях Н. Клюева и А. Ганина!

Читая и перечитывая это стихотворение А. Шадринова, я вспомнила подобное поэтическое описание ночи у Павла Флоренского. Совпадали эти описания не только по внутреннему настроению, но даже в деталях – тот же далёкий костёр в ночи, звезда Вечерняя и звезда Утренняя... Но то, что было выражено у молодого поэта прикровенно и только угадывалось, у духовного писателя выговаривалось открыто эмоционально и явно:

«Порою, вечерами бродил я по холмам и лугам. Набегающая прохлада заката омывала душу от волнения и тревоги. Вспоминалось о том первозданном ветерке вечернем, в котором и которым говорил прародителям Создатель их; и это воспоминание пробежало по спине прохладным восторгом. Полузабытое и всегда незабвенное золотое время Эдема, как отлетевший сладкий сон, вилось около сердца, трепетало, задевало крылом – и снова

³ Эос – в греческой мифологии богиня утренней зари.

улетало, недоступное. Грустилось о былом, былом в веках и где-то вечно живом, живущем и донныне; и благодатная грусть сливалась с влажным сияние Звезды Вечерней, такой бесконечно далёкой, светящей из прозрачных изумрудовых бездн, и такой близкой, заходящей в сердце. Где-то вдали мерцала пастушьья теплинка. И милой была она. И милыми были все сидевшие возле. И как ранее, в Звезде Утренней, так и теперь, в Звезде Вечерней, сердце любило – Кого-то» [181: 20–21].

Другое стихотворение А. Шадринова «Утро Пасхи» наполнено радостной вестью о воскресшем Христе, который «Вездесущ и незрим, с колокольным канонам грядёт». Здесь, в этом светлом стихотворении, поэт, пропуская через глубины свой души образы природы, описывает исчезновение мрака, появление зари и наступление радостного утра Воскресения Христа:

*В дыме почек зелёном, в тяжёлом весеннем дурмане,
Укрывается ива, и жизнью овечьих покров,
И едва различимы среди сумерек мягких, в тумане,
Проявляются крыши тяжёлых, дородных домов.
Я восстал из уснувших, едва заплескало рассветом,
А над церковью Пасха, над кровельным цинком плыла.
Восславляем Христа! И кресты возглашают об этом
Сизым галочьим роем. Туманы несут кадила...
Осветляются веси, кармином восток занавешен,
Замерцали луга светом инистых бледных бород.
И вторгается в грудь неуёмная весть, что Воскресший,
Вездесущ и незрим, с колокольным канонам грядёт.*

[196: 74]

У И. А. Бунина есть стихотворение с подобным лирическим сюжетом [32]:

*Христос воскрес! Опять с зарею
Редет долгой ночи тень,
Опять зажегся над землею
Для новой жизни новый день.*

*Еще чернеют чащи бора;
Еще в тени его сырой,
Как зеркала, стоят озера
И дышат свежестью ночной;*

*Еще в синеющих долинах
Плывут туманы... Но смотри:
Уже горят на горных льдинах
Лучи огнистые зари!*

*Они в выси пока сияют,
Недостижимой, как мечта,
Где голоса земли смолкают
И непорочна красота.*

*Но, с каждым часом приближаясь
Из-за алеющих вершин,
Они заблещут, разгораясь,
И в тьму лесов и в глубь долин;*

*Они взойдут в красе желанной
И возвестят с высот небес,
Что день настал обетованный,
Что Бог воистину воскрес!*

1888 г.

Сравним эти стихотворения, чтобы убедиться, насколько молодой белозерский поэт всё-таки превзошёл классика своей поэтической искренностью, свежестью образов и, наконец, самое главное – глубиной и силой веры в Воскресение Иисуса Христа. И всё это снова, как и в предыдущем его стихотворении, отразилось в необыкновенном мистическом ритме стихотворения.

* * *

Образы Света Невечернего созерцал в вечерней и ночной тиши и Николай Рубцов. Во многих его «ночных» стихотворениях слышна тихая тоска по Небу:

<... >

*И всё ж прекрасен образ мира,
Когда в ночи равнинных мест
Вдруг вспыхнут все огни эфира,
И льется в душу **свет с небес** ...*

Осознание Божественной тайны мира и прикосновение к ней души поэта в тихий летний вечер – вот основное поэтической чувство, которым проникнуто его стихотворение «Тайна» [15]:

*Чудный месяц плывет над рекою», –
Где-то голос поет молодой.
И над родиной, полной покоя,
Опускается сон золотой!*

*Не пугают разбойничьи лица,
И не мыслят пожары зажечь,
Не кричит сумасшедшая птица,
Не звучит незнакомая речь.*

*Неспокойные тени умерших
Не встают, не подходят ко мне.
И, тоскуя все меньше и меньше,
Словно Бог, я хожу в тишине.*

*И откуда берётся такое,
Что на ветках мерцает роса,
И над родиной, полной покоя,
Так светлы по ночам небеса!*

*Словно слышится пение хора,
Словно скачут на тройке гонцы,
И в глуши задремавшего бора
Все звенят и звенят бубенцы ...*

Лирический сюжет этого стихотворения Н. М. Рубцова могут точно передать слова святителя Игнатия Брянчанинова, глубокого знатока человеческой души: «...*Всё существо человека погружается в духовное утешительное наслаждение священным миром Христовым, как бы пропитывается и переполняется этим ощущением. Упоённое им, оно делается нечувствительным к стрелам смущения*» [148: 395].

Стихотворение «После грозы» воспевает, «как светлую весть», утро, которое наступит после гибельной ночной грозы [138]:

*Ночью я видел:
Ломались берёзы!
Видел: метались цветы!
Гром, рассылающий
Гибель и слёзы,
Всех настигал с высоты!
Как это странно
И всё-таки мудро:
Гром роковой перенестъ,
Чтоб **удивительно**
Светлое утро
Встретить, как светлую весть!
Вспыхнул светящийся
Солнечный веер,
Дышат нектаром цветы,
Влагой рассеянной
Озеро веет,
Полное чистой воды!*

Образы этого стихотворения Н. Рубцова перекликаются с образами поэтов, чьи произведения мы рассматривали выше. Сравните:

у Н. Рубцова – «Удивительно / Светлое утро / Встретить, как светлую весть»; у А. Ганина – «Перед радостной встречей / Причащаются травы росой»; у А. Шадринова в стихотворении «Утро Пасхи» – «И вторгается в грудь неужённая весть».

Отголоски библейского мотива «Свет во тьме светит и тьма не объяла его» (Ин. 1, 5) слышатся во многих стихотворениях Н. Рубцова, особенно в стихотворении «Русский огонёк», в котором тихий свет символизирует жизнь и любовь во Христе: «В Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков» (Ин. 1, 4).

Поэзия Н. М. Рубцова пронизана светом и тишиной духа. Е. Поселянин писал: «Какое это драгоценное свойство настоящей христианской души! Как успокоительно действует на вас, уставшего от докучной, бесплодной суеты, встреча с человеком тихого духа» [122: 404]. Вот одно из стихотворений Рубцова – «На озере», в котором обнаруживаются «величественные проявления той драгоценной и священной тишины духа, какую вырабатывает в детях своих христианство» [122: 405]:

Светлый покой
Опустился с небес
И посетил мою душу!
Светлый покой,
Простираясь окрест,
Воды объемлет и сушу ...
О этот светлый
Покой чародей!
Очарованием смелым
Сделай меж белых
Своих лебедей
Чёрного лебедя – белым!

[138]

По своему внутреннему строению это стихотворение напоминает молитву, которая обычно состоит из хвалы Господу, покаяния и прошения.

«Отчаяние беспросветное охватывает душу только неверующего человека, а верующий среди этих обстоятельств обманувшей жизни будет светел, радостен и тих духом» [122: 407]. Таким был Н. М. Рубцов в своей поэзии. Читая его стихотворение «Сентябрь», думаешь вслед за Е. Поселянином: *«Как драгоценна эта ровная бодрость духа и теплота души, ничем не нарушаемая ясность душевного веселия»* [122: 419]:

*Слава тебе поднебесный
Радостный краткий покой!
Солнечный блеск твой чудесный
С нашей играет рекой,
С рощей играет багряной,
С россыпью ягод в сенах,
Словно бы праздник нагрязнул
На златогривых конях!
Радуюсь громкому лаю,
Листьям, корове. Грачу,
И ничего не желаю,
И ничего не хочу!
И никому неизвестно
То, что, с зимой говоря,
В бездне таится небесной
Ветер и грусть октября ...*

[138]

Почему в душе поэта слагались такие благодатные стихи? Святитель Игнатий Брянчанинов отмечал: *«Причина сердечного смущения – неверие; причина сердечного спокойствия, сердечного благодатного мира – вера»* [148: 395].

«РОССИЯ, ТЫ ДЫШИШЬ МОЛИТВОЮ»

О духовных истоках поэзии Н. П. Сидоровой

Вологодская поэтесса Наталия Петровна Сидорова – достойная продолжательница лучших традиций русской классической поэзии. Её стихотворения своим проникновенным поэтическим чувством согревают сердце читателя и наполняют духовной радостью и красотой. Чистый голос души поэта преображает в нашем сознании образы обыденного видимого мира в образы Мира Божьего.

Поэтический символ *ледяная роза*, ставший названием одного из её стихотворений, необыкновенно глубок по содержанию: в нём воплощена мелодия вечно прекрасного начала в душе человека, того высокого идеала, из которого рождается мелодия любви [154].

*Где весна любовью бредит?
Холода царят на всей земле,
О тепле морозно грезит
Ледяная роза на стекле.
На границе тьмы и света
Как она бесстрашно хороша!
В ризы брачные одета;
Словно вещь примета,
На неё смотрю я не дыша...*

Образ ледяной розы на оконном стекле привлекает своей нерукотворной гармонией, поэтому он сродни музыке, он кажется таинственным посланником из иного прекрасного мира. Не случайно поэт избирает его символом своей поэзии. О. Сергей Булгаков писал о поэтическом творчестве: «Оно чувствует себя залётным гостем, вестником из иного мира, и составляет наиболее религиозный элемент внерелигиозной культуры».

Для поэзии Н. П. Сидоровой характерен христианский взгляд на природу. Святитель Николай Сербский (Велемирович) так определил это особое видение природы: «Человек единственный на земле обладает создающим словом. Но вся вселенная говорит разными

способами: либо словами, либо движениями, либо знаками. Следовательно, вся вселенная есть слово, но не самостоятельное и не самобытное, оно – отзвук того Слова, Которое было в начале и с Которого всё началось» [145: 201]. Именно такое чувство природы испытывает лирическая героиня стихотворений Н. П. Сидоровой [154]:

*Молчали птицы, чуда ждали,
Реку окутывал туман,
И тишиной звенели дали,
А мне казалось – пел орган.*

*В восторге замерли деревья,
Со мной роняя до утра
Святые слёзы очищенья
Души, открытой для добра.*

Святитель Григорий Богослов выразил эту мысль так: «Небо, земля и море есть великая, дивная книга Божия». Н. Сидорова проникновенно читает эту книгу и передаёт своё сокровенное знание в поэтических строках своих стихотворений [154]:

*Мне звёзды чистые сияли,
И для меня алел рассвет.
Горел из беспредельной дали
Любви небесной тихий свет.*

*Недолго дышит, расцветая,
В подлунном мире красота.
О вечной радости вздыхая,
Зовёт высокая мечта.*

*Туда, где Ангелы, блистая,
Поют и славят Божество,
Где ждёт любовь в преддверии рая,
Где вечной жизни торжество!*

Это чувство единения с природой, как с Божественным откровением, даёт поэту силы переносить все невзгоды и беды и выходить из них непобеждённой:

*Когда душа припоминает звуки,
Неслыханные прежде на земле,
То зарастает след от чёрной муки
И зеленеют травы на золе.*

Н. П. Сидорова с большим мастерством владеет многими стилистическими средствами создания художественной композиции стихотворений. Причем всегда они подчинены замыслу автора, ритму его лирического чувства. Например, как поэтический период построен текст следующего стихотворения [154]:

*Когда весь мир тебя встречает немо
У бездны на краю,
Поверь, мольбу твою услышит небо,
Где ангелы поют.*

*Когда души печаль коснется тенью,
Вглядись в огонь свечи.
Внимай в тиши таинственному пенью.
Не плачь, молчи, молчи!*

*Настанет день и по земным дорогам
Любовь опять пройдет.
Ликуй, душа, ликуй: во славу Бога
Незримый хор поет.*

Такое композиционное оформление содержания этого стихотворения приводит к нарастанию (амплификации) духовного и эмоционального напряжения в двух первых строфах и разрешению его – очищению души лирического героя в последней строфе. Аристотель назвал это словом *катарсис*, что в греческом языке значит – *очищение*.

Очищается душа и при чтении стихотворений по-детски простых, но наполненных силой духовной радости [154]:

*Радуйся! Радуйся! Радуйся!
Сердце, ликуя, поет.
Радуга! Радуга! Радуга
В облаке синем цветёт!*

*Небо сиянием полнится,
Верится в добрую весть.
Все повторится, исполнится –
В облаке радуга есть!*

Лирический сюжет этих поэтических строк опирается на древнюю традицию верующих радоваться радуге как Благой Вести Бога. У нас на Севере раньше говорили: «Божья дуга – знаменье Господне». В эмоционально сильном стихотворении Н. П. Сидоровой произошло чудо воскресения слова «*радуйся*». В поэзии слова нередко «омолаживаются»: воскресают из глубин праязыка их древние смыслы, обнаруживается их первоначальный семантический синкретизм, их древняя полифония. Так, и трижды повторенный возглас «*Радуйся!*» здесь полифоничен по смыслу. Это и призыв радоваться («*сердце, ликуя поет*»). И пожелание «мира благого», как определил этот возглас когда-то святитель Макарий, митрополит московский («*Небо сиянием полнится, / Верится в добрую весть. / Все повторится, исполнится – В облаке радуга есть!*»). Это, наконец, и древняя форма приветствия (такая же, как наше современное «*Здравствуй!*»), на которую указывает прот. Георгий Дьяченко в «Полном церковнославянском словаре» [ПЦСС: 535]. Удивительно, что, и не зная указаний словарей древнерусского и церковнославянского языков, все эти смыслы возгласа «*Радуйся!*» мы почувствовали, благодаря поэтическому мастерству Н. П. Сидоровой. Можно предполагать, что она прозрела духовную силу данного слова, не только благодаря поэтической интуиции, но и читая акафисты, в икосах которых каждое обращение к Богородице или святому начинается со слова «*Радуйся*». Приведем

пример из акафиста Пресвятой Богородице в честь иконы её «Скоропослушница»:

*Радуйся, Бога нашего Мати; радуйся,
в рождестве и по рождестве Дево.
Радуйся, яко тя блажат вси роди;
радуйся, яко сотвори Тебе величие Сильный.
Радуйся, яко призре на смирение Твое Господь;
радуйся, яко возжеле доброты Твоя Царь царей.*

Лирический сюжет многих стихотворений Н. П. Сидоровой основан на духовных переживаниях и иногда сродни молитве [154]:

*Не плачь, душа, не плачь о юных днях прекрасных.
Мелькнула молодость, как яркая звезда
Средь мелкой суеты, среди тревог напрасных.
И лишь Господь с тобой всегда.*

*О счастье на земле давно мечты умолкли,
И в памяти больной сверкают иногда
Обманутых надежд печальные осколки.
И лишь Господь с тобой всегда!*

*Когда настанет срок, и нас о том не спросят,
Уходят ближние неведомо куда,
Они любовь свою таинственно уносят,
И лишь Господь с тобой всегда.*

*Не плачь, душа, не плачь, в молитве утешенья
Искала ты, как сладость райского плода.
Проходит всё: и страх, и горечь искушенья,
И лишь Господь с тобой всегда!*

А есть у поэта и просто стихи-молитвы, обращённые к Богородице [154]:

Неувядаемый цвет

*Я пред Тобой молча стою.
Призри на бедную душу мою.
Кто исцелит, если не Ты,
Неувядаемый цвет чистоты?
Дево, пролей щедрость чудес.
О, Преплагая Царица Небес!
Полон любви образ святой,
Сердца касается Свет золотой.*

Авторов духовных стихов объединяет ещё одна тема – Святая Русь как национальный идеал. Такие стихи есть и у Н. А. Клюева, и С. С. Бехтеева, и у о. Иоанна Шаховского, и у о. Романа Матюшина. В стихотворении Н. П. Сидоровой «Россия сокровенная» [154] звучит особое чувство православных людей, которое подсказывает сердцу: «Сила Божия в немощи совершается» (2 Кор. 12:9–10).

*Россия моя – страстотерпица.
Повидав палачей и пройдох,
Лампадками тихими теплится,
Вознося свой молитвенный вздох.*

*За тех, кто испил полной мерою
И страданье, и горечь потерь;
За тех, кто с горячею верою,
Всё простив, догорает теперь.*

*Тебя ли Господь не помилует?
Ты смеёшься и плачешь светло;
Умеешь ты крестною силою
Отражать восстающее зло.*

**Блажен, кто измученный битвою,
Не предав, претерпел до конца...
Россия, ты дышишь молитвою
И в молитве восходят сердца!**

Поэзия Н. П. Сидоровой обладает мудрой силой: раскрывая души читателей, приводит их к покаянию и тем самым духовно укрепляет их [154]:

Покаяние

*Осуши наши слёзы, Мессия,
Ради подвига вечной любви!
Терпеливая мать Россия,
Мы безумные дети твои.*

*Твои храмы судили с размаху,
Чтобы гордо стоять не могла.
И ложились безвинно на плаху,
Словно головы, их купола.*

*Сколько мы, погибая безвестно,
Проклинали свой горестный край!
Забывали молитвы и песни
Под вороний неистовый грай.*

*На земле возжелавшие рая,
Испытали пылающий ад...
Ждём чего, изумлённо взирая
На съедающий души разлад?*

Да, чего же нам ждать, «изумлённо взирая на съедающий души разлад?» Не пора ли соборно соединиться ради Христа и любви к нашей терпеливой матери России?

ЛЮБОВЬ

*Взойдѣт любовь на вечный срок,
Душа не станет сиротлива.
Неувядаемый цветок!
Неувядаемая нива!*

Николай Рубцов

«ВЗОЙДЁТ ЛЮБОВЬ НА ВЕЧНЫЙ СРОК...»

Христианский идеал любви
в поэзии Н. М. Рубцова

Православные люди знают это особенное чувство любви во Христе.

Именно такое чувство испытываешь, когда читаешь стихотворения Николая Рубцова. Его поэзия пронизана тишиной духа. Е. Поселянин писал: «Какое это драгоценное свойство настоящей христианской души! Как успокоительно действует на вас, уставшего от докучной, бесплодной суеты, встреча с человеком тихого духа» [122: 404].

Как православный русский поэт, Н. М. Рубцов понимал любовь как светлое, радостное духовное состояние вечной души. В стихотворении «Цветок и нива» противопоставлены земное сиротство человека и вечная, неувядаемая любовь, которая ожидает его в будущей жизни [139]:

*Цветы! Увядшие цветы!
Как вас водой болотной хлещет.
Так с бесприютной высоты
На нас водой холодной плещет.
А ты? По-прежнему горда?
Или из праздничного зала
На крыльях в прошлые года
Твоя душа летать устала?
И неужели, отлюбя,
Уж не волнуешься, как прежде, –
Бежишь домой, а на тебя*

*Водой холодной с неба плещет?
Сырое небо. Не плечи
Своей водою бесприютной!
И ты, сорока, не треци
О нашей радости минутной!
Взойдёт любовь на вечный срок,
Душа не станет сиротлива.
Неувядаемый цветок!
Неувядаемая нива!*

Строки этого стихотворения не только по смыслу, но и по своему словесному строю перекликаются с библейской и святоотеческой традицией понимания любви.

Земную жизнь человека поэт уподобляет полевым цветам, которые быстро отцветут и завянут. А вечную душу человека поэт называет «неувядаемым цветком». «Неувядаемая нива» – это жизнь будущего века, наполненная бесконечной любовью.

Источником этих образов Рубцова являются православные молитвы и иконография. Вспомним слова 102 псалма: «Человек, яко трава дни его, яко цвет селный, тако отцветет» (Пс. 102. 15). Вспомним икону «Неувядаемый цвет», на которой изображена Богородица с младенцем, в руке у неё небесная лилия с райских неувядаемых полей. Лилия – символ непорочной чистоты и Божественной любви.

В стихотворении звучит мысль о земном сиротстве человека: в первой части стихотворения прилагательное *бесприютный* употребляется дважды. Но «*Взойдёт любовь на вечный срок, / Душа не станет сиротлива*».

Следует обратить внимание на то, что лирический сюжет стихотворения Николая Рубцова «Цветок и нива» перекликается с лирическим сюжетом известного стихотворения Владимира Соловьёва:

*Бедный друг. Истомил тебя путь,
Тёмен взор и венок твой измят.
Ты войди же ко мне отдохнуть.
Потускнел, догорая, закат.*

*Где была и откуда идёшь,
Бедный друг, не спрошу я, любя;
Только имя моё назовёшь –
Молча к сердцу прижму я тебя.*

*Смерть и Время царят на земле, -
Ты владыками их не зову;
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.*

Как и в стихотворении В. Соловьёва, у Рубцова вечная любовь сравнивается с солнцем: «Взойдёт любовь на вечный срок». Сравните: у Соловьёва: «Всё, кружась, исчезает во мгле, / неподвижно лишь солнце любви». Разные это поэты, различен их религиозный опыт, тем не менее содержание стихотворений обоих поэтов перекликается, они созвучны друг другу. Их лирический сюжет можно соотнести с пророческими словами апостола Павла о нерушимости духовной любви: «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится. Ибо мы отчасти знаем и отчасти пророчествуем. Когда же настанет совершенное, тогда то, что отчасти, прекратится... <...> Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан. А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор. 13, 8–13).

* * *

О любви как основной цели земного существования русских людей говорится в стихотворении «Жар-птица». Рубцов рисует обычный деревенский пейзаж, однако далее сквозь него поэт прозревает истинную Святую Русь [139]:

*А дальше за лесом –
 большая деревня.
Вороны на ёлках, старухи в домах.*

*Деревни, деревни вдали на холмах,
Меж ними село с колокольнею древней ...*

*В деревне виднее природа и люди.
Конечно, за всех говорить не берусь!
Виднее над полем при звёздном салюте,
На чём поднималась великая Русь...*

А поднималась Святая Русь на любви. Отвечая на вопросы лирического героя, об этом говорит старик-пастух, проживший долгую, полную испытаний жизнь:

*Старик! А давно ли
ты ходишь за стадом?
– Давно, – говорит. – Колокольня вдали
Деревню ещё оглашала набатом,
И ночью светились в домах фитили.
– А ты не заметил, как годы прошли?
– Заметил, заметил! Попало как надо.
– Так что же нам делать, узнать интересно...
– А ты, – говорит, – полюби и жалей,
И помни
хотя бы родную окрестность,
Вот этот десяток холмов и полей...*

Лирический герой познал всю суету земной жизни: *«Мотало меня и на сейнере в трюме, / И так, на пирушках, во дни торжества, / И долго на ветках дорожных раздумий, / Как плод, созревала моя голова. / Не раз ко дворцу, где сиял карнавал, / Я ветренным франтом в машине катился, / Ну, словом, как бог, я везде побывал / И всё же, и всё же домой воротился ...»*. И, подобно блудному сыну, вернулся он домой именно для того, чтобы узнать святую истину любви.

В лирическом сюжете этого стихотворения нашло своеобразное отражение понимание любви как самого важного в жизни, о котором писал апостол Павел: *«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я – медь звенящая или кимвал*

звучащий. Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всякую веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, то я ничто. И если я раздам всё имение моё и отдам тело моё на сожжение, а любви не имею, – нет мне в том никакой пользы» (Кор. 13, 1–3).

И снова мы находим близкие по этой мысли стихотворению Рубцова поэтические строки в духовной поэзии В. Соловьёва:

*Люди живы Божьей лаской,
Что на всех незримо льётся,
Божьим словом, что безмолвно
Во вселенной раздаётся ...*

* * *

Любовью к вечной красоте Святой Руси проникнуто стихотворение «Душа хранит» [139]:

*Вода недвижимее стекла.
И в глубине её светло.
И только щука, как стрела,
Пронзает водное стекло.*

*О вид смиренный и родной!
Берёзы. Избы по бургам
И, отражённый глубиной,
Как сон столетий, Божий храм.*

*О, Русь – великий звездочёт!
Как звёзд не свергнуть с высоты,
Так век неслышно протечёт,
Не тронув этой красоты,*

*Как будто древний этот вид
Раз навсегда запечатлён
В душе, которая хранит
Всю красоту былых времён...*

Образ Святой Руси как поэтический идеал, к которому стремится душа поэта и который постоянно ускользает от его любящего взора, запечатлён и в стихотворении «Поэзия»:

*Теперь она, как в дымке, островами
Глядит на нас, покорная судьбе, –
Мелькнёт порой лугами, ветряками –
И вновь закрыта дымными веками...
Но тем сильней влечёт она к себе!*

*Мелькнёт покоя сельского страница,
И вместе с чувством древности земли
Такая радость на душе струится,
Как будто вновь поёт на поле жнища,
И дни рекой зеркальной потекли...*

Любовь к родине у Рубцова – бескорыстная, тихая, мирная, не воинственная, а смиренная и терпеливая, такая, о какой писал апостол Павел: «Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит» (1 Кор. 13, 4–7).

Такой же любовью к Божьему миру светится лирический персонаж стихотворения Рубцова «Старик» [139]:

*Идёт старик в простой одежде.
Один идёт издалека.
Не греет солнышко, как прежде.
Шумит осенняя река.*

*Кружились птицы и кричали
Во мраке тучи грозовой,
И было всё полно печали
Над этой старой головой.*

*Глядел он ласково и долго
На всех, кто встретился ему,
Глядел на птиц, глядел на ёлку...
Наверно, трудно одному.*

*Когда, поёживаясь зябко,
Поест немного и поспит,
Ему какая-нибудь бабка
Поднять котомку пособит.*

*Глядит глазами голубыми,
Несёт котомку на горбу,
Словами тихими, скупыми
Благодарит свою судьбу.*

*Не помнит он, что было прежде,
И не боится чёрных туч,
Идёт себе в простой одежде
С душою светлою, как луч!*

Откуда знал поэт, что были на Руси такие люди Божии, беззащитные в земной жизни, но мужественные в своей всепобеждающей любви и смирении? Я думаю, он встречал их на своём пути, в своих странствиях. И сам он был из таких Божиих странников. Не случайно в стихотворении «Старая дорога» он признаётся [139]:

*Как царь любил богатые чертоги,
Так полюбил я древние дороги
И голубые
вечности глаза!...
Здесь каждый славен –
Мёртвый и живой!
И оттого, в любви своей не каюсь,
Душа, как лист, звенит, перекликаясь,
Со всей звенящей солнечной листвою,*

*Перекликаясь с теми, кто прошёл,
Перекликаясь с теми, кто проходит...
Здесь русский дух в веках произошёл...
Здесь русский дух в веках произошёл,
И ничего на ней не происходит.
Но этот дух пойдёт через века!...*

* * *

В поэзии Рубцова любовь к Родине, к своим землякам приобретает религиозный смысл, поскольку она властвует над жизнью и смертью, побеждая смерть. В стихотворении «Над вечным покоем» так описывается состояние лирического героя, который гуляя по лесу, неожиданно оказался на сельском кладбище [139]:

*Там фантастично тихо в темноте,
Там одиноко, боязно и сыро,
Там и ромашки будто бы не те –
Как существа уже иного мира...*

*И так в тумане омутной воды
Стояло тихо кладбище глухое,
Таким всё было смертным и святым,
Что до конца не будет мне покоя.*

*И эту грусть, и святость прежних лет
Я так любил во мгле родного края,
Что я хотел упасть и умереть
И обнимать ромашки, умирая...*

Те же чувства выражены и в стихотворении «Тихая моя родина»:

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

О любви, побеждающей смерть, благовествует Новый Завет. О такой любви пишет и апостол Павел: «...ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8, 38–39).

Поэт знал эту глубокую христианскую истину и исповедовал её в своём поэтическом творчестве.

«ПОЛОН МИР НЕСБЫВШЕЙСЯ ЛЮБВИ»

Размышления о поэзии М. И. Карачёва

Все дарования без любви – ничто (1Кор. 13, 1–2). Этими апостольскими словами можно определить духовное и художественное мерило русской поэзии. Автор, переступивший эту черту и утративший способность любить, теряет эстетический вкус и нравственное чутье. Светоносный алмаз превращается в черный уголь.

Сама любовь – дар Божий, гораздо более высокий, чем дар поэтический. «Бремя мое легко», – говорит нам Господь. Но сами-то мы слабы бываем, чтобы нести это бремя. Остается в душе только желание любви. Но любовь Божия вечно с нами пребывает. Об этом нам напоминают, прежде всего, христианские песнопения, а также русская поэзия, которая, по слову Н. В. Гоголя, вся пронизана духом Евангелия, Благой вестью Господа. Мне дорого стихотворение В. Соловьёва, которое перекликается со словами апостола Павла и вселяет надежду:

*Люди живы Божьей лаской,
Что на всех незримо льется,
Божьим словом, что безмолвно
Во вселенной раздается.*

*Люди живы той любовью.
Что одно к другому тянет,*

*Что над смертью торжествует
И в аду не перестанет.*

Тогда почему же земная жизнь человека полна трагизма? На этот вопрос другой поэт отвечает так: «*Полон мир несбывшейся любви*».

Это удивительно емкая по смыслу поэтическая строка из стихотворения Михаила Ивановича Карачёва [66: 16]. Ее духовная и художественная сила основана на парадоксальном содержании. С одной стороны, *несбывшаяся любовь, а не сбыться* – значит не осуществиться, не исполниться (о чем-либо предполагаемом или желаемом). А с другой стороны, *полон мир ... любви*. Однако такие аналитические рассуждения могут разрушить поэтическую мысль, которая всегда основана на смысловом синтезе и глубоком чувстве, а потому органична. Чтобы понять эту мысль нужно прислушаться к голосу души, который начинает звучать при чтении этого стихотворения [66: 16]:

*Ветер дул. Осины на погосте
Трепетали в счастье молодом.
Что сказать? В село пришли мы, гости,
А родня заснула вечным сном.*

*Ветер дул. Сияя над погостом,
Грозовая высилась гряда.
Здесь в холме покоятся лишь кости.
Где та жизнь? Отстала навсегда.*

*Ветер сник. К далёким перелескам
Отошла небесная гряда.
Где та жизнь в её покорном блеске!
Где та жизнь? Замолкла навсегда.*

*Что желать? О чём молиться Богу?
Полон мир несбывшейся любви.
Не зовите в долгую дорогу.
Никого не вижу впереди.*

*Только здесь могильные перины
Будут ждать покоя моего.
Слышу, слышу в радости незримой
Голоса отставших далеко.*

*Только здесь, в молитве одинокой,
И далёким воздухом дыша,
Голоса, отставшие далёко,
Будет ждать забытая душа.*

Всегда возникает чувство вины перед умершими. Всегда кажется, что мало их любил, был черств, не понимал их, не ценил... Но, несбывшаяся любовь, прерванная смертью, может полностью осуществиться уже не здесь, а в мире ином. Ведь у Бога все живы. Лирический герой стихотворения и сейчас, этим ветреным осенним днем, и здесь, на родном пепелище, у этих родных могил, слышит «*в радости незримой голоса отставших далеко*» и молится, «*далёким воздухом дыша*». Действительно, такое поэтическое чувство – сродни молитве.

Если задуматься над поэтикой этого стихотворения, то поражает её родство с древней поэтической картиной жизни и смерти. В тексте проступает мистический сюжет восхищения души из этого мира в мир иной. Этот сюжет, в котором восхищение души противопоставлено смерти, зародился в античной культуре, а затем был воспринят христианскими мистиками. Он связан с символами ветра и грозы. История этого сюжета и его символов в мировой культуре прослеживается о. Павлом Флоренским [150: 143– 188]. Рассмотрев различные произведения античной литературы и библейские тексты, он пишет: «*Незримый, неосязаемый и, однако, могучий и порою всеограшительный порыв ветра, конечно, есть символ наиболее сродный потусторонним силам, врывающимся в мир житейского попечения и восхищающим отселе человека в миры иные. Вот почему едва ли не каждая мистическая система включает в себя и понятие о таинственном порыве нездешнего дуновения*» [150: 162]. В 99 псалме

«действие Духа Божия уподоблено движению ветра или движению на крыльях ветра, чтобы показать, что это действие – невещественно, вполне духовно» [143: 547]

В стихотворении М. И. Карачёва символ ветра встречается в трёх строфах из шести, а о восхищении души лирического героя в мир любящих и любимых свидетельствуют фразы: «*Осины на погосте / Трепетали в счастье молодом ...; Слышу, слышу в радости незримой / Голоса оставших далеко...; ...далёким воздухом дыша*» [66].

Поэтическое восхищение души – сила, побеждающая смерть. Однако о. Павел Флоренский предупреждает: «*Для человека, мистически одарённого... и видящего пред собой силы и знамения иного мира, подумать, что духовных дарований самих по себе достаточно и что большего ничего не требуется для спасения, – очень привлекательно*». При этом может возникнуть «*повод для величайшего соблазна*» [150: 185]. Поэты опасно ходят. Это их особенность.

* * *

Кроме смерти, бывает и иная разлука, мешающая осуществлению любви. Это трагедия двух любящих людей, утративших взаимопонимание и доверие друг к другу [66]:

*Не унижай меня неправдой обо мне,
Непониманием праведным не мучай.
И как понять, что вечное – не случай.
Вот почему и тягостно вдвойне.*

*О, если б мог на равный разговор
Тебя я вызвать из твоей гордыни, –
Какой бы бездной отозвался хор,
Далёкий и безмолвствующий ныне!*

Далее поэт опять обращается к мысли о том, что только в этом мёртвом мире любовь может быть несбывшейся, а в мире истинной любви – она вечно жива:

*Так мира мёртвого спадает оболочка,
Хотя б на миг, но явственно понять,
Что вновь дана бессмертная отсрочка
Ещё любить, ещё тебя обнять.*

В этом удивительном стихотворении В. И. Карачёв продолжает традиции русской духовной поэзии, утверждающей бессмертную силу любви.

*Смерть и Время царят на земле, –
Ты владыками их не зови:
Всё, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.*

Эти ставшие крылатыми строки о любви написал В. С. Соловьев. Этот же мотив несбывшейся земной любви и любви вечной звучит и в стихотворении Н. М. Рубцова «Цветок и нива», которое заканчивается такими словами:

*Взойдёт любовь на вечный срок,
Душа не станет сиротлива.
Неувядаемый цветок!
Неувядаемая нива!*

Следуя библейской традиции понимания любви (Пс. 102, 15), земную жизнь человека поэт уподобляет полевому цветку, который быстро отцветёт и завянет. А вечную душу поэт называет «неувядаемым цветком». «Неувядаемая нива» – это жизнь будущего века, наполненная бесконечной любовью⁴.

М. И. Карачёв также прозревает это состояние осуществившейся в вечности любви [66]:

*Мы уснём, как потухшие свечи.
Пусть над нами сгущается вечность,
Вольный ветер свистит за стеной, –
Сладко спать у любви за спиной.*

...

⁴ Об этом стихотворении более подробно в нашей статье [211: 307–316].

*Мы когда-нибудь выйдем из плоти,
Нас отпустит закон тяготенья.
Отъищи меня в мёртвом полёте, –
Я заплачу тебе из забвенья.*

Но и в этих стихах, в последней строке, звучит печаль о несбывшейся земной любви. Ведь истинная любовь – это всегда жертва, а все мы так мало жертвуем, и так много просим. А потому возникает сердечная боль – чувство вины и покаяния перед близкими людьми, любившими нас, и перед родиной, взрастившей нас [66]:

*Зачем я жду сердечной укоризны,
Вернувшись в юность, в дальнее село,
Где жизнь прошла, как ожиданье жизни.
Здесь сверстники состарились давно.*

*Где этот зов живой сердечной воли,
Влекущий в даль, в мерцающий поток!
И почему виденьем чистой боли
Не исчезает матери платок?*

Особенно примечателен конец этого стихотворения, свидетельствующий о душевной тонкости поэта, его духовном зрении:

*Ещё чуть-чуть – сожнётся поколенье,
Спрессуется как бессловесный прах!
Так почему не ужасом, не тленьем, –
Я откликаюсь радостью на страх!*

Этим душевным состоянием, которое можно только почувствовать сердцем, но трудно передать обычными, непоэтическими, словами, проникнуты и другие стихотворения М. И. Карачёва. Например, в стихотворении «Это хрупкое время не право...» путник возвращается домой по лесной дороге «и выходит к родимому берегу, к деревушке за тёмной рекой». А затем звучат пронзительные строки о том, что чувствовал человек, в непогоду вернувшийся после многих лет скитаний на оставленную когда-то родину [66]:

*Над стремниной тягучей, глубокой
Трос качается, лодка скрипит,
И по сердцу скользит одиноко
Одинокость прибрежных ракушек...*

*А в лесной затаённой округе
Над забытым жильём, над рекой
Вырастает слепящая вьюга,
Оглушая высокой тоской.*

*И забвенья беспмятный холод
На безудержно тёмной волне
Рвёт и треплет слабеющий повод
В ненадёжном скрипящем челне.*

Отчего же восторженным стоном

Вырывается вздох из груди

*И, сливаясь с окрестностью, тонет,
Окликая в крошечной дали!*

Следует отметить, что по силе трагического звучания стихотворения М. И. Карачёва близки к поэзии Ф. И. Тютчева, например к таким его строкам:

*И бездна нам обнажена
С своими страхами и мглами,
И нет преград меж ей и нами –
Вот отчего нам ночь страшна!*

Это же видение тёмной бездны забвения и хаоса, хождение по её краю в поэзии М. И. Карачёва. От падения в неё спасает только любовь, теплота которой согревает душу и рождает в ней искру радости и надежду на Жизнь Вечную [66]:

*Пусть во тьме осыплются маки,
Пусть утихли порханье и свет, –*

*Перестаньте тревожить и плакать!
Ничего здесь погибшего нет.*

*Всё, что умерло, – рядом таится.
Всё имеет и душу и свет,
И ночными глазами глядится,
Излучая незримый привет.*

Живое человеческое сердце, полное любви, светит во тьме и преодолевает смерть.

«...СЕМЬ НЕГАСИМЫХ ЛАМПАД...»

О жизни и поэзии Н. М. Ивановой-Романовой

*Там, читая стихи, погрустят
Семь простых, незнакомых людей –
Это семь негасимых лампад
Я зажгла у могилы твоей.*

Творчество Нины Михайловны Ивановой-Романовой (1909–1995 гг.), поэта и прозаика, – свидетельство о судьбах молодой русской интеллигенции 20–30-х годов двадцатого века. Юность её прошла в Череповце, где она жила с 1923 по 1929 год, а потом неоднократно туда приезжала из Ленинграда. Эти годы оставили неизгладимый след в её судьбе. Писатель В. Т. Шаламов, прочитав её «Книгу жизни» в 1973 году, в своём письме к И. П. Сиротинской дал подробный её анализ. В частности, он писал: ««Книга жизни» – полноценное литературное произведение. Жанр мемуаристики слишком близок художественному произведению, не из-за «Былого и дум» или «Жития Аввакума», а просто потому, что нет никаких мемуаров, в сущности есть мемуаристы – тот же самый крик души, который требуется и от всякой «Войны и мира» [197].

В первом выпуске альманаха «Череповец» была напечатана статья О. В. Шаляпиной «С низким поклоном милому городу», в которой

дан краткий очерк жизни и творчества Н. М. Ивановой-Романовой, а также опубликован последний цикл ее стихов «Полустолетие», написанный в 1979 году и посвященный родному городу [198: 349–373]. Новое поэтическое имя привлекло внимание многих читателей глубиной и искренностью стихотворений, трагической судьбой лирических героев, романтическим и одновременно мудрым восприятием мира.

Своеобразие творческого наследия Н. М. Ивановой-Романовой заключается в том, что все оно, несмотря на богатство тем, мыслей и чувств, посвящено одному лирическому герою, прототипом которого был Александр Николаевич Афанасьев (1908–1945?). Александр учился в Московском университете и был сослан в Череповец в 1929 году за участие в троцкистском оппозиционном движении. Он и его жена Сарра Менделевна Гезенцвей (1908–1937) были осуждены по одному и тому делу с писателем Варлаамом Тихоновичем Шаламовым. Как отмечает И. П. Сиротинская, с этими людьми Шаламов был хорошо знаком. Именно по поручению Сарры Гезенцвей он стал выполнять задания троцкистской организации, работал в подпольной типографии и был арестован в феврале 1929 года [155].

Александр Афанасьев в дальнейшем прошел крестный путь ссылки, тюрьмы и погиб в лагере в годы войны. Как и Шаламов, он был незаурядным человеком. Однако оба они по молодой неопытности оказались под влиянием идей Л. Троцкого, и поэтому попали в беспощадное колесо политического борьбы и репрессий, охвативших Россию в послереволюционные годы.

Встреча юной Нины Ивановой с Александром определила ее дальнейшую судьбу – и в личной жизни, и в поэзии. В конце своей жизни она пишет ⁵:

*Освещена
и скована обетом,
Вся жизнь моя –
в болезнях и борьбе –*

⁵ В этом разделе цитируются стихи Н. М. Ивановой-Романовой из личного архива Л. Г. Яцкевич.

*Горит свечой
перед Твоим портретом,
Перед воспоминаньем о Тебе.*

Как бы предвосхищая будущее, Нина Михайловна обращалась к своим неведомым читателям:

*Пройдут десятилетия,
и люди будут перерывать архивы,
чтобы узнать что-нибудь
о трагической тени Твоей.*

*Меня не будет уже в живых,
но я пойду навстречу
и протяну им тетрадку свою...*

...

*Вы нашли только скудные вехи
Его жизни,
а я знала, какого цвета были
горячие глаза Его.*

...

В трагической судьбе поэтессы и ее Героя отразились судьбы многих их современников, а ее стихи и роман «Книга жизни» донесли до нас живые чувства: их любовь, горе вечной разлуки и их мужественную победу над обстоятельствами. В стихотворении «Мысли без оглядки», посвященном Анне Ахматовой, с которой она встречалась в начале 60-х годов, Нина Михайловна писала:

*Чаруя прелестью творений.
Не угасая ни на миг,
Горел людской бессонный гений
И раскалял страницы книг.*

*Чтоб не ползти подобно слизню,
Непримиримый человек
Порой расплачивался жизнью
За свой немислимый разбег.*

*И не один смельчак такой
Зачах на каторжных работах.
Спекалась кровь на эшафотах.
Свыкались узники с тюрьмой.*

***Как ты ошибся, человек!
Ты торопил себя безмерно
Не в этот ли двадцатый век,
Кровавый, грубый, лицемерный?***

При жизни Н. М. Ивановой-Романовой был напечатан только роман «Книга жизни» в журнале «Нева» (1989, № 2–4), да и то с большими сокращениями [50], а также некоторые поэтические и прозаические произведения в газетах г. Череповца. Часть её стихотворений была опубликована уже после её смерти в первом и втором выпусках краеведческого альманаха «Череповец» [51–57]. При жизни стихи её почти не публиковались, хотя ею предпринимались немалые усилия дойти до читателя. В стихотворении «Неизвестный поэт» автор сетует:

*... Если некуда податься
Той, с кем сухи до предела
Дяди радиоредакций.
Тёти редиздатотделов...*
...
*Не справляйся и не рыскай,
Не ищи по белу свету:
Их не ставят – обелисков
«Неизвестному поэту»...*

Во многих стихотворениях Нины Михайловны раскрывается драма неизвестного поэта, которому есть что сказать миру. Да, нет пророков в своем отечестве. Вот одно из таких стихотворений, посвященных маленькому человеку с большим сердцем и умом:

*Век свой младшей средь малых живешь,
И свершения до боли безлики,*

*А дилемма твоя, словно нож,
Приставлялась и к горлу великих...*

*Рядом с ними ничтожно мала,
Так легко я их здесь догнала.*

*В одиночку, удач не узнав,
Натыкаться на те же торосы:
Без родства и наследственных прав
Получить их больные вопросы;
Те же бури встречать на пути;
Без поддержки, питаясь росой.
По камням обочин босою
Крестный путь их бесславно пройти...*

...

Тем не менее, Нина Михайловна вела в своих стихах искренний доверительный разговор со своим воображаемым читателем и неоднократно утверждала, что писать стихи – это ее долг, причем долг гражданский:

*Неведомый читатель мой,
Далекий, маловероятный!
Уже сегодня мне понятно:
Ты завтра будешь строг со мной.*

*Дыша свободно, споря бурно.
Ты упрекнешь мой бедный прах
В семи грехах литературных,
В ста политических грехах.*

...

*Лишь в горе будучи невеждой,
Когда тетрадь мою найдешь,
Любовь без пищи и надежды
Ты под сомнение возьмешь.*

*И, может, в каждом приговоре
Ты прав для века своего.
Я ни о чем с тобою спорить
Не буду.
Кроме одного.*

*Вот протопопу Ававакуму
Ты в мужестве не отказал?
В музее, погруженный в думу,
Перед Морозовой стоял?*

...

*Минуют дни. Остынут страсти.
История, идя вперед,
С ослабевающим пристрастьем
Ошибки наши разберет.*

*Суди меня с суровой силой,
Но не срывай, читатель мой,
С Его ненайденной могилы
Венка, положенного мной!*

*Меня ж ведет не «вдохновенье»,
Не жажда славы, не корысть. –
Нет! Только вырвать из забвенья
Одну загубленную жизнь...*

*Не дать судьбе бывшее скомкать,
В тугие списки нанизать –
Нет – современникам, потомкам
О незапятнанном,*

негромком,

Но честном имени – сказать!

Хотя произведения Н. М. Ивановой-Романовой не печатались, но у нее были свои многочисленные читатели и почитатели ее таланта – широкий круг друзей и знакомых. Она умела дружить, любить людей, была живым, интересным собеседником. Ее роман и толстая папка со стихами ходили по рукам в «самиздате» в Ленинграде, Москве, Череповце, Пензе, Гомеле и других городах. Об этом я пишу с полной уверенностью, поскольку была знакома с Ниной Михайловной с 1964 года. И мне хотелось бы, в меру своих сил, создать портрет Нины Михайловны – поделиться своими воспоминаниями о наших встречах.

Личному знакомству первоначально предшествовало заочное. Как-то зимним вечером 1964 года к нам (на Советский проспект, д. 78) пришла моя тетья – Кира Александровна Тихомирова, заслуженная учительница, человек редкой доброты. Она принесла толстую папку, в которой находились напечатанные на машинке стихи и роман ее подруги по педучилищу, тогда еще мне неизвестной Нины Ивановой. Кира Александровна пришла разделить с нами свое восхищение перед мужеством и талантом Нины, поскольку знала, что у нас в семье любят поэзию, а некоторые и сами пишут стихи. Мне тогда было двадцать лет, то есть столько же, сколько было Нине Михайловне в 1929 году – в том году, когда начался ее трагический путь женщины и поэта. Стихи и роман потрясли меня глубиной чувств, суровой судьбой героев, красотой романтического, необыденного восприятия жизни. После их чтения я повзрослела. На многое открылись глаза, и родной город Череповец предстал в ином измерении. Я стала задумываться над смыслом женской любви и поняла, что это подвиг особого рода – тот крест, который приносит через страдания светлую радость. У Нины Михайловны есть такие строки:

*Редко-редко, меж дождем и градом,
Спазмой горла, горьким жестом рук –
И ко мне заглядывает Радость,
Словно лето за полярный круг.*

*Но лицо Ее всегда такое,
Что глядишь в него и, как во сне.
До конца, страшась и беспокоясь.
Все не знаешь: Радость или нет?*

Эта светлая радость верной любви – та духовная сила, которая преодолевает и мировые катастрофы, и мелкие жестокие неурядицы повседневного быта:

*О, как хотела б верить я
В разумный мир за дверью гроба:
Какие светлые края
С Тобой мы выстрадали оба!*

Летом 1965 года Нина Михайловна приехала в гости к Кире Александровне, и мы познакомились. Я очень ждала этой встречи, но вначале была разочарована: романтический образ молодой влюбленной девушки и поэтессы и вид пожилой деловой женщины как-то не гармонировали друг с другом, не соединялись в одно целое. Но очень скоро это противоречие исчезло: Нина Михайловна была умным, просвещенным собеседником. И хотя она всегда говорила привычным для нее учительским тоном, но подкупала искренностью и доверием к собеседнику, даже молодому и не опытному. Она умела увлечь, заставить сопереживать. А главное я почувствовала так редко встречающееся в людях естественное слияние повседневной жизни и поэзии. Поэзия была ее жизнью. И хотя реальность была сурова, все окружающее ее в этом мире было одухотворено. Об этом она очень глубоко и просто написала в стихотворении «Сестры», в котором символически используется евангельский сюжет о Марфе и Марии (Лк 10: 38–42):

Сестры

*То потаенно,
Почти незримо,
то всем – как вызов,
заметно,*

*остро,
давно,
упорно,
непримиримо,
неутомимо
враждуют сестры.*

*Победа чаще за круглолицей:
гремит посудой, сестру ругая.
И в стены кухни
Плененной птицей
годами бьется, без слов –
другая.*

*И нет виновных,
и нет предательств,
свободны двери,
но как преграда –
неумолимый замок из «надо»,
решетки окон из «обстоятельств».*

*И – добровольнейшие вериги,
тугие тонны святого долга...*

*На схватку смотрят немые книги,
без дел стареющие на полках.*

*И ни насилья, ни криминала!
Кто здесь поможет? Какая сила?
Что им за дело,
большим и малым,
что спят и сохнут мои чернила?*

*Что на ржавеющую мою арфу
пеленки вешаются сырые...*

*Всю жизнь
держала крутая Марфа
меня за горло!
А я – Мария...*

Другие наши встречи относятся к 1966–1969 годам. В те годы я училась в аспирантуре в Ленинграде, а Нина Михайловна жила под Ленинградом – в Стрельне. Хотя она жила в маленькой комнате коммунальной квартиры, но для меня (я думаю, и для других ее посетителей) комната эта казалась необыкновенной, поскольку напоминала литературный музей: полки с интересными книгами, рукописи, большой старинный письменный стол, пианино, картины небольшого формата, написанные самой Ниной Михайловной или ее друзьями. Когда она начинала рассказывать о русских поэтах, читать свои и чужие стихи или играть на пианино и петь романсы, казалось, что границы этой маленькой комнаты расширяются и открываются необъятные просторы, где легко и радостно дышится.

Н. М. Иванова-Романова была мужественным хранителем русской поэзии: в 60–е годы она не боялась держать у себя и читать своим знакомым стихи Владимира Соловьева, Николая Гумилева, «Реквием» Анны Ахматовой и другие «запретные» стихи.

Нина Михайловна всегда была бодрa духом и телом. Она любила дальние прогулки и очень много для ее преклонного возраста ходила пешком в прекрасных пригородах Ленинграда. Мне особенно памятны две наши совместные прогулки. Однажды мы гуляли по осеннему парку в Стрельне, вечерело, с моря веяло прохладой, шуршали листья. Нина Михайловна рассказала о прошлом этого замечательного парка, о царской семье и читала наизусть стихи великого князя Константина Романова. Мои ровесники поймут, что для меня все это в далеком шестьдесят седьмом году было откровением...

Вспоминается и другая наша совместная прогулка. Теплым июньским днем путешествовали мы из Стрельны в Петергоф по тропинкам, пролегающим вдоль дороги и заросшим кустарником, особенно шиповником и акацией. Нина Михайловна обнаружила

прекрасное знание трав и цветов, каким-то образом соединенное с их поэтическим одухотворением. Такое восприятие природы как чего-то родного и в то же время романтически-прекрасного характерно и для ее поэзии, например в таких стихах:

*Добрый день, дорогой мой, здравствуй!
Ну, куда мы сейчас пойдём?
Благодатным зеленым царством
Окружен мой временный дом.*

*Неподвижно прозрачен воздух.
Тонок запах мха и смолы,
И ромашек белые звезды
Величавы и тяжелы.*

*Я тихонько ушла из дома,
Окуная ноги в росу,
И на вытянутых ладонях
Свою ношу опять несу.*

В 1970–80–е годы мы редко встречались с Ниной Михайловной, поскольку в то время я жила вдали от Ленинграда – в Белоруссии. Однако и эти редкие встречи были для меня памятны. Она всегда читала мне при встрече свои новые и старые стихи и даже была так щедрa, что подарила мне один из экземпляров машинописного текста своего романа «Книга жизни» и две книги стихотворений: «Женщина – имя тебе...» и «Баллада середины века», в которых содержится около 400 стихотворений.

В начале 80–х с Ниной Михайловной случилось несчастье: она получила тяжелую травму ноги и перенесла две сложные операции. В это время я приехала по делам в Ленинград и, узнав о случившемся, навестила ее в больнице. Обстоятельства в очередной раз не сломили ее. Она поразила меня своим неугасимым интересом к новинкам литературы, высказывала свои суждения, всегда незаурядные. Так,

зашел разговор о произведениях Валентина Распутина, которого она очень любила. Но и о любимом писателе она могла отозваться критически, если что-то в его творении нарушало ее представления об истине и красоте. Запомнились ее сетования на то, что в русском языке для пожилой женщины нет достойного названия. Слово «старуха», по ее мнению, оскорбительно по содержанию и употреблению, поэтому для нее казалось неприемлемым то, что в хорошей повести «Последний срок» Распутин этим словом называет свою героиню чуть ли не в каждом предложении, начиная с первого: «Старуха Анна лежала на узкой железной кровати возле русской печки и дожидалась смерти...». Нина Михайловна сообщила тогда мне, что написала о своих размышлениях на эту тему знаменитому писателю. Не знаю, получила ли она ответ, но вот ее стихотворение, написанное по этому поводу, на мой взгляд, интересно и заставляет нас задуматься о многом:

1

*Все заметнее жесткие клещи,
Все колючей и уже просвет...
Изменяют знакомые вещи,
И изменам удержу нет*

*То коварней уступы дороги,
То на гладком споткнешься слегка –
И твои безотказные ноги
Вдруг откажутся от прыжка.*

*Круче марши исхоженных лестниц.
Что ни день, что ни час – чудеса:
Не желают запомниться песни,
Забываются адреса...*

*Вот и зеркало дерзость бросает,
И прохожий глядит над тобой.
Вот и школьницы место в трамвае
Уступают наперебой.*

*То капризничает безбожно,
Затевая с лекарством спор,
Незаменный, привычно надежный,
Унаследованный мотор...*

*Ты не любишь тревожить кого-то
И скрываешь недуг от семьи.
Только щедры и просят работы
Руки преданные твои!*

2

*Незаметно ушла твоя сила
В поросль новую в общем саду.
Отшвырнув предрассудок «спасибо»,
По газонам твоим идут.*

*Поговорки, стихишки, прибаутки
Про старуху, тещу, свекровь
С беспощадным лукавством шутки
Попадают тебе не в бровь...*

*Вот и дом твой, так трудно взлелеян,
Стал на просьбы твои глуховат.
Пропускает твои юбилеи
И звонку твоему не рад.*

*Второпях даже «доброе утро»
Забывают тебе уронить.
Но прочна твоя горькая мудрость,
Только дрогнет стальная нить.*

*Никому невдомек, что ты –
В поединке последнем суровом
И что в нем тебе доброе слово
Драгоценней живой воды...*

Последняя наша встреча состоялась в июле 1987 года. Тогда Нина Михайловна жила в отдельном номере пансионата для деятелей науки и культуры в городе Пушкине. Ей было уже 78 лет, она еле передвигалась на костылях по комнате и полностью зависела от санитарок и медсестер, обслуживающих ее. Но, как и прежде, сила духа и чувство прекрасного были с ней. Ее по-прежнему вдохновляла красота мира, та красота, которую часто не замечают здоровые и благополучные люди. Удивительно – от этой последней встречи остались самые светлые воспоминания, а в них выделяются две темы – тема детства и тема музыки.

Я пришла к Нине Михайловне не одна, а с десятилетней дочерью Леной. У них сразу же завязался интересный разговор, а потом, достав рукопись, Нина Михайловна прочла фантастический рассказ, который очень понравился моей дочери.

На стене комнаты висела балалайка. При переезде в пансионат Нине Михайловне позволили взять с собой все вещи, кроме пианино. Пришлось купить балалайку, на которой она играла в самодеятельном оркестре пансионата. С детства и до старости сохранила она любовь к музыке, еще со времен учебы в череповецком педучилище умела играть на различных музыкальных инструментах. Неудивительно, что ее стихи так музыкальны, а многие и по своему лирическому сюжету связаны с темой музыки. Ниже приводится несколько таких стихотворений.

Музыкальное мгновение

*Не встреченная на вокзале,
Я вечером, устав от шума.
Разгадывала у рояля
Причудливую чью-то думу.*

*И вот звонок! Еще не веря,
Тетрадь отбросила волнуясь,
И – хлынувшая из-за двери
Над нами музыка сомкнулась...*

*Качая веер нот помятых,
Рояль дрожал еще от скерцо,
И било солнечной сонатой
Из переполненного сердца.*

*Был вечер тих, залив – без ряби,
Желтела блеклая трава.
Ни слов, ни жеста. Только Скрябин
Обоим сердце надрывал.*

*Как звук – стремительные пальцы.
Как зов – знакомое туше...
И лишний, вымученный панцирь.
Лежащий камнем на душе.*

*Спасибо вам за светлую улыбку –
Мой вынужденный труден мне приход
Таинственная, вкрадчивая скрипка
С недавних пор весь день во мне поет.*

*Весь день я слышу мягкое адажьо,
Как в роще родниковую струю.
И если Вас я выдумала даже –
Спасибо Вам за выдумку мою!*

Н. М. Иванова-Романова не знала, кто же будет ее издателем в будущем. Я думаю, что часть произведений поэтессы бережно хранится у ее друзей и ждет своего времени. В моем архиве сохранились две папки стихотворений Н. М. Ивановой-Романовой (около 400) и «Несколько слов от автора». Это предисловие к роману в стихах «Баллада середины века», которое заканчивается следующими поэже-

ланиями автора: *«Настоящий, последний «юбилейный» вариант рукописи – самый полный и представляет собой сегодня, может быть, и не книгу, а лишь – материал к книге, так как вкусы, запросы, издательские возможности и общественную погоду того легендарного будущего, когда книга, может быть, выйдет, – и предусмотреть сегодня невозможно и предусматривать бесполезно.*

Поэтому от редактора-составителя – он, возможно, еще не родился – жду в приближающемся новом веке вкуса и проникновенности и за эти качества предоставляю ему свободу – делать купюры, перестановки, изъятия, перекомпоновку текста, если это будет служить его лучшему звучанию и пониманию».

Я благодарю автора за доверие, но оправдала ли я его...

ТЄРПЄНІЄ

*Мой дух! Доверенность к Творцу!
Мужайся; будь в терпении камень.*

Константин Батюшков

«МУЖАЙСЯ, БУДЬ В ТЕРПЕНЬИ КАМЕНЬ...»

О духовных истоках трагических противоречий
в жизни и творчестве К. Н. Батюшкова (1787–1855)

«Дай рабам Твоим терпение, да не покроет их скорбь». Так молился преподобный Симеон Новый Богослов, который твёрдо знал, что *«Бог есть радость и Он не согласен входить в дом, где печалются и скорбят, как и люботрудная пчела не терпит места, наполненного дымом»* (Слово 82–е) [171: 17]. Терпение в преодолении уныния и невзгод, твёрдое упование на Бога очищает душу и приводит к встрече с Божественной благодатью, которая и есть радость духовная. В состоянии поэтического вдохновения к её созерцанию приближаются и поэты. Обратимся к стихотворению «Надежда», написанному молодым К. Н. Батюшковым в 1815 году после Отечественной войны 1812 года, в которой поэт принимал непосредственное участие [16]:

*Мой дух! Доверенность к Творцу!
Мужайся; будь в терпеньи камень.
Не Он ли к лучшему концу
Меня провел сквозь бранный пламень?
На поле смерти Чья рука
Меня таинственно спасала,
И жадный крови меч врага,
И град свинцовый отражала?
Кто, кто мне силу дал сносить
Труды, и глад, и непогоду,*

*И силу в бедстве сохранить
Души возвышенной свободу?
Кто вел меня от юных дней
К добру стезею потаенной
И в буре пламенных страстей
Мой был вожатай неизменной?*

*Он! Он! Его все дар благой!
Он нам источник чувств высоких,
Любви к изящному прямой
И мыслей чистых и глубоких!
Все дар Его, и краше всех
Даров – надежда лучшей жизни!
Когда ж узрю спокойный берег,
Страну желанную отчизны?
Когда струей небесных благ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу в прах
И обновлю существованье?*

Действительно, храбрость – это терпение в опасной ситуации. Но без мужества, надежды и упования на Бога, оно невозможно. Это стихотворение К. Н. Батюшкова напоминает гимн преподобного Симеона Нового Богослова, в котором тоже звучит твердая надежда на Бога:

*Я объят тенью, но истину вижу.
Это – не что и иное, как твёрдая надежда.
Какая же это надежда? – та, которую не видели очи.
А она что такое? – та жизнь, которую все любят.
Но что такое эта жизнь, как не Бог – Творец, всего? ...*

[171: 454]

Несмотря на то, что жизнь и поэтическое творчество К. Н. Батюшкова хорошо исследованы, до сих пор остались не раскрыты некоторые очень важные стороны, без освещения которых мы не до конца поймем трагическую судьбу этого выдающегося поэта.

К сожалению, когда говорят о Батюшкове, стараются обойти некоторые факты его биографии или истолковывают их с позиций господствующей в XX веке в России идеологии. Причина этого заключается в том, что в советское время существовали «запретные» темы.

Первый вопрос. Например, под запретом была критика декабризма, поэтому и отношения Батюшкова с декабристами, его родственниками и друзьями, не получили должного разъяснения. Надо бы задуматься: почему поэт, так любивший семью Муравьевых, с которыми была связана вся его юность, вдруг стал уединяться от общения с ними? Только ли дело в том, что у него началось психическое заболевание?

Второй вопрос. Кто такие Нессельроде, Штакельберг, Катенин, Перовский? Что между ними общего? Все они были членами тайных обществ, враждебных России, что теперь подтверждается документально. Это люди, с которыми у Батюшкова сложились очень тяжелые отношения. Они появлялись в жизни поэта – и начинались неприятности, скандалы, а затем приступы болезни. Случайно ли это? В наше время появилось большое количество исследований, посвященных тайным обществам, идеологией которых питался декабризм. Мы многое узнали о тех деятелях, которые долгое время оставались в тени и не получили никакого наказания от царя Николая Первого. А ведь именно они толкнули русских мальчиков к декабрьскому восстанию. Одни из них скрылись за границей. Так, Николая Тургенева, главного идеолога – воспитателя декабристов, не выдала на царский суд Англия. Другие члены тайных обществ оставались в России и продолжали вести свою деятельность, даже оставаясь на государственной службе и имея высокие чины. Именно такими были упомянутые враги Батюшкова. Так, например, симферопольский губернатор Перовский, который был свидетелем и, вероятно, причиной психического срыва Батюшкова, оказывается, был дедушкой цареубийцы Софьи Перовской. Такие традиции формировались в этой семье.

Третий вопрос. Что мы знаем о духовной жизни Батюшкова? Ведь именно дух питает истинную поэзию. Оказывается, очень мало. Факты его духовной биографии требуют тщательного изучения.

Иначе наше понимание его поэзии будет поверхностным. В чем духовная трагедия Батюшкова? Почему его последние стихотворения пронизаны трагизмом и безысходностью? Только ли дело в доставшейся ему в наследство от матери «черной меланхолии»? В разное время находились люди, которые сомневались в этой версии. Современник Батюшкова художник Н. В. Берг, в 1947 году вместе с литературным критиком и журналистом С. П. Шевырёвым посетивший поэта в Вологде, писал: «Темно-серые глаза его, быстрые и выразительные, смотрели тихо и кротко. Густые, черные с проседью брови не опускались и не сдвигались... Как ни вглядывался я, никакого следа безумия не находил на его смиренном, благородном лице. Напротив, оно было в ту минуту очень умно» [Цит. по: 85: 340].

Духовная трагедия поэта происходит из глубоких противоречий в его жизни: в его родственных и дружеских связях, в его любви, в его военной судьбе, в его творчестве [85; 212].

В юности К. Н. Батюшков, как православный человек, верил в торжество истины, как и его старший друг Н. М. Карамзин, который в 1795 году писал: *«Мы должны смотреть на мир как на великое позорище, где добро со злом, где истина с заблуждением ведёт кровавую брань. Терпение и надежды! Всё несправедное, всё ложное рано или поздно гибнет; одна истина не страшится времени; одна истина пребывает вовеки!»* («Филалет к Мелодору») [223].

В 1815 году в письме к П. А. Вяземскому К. Н. Батюшков раскрывает перед другом свою духовную жизнь:

«Если бы мне предложил какой-нибудь Гений все остроумие и всю славу Вольтера – отказ. Выслушай свое сердце в молчании страстей, и ты со мною согласишься, в противном случае я тебя не уважаю. Так, надобно переменить род жизни. Благодаря Богу я уже во многом успел: стараться укротить маленькие страсти, успокоить ум и устремить его на предметы, достойные человека. <...>

Я с страхом спросил глас совести моей...

И мрак исчез, прозрели вежды:

И вера пролила спасительный елей

В лампаду чистую надежды.

*Ко гробу путь мой весь как солнцем озарен:
Ногой надёжною ступаю
И, с ризы странника свергая прах и тлен,
В мир лучший духом возлетаю.*

[222]

Это высокое понимание смысла жизни было оскорблено, когда поэт увидел, как его молодые родственники и боевые товарищи плетут сети тайного заговора против Александра Первого (Оно потом привело к восстанию декабристов). Батюшков не смог на них повлиять, но и доносить на них – для него было бы бесчестьем. Вот эти страшные противоречия его жизни, духовное одиночество и не смог вытерпеть поэт. Чёрная меланхолия лишила его поэтического дара и временами затемняла рассудок. Битва духовная оказалась страшнее тяжёлой войны с Наполеоном, в которой он участвовал и был среди победителей.

Многое пришлось вытерпеть поэту: три войны, отчуждение друзей, невыносимая для поэтической души служба под неусыпным надзором Штакельберга и Нессельроде, болезни и лечение у невежественных врачей. Поэт решил просить царя об отставке с дипломатической службы, чтобы уйти в монастырь. Ниже приводится его письмо царю:

«Ваше Императорское Величество, Всемилостивейший Государь!

Поставляю долгом прибегнуть в Вашему Императорскому Величеству с верноподданнейшей просьбою, которая заключается в том, чтобы Вы, Государь Император, позволили мне непременно удалиться в монастырь на Белоозеро или в Соловецкий. В день моего вступления за пределы мира я желаю быть посвящен в сан монашеский, и на то прошу верноподданнейше Ваше Императорское Величество дать благоизволение Ваше. У православного алтаря Христа, Бога нашего, я надеюсь забыть и забуду два года страданий: там стану памятовать только монаршую милость, о которой Вас умоляю, Государь Всемилостивейший.

Вашего Императорского Величества верноподданный

Константин Батюшков

Санкт Петербург, 11 апреля 1824 г.»

Друзья Батюшкова объяснили царю причину такого странно-го, по их мнению, письма: поэт болен и нуждается в серьёзном лечении. Александр Первый, сочувствуя Батюшкову, дал поручение Нессельроде обеспечить поэта хорошим лечением. В результате он оказался в немецком курортном городке Зонненштейн и провёл там четыре года в заточении под видом лечения. И опять поэту пришлось терпеть непонимание, унижения и одиночество. Даже с родной сестрой Александрой, верным другом, врачи этой психиатрической лечебницы не разрешали встречаться.

Он был окружён протестантами и атеистами и не имел возможности бывать в православной церкви, но все-таки молился, и молитва его поддерживала все эти годы. Поэт углём начертал на стене образ Спасителя, просил у него прощения и милости, просил о желанной свободе на родине. Все окружающие относились к нему как к неполноценному безумному человеку.

Наконец, в 1828 году Батюшкова отправили в Россию. Поэт впоследствии вспоминал, как он обрадовался, когда на русской границе услышал родную речь и увидел русских, таких родных ему солдат. Он подошёл к одному из них и попросил кусок чёрного хлеба. Поэт, бывший воин, знал, что у русского солдата всегда есть в запасе чёрный хлеб. Поэту дали ломоть, он перекрестил его и тут же съел, словно причастился.

Были ещё четыре года томительной, несвободной жизни в Москве под присмотром немецкого врача Дитриха. Только оказавшись в Вологде, на родине, Батюшков стал постепенно выздоравливать и возвращаться к духовному успокоению.

Поэт завещал похоронить его в Спасо-Прилуцком Димитриевом монастыре вблизи Вологды.

В заключение обратимся к духовному завещанию К. Н. Батюшкова, воина, поэта и мужественного человека, чьим большим достоинством было терпение: *«Повинуемся судьбе не слепой, а зрячей, ибо она есть не что иное, как воля Творца нашего. Он простит слабость нашу: в Нём сила наша, а не в самом человеке...»* [16: 354].

«ТЕРПЕНИЕ – ДОМ ДУШИ»

О трех рассказах А. А. Цыганова

*Мы учились не этому зрению,
А достоинству, воле, борьбе,
И совсем не учились терпению –
Слишком сложно – и мне, и тебе.*

Николай Дегтерёв

Прав вологодский поэт Николай Дегтерёв: многие из нас, современных людей, мало учились терпению.

Терпению ведь учит глубокая вера в Бога, в Его Благой Промысл, поэтому святые люди – самые терпеливые. Терпению учит тяжелый труд, поэтому русские крестьяне были самыми терпеливыми. Терпению учит материнство – поэтому настоящие матери самые терпеливые женщины. Терпению учит воинский долг, поэтому верные присяге солдаты должны быть самыми терпеливыми воинами. Терпению учит любовь. Как сказал апостол Павел, *«любовь долготерпит, ... все переносит»*. Кто прошел одно из таких испытаний, тот претерпел до конца. А, по Евангелию, *«претерпевший до конца – спасется»*.

Что же такое терпение? Святитель Игнатий Брянчанинов так кратко определил его: *«Терпение – дом души, смирение – её пища»* [144: 400]. Значит, нетерпеливая душа – бездомна, а лишенная смирения – всегда голодна. И одно с другим прочно связано. При этом можно иметь деревянный или кирпичный дом, или даже хоромы, а душа при этом все равно будет бездомна. Можно и есть сытно, и гордо повелевать другими людьми, а душа все равно будет голодна!

Размышления святителя Игнатия, изложенные в его богословских сочинениях, проистекают из его духовного опыта и христианской традиции. Писатели также приобретают духовную опытность, если их творческий дар обращен к правде жизни, к ее высшему смыслу.

Характеры и судьбы героев трех рассказов А.А. Цыганова, опубликованных в альманахе «Литературная Вологда – 2015» [193],

с художественной очевидностью показывают нам, как человек благодаря терпению достигает духовной силы. И с другой стороны, писатель раскрывает гибельность нетерпения. Героиня рассказа «Ночью месяц пёк» – бесстрашная терпеливая хранительница родного дома, которая *«с ангельской жертвенностью была готова беззаветно стеречь свой кров от каких бы то ни было несчастий столько дней и ночей, насколько жизненных сил ей было отмерено свыше»*.

Образ старой русской крестьянки предельно конкретен, хорошо узнаваем, то есть типичен для вологодской деревни. Не случайно в рассказе постоянно употребляются местные вологодские слова (*месяц пёк, кирилловская трехрядка, отводок, дювья, баской*) и топонимы родного для А. А. Цыганова Кирилловского района (*Славянка, Иткольское*). Вместе с тем, это символический образ, ведь автор даже не дал своей героине имени, называя ее или *она*, или *одинокая женищина в белом одеянии*. Как это и характерно для символа, образ этой героини построен многопланово. Пространственный крупный план – это описанная в мелких бытовых подробностях обветшавшая изба старой женщины, заросшая усадьба. В дальнем плане просматривается северная деревня с заброшенными домами, из которой ушли все люди кроме этой одинокой хранительницы родного крова. А дальше воображение рисует всю деревенскую Россию...

Временной крупный план изображает подробно все события тревожной ночи, которая могла быть последней для героини, а значит, и для ее дома, и для всей этой деревни ... А потом, может, и для всей крестьянской Руси! Такая мысль формирует дальний временной план изображаемых событий.

Однако, кроме тревожного настоящего и предполагаемого гибельного будущего, в сюжете этого рассказа есть прошлое, картины и события которого проливают свет на происходящее и помогают его осмыслить в духовно-нравственном ключе. Автор не ищет виновных, не берется решать социально-политические вопросы, хотя они невольно всплывают в сознании читателя и вызывают горечь. Автор просто изображает, как шла жизнь в северной русской деревне

последние послевоенные полвека, и беспощадно правдиво показывает тьму и свет крестьянского мира.

Как-то в молодости, в самом начале 80-х, мне пришлось вступить в спор с преподавателем научного коммунизма, который, в подтверждение своей беспощадной критики общинного духа русской деревни, привел авторитетные для него слова Максима Горького о «свинцовых мерзостях деревенской жизни». Мне стало обидно за моих близких, деревенских жителей, которые меня многому научили и, главное, в детстве согрели мое сердце теплом родной земли. Но разумных доводов в этом диспуте я тогда так и не смогла привести.

Да и вряд ли можно рассказать о сокровенном русской деревни чужому человеку!... А вот писатель А. А. Цыганов сумел рассказать об этом, доверчиво надеясь, что его читатель – свой родной человек, который поймет его. Только все ли его услышат? Ведь чтобы понять крестьянскую жизнь, нужно терпеливо прожить ее или с любовью прикоснуться к ней. Для этого нужно быть христианином (напомним: имя «крестьянин» произошло от слова «христианин»). Именно такой христианкой была главная героиня рассказа «Ночью месяц пёк». Ее терпение и молитва победило послевоенное ожесточение и дикость мужа, и он стал *хозяином* – так его постоянно называет автор в рассказе. Она победила своим мужеством и духовной силой ночных поджигателей, посланных чужими людьми уничтожить ее дом. Она твердо верит, что Господь ей поможет, и поэтому неустанно молится.

Жизнь русской деревни в XX веке была и страшной, и светлой, потому что она стояла на самой передовой линии духовной смуты. Крестьяне дольше городских жителей хранили в душах веру православную, трудолюбие и терпение, но когда начали их терять, тогда-то и наступили темные времена разорения северной деревни под натиском чужой беспощадной воли. Героиня рассказа – *последняя* хранительница этого истока Руси. Вот это самое страшное. Но не хочется верить, что это последний рубеж. Если народ сохранит дом своей души – терпение, то тем самым сохранит и Россию – наш общий дом. А пока с каждым днем деревня сиротеет все более и более.

Второй рассказ посвящен этой теме – трагическому сиротству и бездомности современной северной деревни. Называется он очень странно – «*Ерпыль*». Это местное деревенское слово с очень древним корнем вряд ли известно городским читателям. В самом конце повествования о горькой судьбе нетерпеливого блудного сына автор дает ему народную оценку: *«ерпыль – так здесь издавна прозывали любую непоседливую натуру»*. Русский народ всегда ценил терпение и порицал нетерпеливых, что нашло свое выражение в его языке. В «Словаре русских народных говоров» отмечено, что у слов «*терпение*» и «*терпеть*», кроме основных значений, есть и другие положительные оценочные значения: «*терпеливый*» – значит «пригодный, подходящий к чему-либо, для чего-либо», «*терпеть*» – значит «сохраняться, не портиться». Но «*терпеть*» еще значит и «страдать, мучиться», поэтому от этого слова образовались слова «*терпеливец*» и «*терпеливица*» – это «об очень терпеливом человеке». Для обозначения нетерпеливого человека в русских народных говорах есть много слов (*зуда, сулема* и др.), вот и «*ерпыль*» имеет однокоренные с ним слова «*ерпеза*», «*ерпеса*», «*ерпесило*». Все они имеют пренебрежительную окраску. Трагизм бездомности героя, которого автор назвал «*ерпыль*», потрясает. Если библейский блудный сын все-таки нашел силы вовремя вернуться в родной дом отца, то вологодский блудный сын спохватился слишком поздно. После многолетних скитаний по чужой стороне он возвращается в родную деревню, но она встречает его не теплом родного очага, а космическим холодом, стылой пустыней и снежной бурей. Героя охватывает тоска, ему страшно внимать вою ветра в этой пустыне: *«перекрывая это вселенское неистовство, и совсем уже неведомо из какой и где уживаемой бездны нет-нет, да и пронзало оловянное пространство надмирным и сиротским плачем незримого малютки, вековечно и одиноко страдаемого по обычному, никогда неизбежному участию, нашему теплу»*.

Терпение во имя высокого предназначения сопряжено всегда с выдержкой и мужеством. В славянском языке «*терпеливый*» значит и «сильный, могучий», и «мученический». Именно в таких значениях употребляется это слово в славянском переводе Библии. Именно

об этих смыслах терпения повествует третий рассказ А. А. Цыганова «Под сосною, под зеленою». Его герой, бывший разведчик, ныне одинокий, старый и, на первый взгляд, слабый человек, который *«готов сидеть день-деньской»* в кафе в окружении мужского общества, так как ему после смерти жены отчаянно одиноко *«в своей пустой однокомнатной панельке»*. Он не пьет вина, обычно молчит, так как к нему здесь относятся насмешливо и называют «Слава-разведка». Вот и в этот день шумная компания ему кричит: *«Слышь, разведка? Еще не всех врагов повязал? Колись, боец!»* Однако именно этот человек в этот же день вечером мужественно защищает свое человеческое достоинство от приезжих жестоких бандитов, напавших на него недалеко от его дома на безлюдной окраине Вологды. Только терпение и выдержка помогли ему справиться с леденящим душу страхом. И в этот момент духовного возвышения на помощь ему приходит сам Господь: *«Тогда-то, не покидая его, словно кто-то неведомый и оказался рядом, чтоб до последнего вместе держаться. И, как будто вживую, заодно добавил спокойствия и сил, чтоб в коленках не дрогнуло»*. Обстоятельства неравной схватки складываются так, что два бандита погибают: один, поскользнувшись, напоролся на собственный нож, а второй, в темноте и в состоянии бешенства, – на толстый сук сосны, под которой происходило нападение на старого разведчика. Третий бандит бросается на ослабевшего старика и пытается задушить его *«славинской родительской тесемкой от нательного креста»*. *«И тут все, что осталось в Славе, ходуном заходило: как-то это было совсем уж не по-русски – последний бой проигрывать»*... И он побеждает, хотя и умирает в этом последнем бою: *«И Слава-разведка, недвижимый, продолжал глядеть высоко вверх, словно отыскавший там, наконец, кого-то самого родного, безотрывно и манившего его отсюда, от этой одинокой сосны на голой зыбкой земле, – к себе, в долгожданный покой и отдых»*.

Скажу честно: если первые два рассказа А. А. Цыганова мне сразу запали в душу, то этот рассказ я не сразу смогла понять и принять. Первое впечатление было таким: все это невероятно, а картины жестокой схватки ужасны до тошноты. Мой знакомый филолог

поделился своим мнением, дескать, все это смахивает на боевик с героем-суперменом. Но с такой оценкой я категорически не могла согласиться: что-то мешало, в душе появились какие-то сомнения. Я снова внимательно перечитала этот рассказ и вдруг обнаружила, что за его сюжетом стоит очень многое, что связывает главного героя с русской православной традицией. Главное – это его способность к терпеливому мужеству. В доказательство привожу мысли жившего в XVIII веке святителя Тихона Задонского о терпении, которое проявляет человек в тяжелых и опасных обстоятельствах: *«Терпение мужественным и непобедимым делает человека. Может терпеливый лишен быть всего, ... может убиен быть, но победим быть не может. Ибо крепость его не телесная, но духовная есть: телом побеждается, но духом непобедим бывает, ... и тако над всеми своими врагами духом торжествует»* [170: 137].

В заключение пропою вместе со святителем Тихоном Задонским гимн терпению: *«О! блажени те дома, грады, веси, села и общества, в которых терпение обитает: оно бо более сохраняет общество, нежели оружие, более защищает град, нежели стены»* [170: 1039].

В рассказах А. А. Цыганов тоже звучит этот древний русский гимн.

РАДОСТЬ

*В чем тайна русской радости?
Нательный крест носить,
И честно, без предвзятости
Не сытости, но святости
У Господа просить.*

Николай Зиновьев

«РАДОСТЬ – СЛИШКОМ ЦАРСТВЕННОЕ ЧУВСТВО»

Поэтические прозрения вологодских поэтов

Бесценным даром Православия русской культуре являются слова и речения, которые в своих особых значениях передают духовный опыт подвижников благочестия, истинных вождей народа. Писатели этим щедрым даром пользуются. *Радость* – одно из таких духоносных слов. В. В. Розанов своим страдающим сердцем особенно часто прозревал высокий смысл подобных слов, поэтому именно ему принадлежит афоризм: *«Радость – слишком царственное чувство»*. Действительно, это слово пропитано вдохновением молитв, акафистов, многих христианских песнопений, славящих Бога, Богородицу, святых. Так, в одной из утренних молитв Василия Великого содержится прошение о даровании *«нам бодренным сердцем и трезвеною мыслию всю настоящего жития ночь прейти»*, и тогда мы *«в радость и Божественный чертог славы Его совнидем, идеже празднующих глас непрестанный, и неизреченная сладость зрящих Твоего лица доброту неизреченную»*. В покаянном каноне, обращённом к Богородице, мы просим: *«Исцели, Чистая, души моей немощные. ... Исполни, Чистая, веселия сердце мое, Твою нетленную дающую радость»*.

Радость духовная – нетленна. Именно так её понимали святители: радость – это духовное состояние освобожденного от греховности любящего сердца, прикоснувшегося к вечному миру Божьей Благодати. *«Блаженства ли хочешь? Всякое блаженство у Меня»* – говорит нам Иисус Христос [147: 344].

Поэтические прозрения вологодских поэтов – подобны эху духовных прозрений наших христианских святителей. Вот, например, короткое, но глубокое по поэтическому чувству стихотворение Геннадия Сазонова:

*На рассвете
Чуть слышно доносит
Холодный рассвет:
«Уныния в свете
Божественном нет...»
Какой же в нас смысл?
«Бесконечно любить!
Для этого вы
Ещё можете быть...»*

[141: 46]

Видение Божьего мира, полного света, радости и любви, того мира, где встречаются после разлуки близкие и родные люди, запечатлел в своих поэтических этюдах А. А. Цыганов: *«А теперь, в этом чудодейственном мире, мне даже было дано с невыразимой радостью услышать его, моего прекрасного сына: лицо ангела с подвижным, молодым выражением, мягкий голос, ясная речь, лишь мною ощущаемая, и хрупкое, грациозное тело; должному в свой срок явиться, ему, моему сыну, были уготованы страдания за прошлое и настоящее, а еще за то, что предназначено и в будущем, потому как всё, творимое на свете, ведается не нашим умом, а Божьим судом... »* [194: 229].

Холод – символ безрадостности, поэтому и в стихотворении Г. Сазонова упоминается *холодный рассвет* на земле, и у А. Цыганова звучат слова: *«Холодно нынче на земле», – молвило – отразилось гласом вселенским от неземной высоты Храма»* [194: 228].

Чудом, Божьим даром представляется то, что на этой холодно-сиротеющей земле появился такой поэт, как Николай Рубцов. Сколько в его творчестве стихотворений, проникнутых духовной радостью! Мы все их знаем на память, стоит только произнести первую строку:

«Светлый покой опустился с небес и посетил мою душу!..» (Стихотворение «На озере»), или: «Слава тебе, поднебесный радостный краткий покой!..» («Сентябрь»). О высокой, царственной радости и его стихотворение «В глуши» [139]:

*Когда душе моей
Сойдет успокоенье
С высоких, после гроз,
Немеркнувших небес,
Когда, душе моей
Внушая поклоненье,
Идут стада дремать
Под ивовый навес,
Когда душе моей
Земная веет святость,
И полная река
Несет небесный свет, –
Мне грустно оттого,
Что знаю эту радость
Лишь только я один:
Друзей со мною нет ...*

Поэтические образы духовной радости в творчестве Н. М. Рубцова составляют стержневую линию его поэтической картины мира. Показательны в этом отношении материалы «Словаря языка и рифм поэзии Н. Рубцова», составленного череповецким профессором М. И. Сидоренко. По подсчетам составителя, слово «*радость*» и родственные по корню с ним слова употребляются в произведениях поэта 43 раза. Слова, близкие по значению к словам «*радость*», «*рад*», «*радостный*», также очень часто используются Рубцовым. Например, «*веселый*» и родственные с ним слова – 44 раза, «*сладкий*», «*сладко*» (о радостных чувствах, состояниях, мыслях) – 6 раз [ССР].

Со словами «*радость*», «*радостный*» по духовному смыслу сближаются в поэзии Н. Рубцова слова «*свет*» (46 употреблений),

«**светлый**» (28 употреблений) [ССР]. В упомянутых выше стихотворениях как синонимичные употребляются выражения «**светлый покой**» («Светлый покой опустился с небес и посетил мою душу!») и «**радостный покой**» («Слава тебе, поднебесный радостный краткий покой!...»). Поэт душой чутко воспринимает благодать, разлитую в русской природе, и называет её то «**радостной вестью**» («Снег летит на храм Софии, / На детей, а их не счесть. / Снег летит по всей России, / Слово радостная весть»), то **светлой вестью** («Как это странно / И всё-таки мудро: / Гром роковой перенести, / Чтоб удивительно / Светлое утро / Встретить, / как светлую весть! ...»).

Что же было источником этой радости у поэта с трудной судьбой и жизнью, полной утрат и печали? На этот вопрос можно ответить, если вникнуть в те обстоятельства, которые сопутствуют радости духовной, и без которых ее не может быть. Святитель Тихон Задонский эти обстоятельства определил в следующих суждениях:

*«Радость есть действие Благодати.
Кто радуется в благополучии, а в неблагополучии скорбит,
то эта радость не о Боге, но о благополучии.
Радость совершенная – в жизни будущей.
Радость и любовь неотделимы.
К чему сердце прилепилось, тот о том и радуется.
Радость истинная от боголюбия, ложная от самолюбия.
Где чистая совесть, там радость и вера [170: 783–788]».*

Таким образом, радоваться может только человек с чистой душой, обретшей покой и способность к любви. Радость неразрывна с любовью, и, если душа человека способна к любви, то он будет радоваться в любых обстоятельствах, даже в бедственных. Именно такие особенности своей души проявил в своих поэтических произведениях Николай Рубцов.

«Дай рабам Твоим терпение, да не покроет их скорбь». Так молился преподобный Симеон Новый Богослов, который твёрдо знал, что «Бог есть радость и Он не согласен входить в дом, где печалятся

и скорбят, как и люботрудная пчела не терпит места, наполненного дымом» (Слово 82–е) [171: 17].

Терпение в преодолении уныния и невзгод, твёрдое упование на Бога очищает душу и приводит к встрече с Божественной благодатью, которая и есть радость духовная. В состоянии поэтического вдохновения к её созерцанию приближаются и поэты.

* * *

«Для веселия планета наша мало оборудована» – грубо, прямолинейно, но верно заявлял в своё время В. Маяковский. Но вместо его бодрых, но утопических последующих строк (причём обращённых к уже погибшему поэту) *«Надо вырвать радость у грядущих дней»*, С. Есенин проникновенно и духовно верно раскрывал в своей поэзии тему земной печали о духовной радости на небесах:

*Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилища.
Люблю. Когда на деревьях
Огонь зелёный шевелится.*

*То сучья золотых стволов,
Как свечи, теплятся пред тайной,
И расцветают звёзды слов
На их листве первоначальной.*

...

О юношеском стремлении к чистой небесной радости и о трагической утрате ее в годы бедствий писал и вологодский поэт Алексей Ганин, друг С. Есенина [38]:

*Первый цвет – это юности цвет.
Он грустит о небесном полёте,
Где беда не оставила след...
Этот цвет в заревой позолоте,
С лепестками, как утренний свет.
<...>*

*Да, одна только в мире Беда
В глухоте про любовь не слыхала,
В слепоте забрела не туда
И к счастливым в жильё постучала:
Встаньте, близится вражья орда ...*

Действительно, в детстве и молодости человек ближе к Небесам, поэтому он чаще и сильнее радуется, более способен к этому чувству. Но в нашей земной жизни мы не можем испытать совершенной радости, к которой устремлена душа. В дневнике иеромонаха Василия Рослякова, убиенного сатанистом в пасхальную ночь 1993 года, 27 февраля 1989 г. записано такое стихотворение:

*Какая житейская сладость
Печали не прячет в себе?
Какая безмерная радость*

*Как сон не проходит в душе?
И нет ничего без ущерба,
Все тень от небесных красот.
Все ждет воскресенья из мертвых,
Христа-утешения ждет.*

Не имея совершенной радости на земле, мы выбираем один из трёх возможных путей. Первый путь – это путь подмены (развлечения, праздники, а в худшем случае – пьянство и даже наркотики, убивающие душу и тело), после которых возникает сердечная пустота, иногда смертельная... Второй путь – унылая дорога разочарований и глубокой печали без всякой надежды, также губительная смертельно. И наконец, третий, царский, путь, идя по которому человек, хотя и видит всё несовершенство мира, хотя и печалится всеми его печальями, но мужественно и терпеливо ищет дорогу к Богу и Его благодатной радости. Представляется, что именно этот путь выбрал отец Василий Росляков. Этим путём шёл одиноко наш белозерский поэт Алексей Шадринов, убиенный в 1991 году [196]:

*Я даже очень весело живу,
Со мной всегда безмолвный собеседник,
Копчу ли небо, мну ль в лесу траву,
Иль слушаю церковную обедню.*

*Ну что с того, что так я одиноко,
Зато никто устоев не нарушит.
Уже в июне скошен мой цветок,
И шмель напрасно над поляной кружит.*

*Взойдет ли стон, и вырвется ли крик –
Не будет внят никем из шумной стаи.
О плоть моя, сгори и растворишься –
Я не виновен в том, что неприкаян!*

*Я не обижусь в тишине своей
И, отупев от взглядов равнодушных,
Я с каждым днём грустней и тяжелей
От празднои силы, больно рвущей душу ...*

Радость духовная, к которой так стремятся чистые юные души поэтов, но которую так трудно понять в холоде равнодушия в земной жизни, и есть та «праздная сила, больно рвущая душу». Удивительно, как близко по сердечному чувству это стихотворение юного А. Шадринова к знаменитому стихотворению «Ангел» семнадцатилетнего М. Лермонтова. Кажется, что это стихотворение о нашем поэте и о таких, как он:

*По небу полуночи ангел летел
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.*

*Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;*

*О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.*

*Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз;
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой.*

*И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.*

Поэтика стихотворений Лермонтова и Шадринова, безусловно, очень различна, но мысль у них одна: радость – слишком царственное чувство, она даётся поэтам как благодатное воспоминание среди земной печали за их любящее сердце, так как «*радость и любовь неотделимы*» [170: 788].

* * *

Есть в нашей земной жизни прообраз будущей небесной радости и любви в Доме Отца. Этим прообразом является чувство родины, ощущение счастья в отчем доме. В поэзии Михаила Карачёва этот символ особенно глубоко укоренён [66]:

*Так в детстве – радостной толпой
Спешишь вернуться к дому,
И мгла ночная за спиной
Страшит, как тёмный омут.*

...

Мистическая полифония звучит в сердце при чтении многих его стихотворений, также посвящённых родному дому:

*Отпусти меня, Жизнь, по течению вверх.
Я забуду всё, я забуду всех.*

*Отпусти меня Домой в Утро раннее
На Родное крыльцо, в даль туманную.*

*Отпусти меня Домой, как мальчика маленького,
Дай заплакать, обнять мою маменьку.*

*Удержи меня, Жизнь, на Родном крыльце,
Майским ветром согрей слезу на лице.*

*Детский сладкий страх накануне Дня
Овладеет мной, далеко маня ...*

Пусть простит меня автор, но я выделила в его тексте символы, написав их с большой буквы, чтобы подчеркнуть их значимость для темы нашего разговора.

Эта же поэтическая тема радостного и одновременно печального стремления к родному дому, звучит в стихотворении Нины Груздевой, но уже в другой тональности, более светлой:

*Загадочен мир интуиций –
Ты очень поверил в мою,
Сравнил меня с певчею птицей,
Летящей к родному жилью:*

*«Как выверен взмах её крыльев,
Как легок и точен полёт,
И кажется, что без усилия
Она свою песню поёт.*

*И радость, и боль в этой песне,
Прислушайся к ней, не дыша,
Шагая тропинкою вешней ...
И вся истомится душа!»*

При чтении русской поэзии невольно понимаешь, что тема духовной радости является её вечной темой. А возникает она

первоначально из радостного чувства любви к родному дому, к которому стремится любой человек особенно в самые тяжёлые годы своей жизни, особенно в самые трудные переломные эпохи в истории Отечества. И всегда звучит вопрос, который когда-то задал самый трагический поэт XX века Александр Блок:

*В час утра, чистый и хрустальный,
У стен Московского Кремля,
Восторг души первоначальный
Вернёт ли мне моя земля?*

КРЕСТЬЯНСКАЯ СМЕХОВАЯ КУЛЬТУРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. И. БЕЛОВА

Языческие и христианские традиции

Крестьянская смеховая культура имеет древние корни. В послесловии к книге «Смех в Древней Руси» Д. С. Лихачев ставит перед будущими исследователями смеховой культуры новые задачи: «Надлежит провести ряд многочисленных монографических исследований «мировоззрений смеха» в их глубоких отношениях к взглядам на мир в данном обществе или в данном творчестве того или иного писателя». Авторы отмечают: «Задача таких монографических исследований исключительно трудна» [91: 204]. Мы убедились в этом, приступая к исследованию смеховой культуры крестьян в произведениях В. И. Белова.

Писатель Василий Иванович Белов является наследником поэтики древнерусской литературы в новых культурно-исторических условиях. Как и в произведениях древнерусской литературы, для которой характерно взаимопроникновение фольклорной и книжной словесности, в творчестве В. И. Белова также наблюдается тесное взаимодействие книжного и фольклорного начал. Книжное начало его стиля проявляется в том, что в своем повествовании автор следует принципам критического реализма и даже цитирует подлинные

документы эпохи революционных преобразований в России. Вместе с тем он использует и библейские традиции, библейские образы пространства и времени для создания художественной картины крестьянского мира в трагическом XX веке. Это характерно, прежде всего, для его эпопеи «Час шестый».

С другой стороны, все произведения В. И. Белова пронизаны фольклором [39; 43; 157]. Фольклорное начало в его стиле является удивительно ярким: со страниц его произведений постоянно звучат голоса русских крестьян, в совершенстве владеющих всеми формами традиционной фольклорной словесности, в том числе и традиционной смеховой культурой русского народа. Однако смеховое фольклорное начала в творчестве В. И. Белова выполняет не поверхностную, иллюстративную этнографическую функцию, а является важным средством создания сюжета и композиции его произведений [163; 177]. Особенно следует подчеркнуть одно значительное достижение писателя в области поэтики: В. И. Белов строит композицию своих повестей и трилогии «Час шестый», несмотря на их реализм и историческую достоверность, в соответствии с библейскими и фольклорными формами изображения пространства и времени, в основе которых лежит, как известно, противопоставление **своего и чужого, сакрального и inferнального пространства и времени**. Именно этому основному композиционному принципу подчинено использование различных форм крестьянской смеховой культуры в произведениях В. И. Белова.

1. Традиционные формы крестьянской смеховой культуры в произведениях В. И. Белова

Веселье лучше богатства. (Пословица)

Нет лучше шутки, как над собою. (Пословица)

Свое сокровенное пространство и время В. И. Белов обозначил одним, но удивительно емким по смыслу словом *ЛАД*. Известный критик Юрий Селезнев давно отметил: «Лад – центральное понятие всего творчества Белова и романа «Кануны» в частности. Лад – это

основание и суть художественно воссоздаваемой писателем «крестьянской вселенной»; это – главный закон ее устройства, взаимозависимости ее движения и устойчивости, ее сохранности и единства. Это – нравственный центр идейно-художественного мира «Канунов» Белова» [151]. Традиционные формы крестьянской смеховой культуры писатель использует в своем творчестве для художественно достоверного и исторически правдивого воплощения лада крестьянского мира, его легкого дыхания и вольной удали. В повестях и в трилогии «Час шестый» мы встречаем обрядово-зрелищные фольклорные формы смеха: это веселые праздничные гулянья на Святки, Масленицу, Светлую седмицу, Иванов и Петров день, Казанскую, а также на свадьбе, во время которых происходят различные народные смеховые инсценировки, ритуальные бесчинства молодёжи, выступления ряженных и своих записных шутников, унаследовавших роль древнерусских скоморохов. Так, «Кануны» начинаются с картины святок в деревне Шибаниха. В ней присутствуют многие традиционные приметы этих праздничных дней: пляска и буйство ряженных, игра в покойника, в ряженую лошадь, шутовское сватовство, гадания девушек в бане, озорство подростков на улице, шутовское поведение любителей скоморошить – смешить людей. Во всем этом обнаруживается характерная особенность средневекового смеха, которую Д. С. Лихачев определил как «направленность смеха на самого смеющегося», «смеющийся чаще всего смеется над самим собой», «смешит собой» [91: 4, 7; см. также: 17: 15]. Приведем для примера отрывок из скоморошьевого выступления Акиндина Судейкина на свадьбе: *«...Я вас пришел поглядеть, сам себя показать, здравствуйте, господа-сенаторы, из какой вы конторы? Я из нижней, межевой, я человек не швецкой, не турецкой, а тот же совецкой, Вологодской губернии, деревни Шибанихи Акиндин Судейкин. Парень не плох, у меня полна пазуха блох, клопов около поясицы, как брусницы, случилось мне в ольховском конце погулять на крыльце, сказанул лишние словеса, выволокли за волоса! Пал под лисницу, принесли мне девки яшинуцу, хлебал торопился, чуть не подавился ...»* [22: 73]. В этом небольшом отрывке из «Канунов» можно обнаружить черты, сохранившиеся в

крестьянской смеховой культуре со времен Древней Руси: насмешка над собой, телесный юмор, «рифма провоцирует сопоставление разных слов, «оглупляет» и «обнажает» слово», создает комический эффект, ««рубит» рассказ на однообразные куски, показывая тем самым нереальность изображаемого» [91: 20–21].

В северных говорах есть специальные глаголы для обозначения смехового действия, когда человек сам себя представляет в смешном виде: *изводиться, изгибаться, изгиляться, издуриться* [СРНГ, 12: 109, 116, 117, 132; СВГ, 3: 14, 18; СКГ]; *дикаситься, дикариться, диковать, диковаться, дикояситься* [СРНГ, 8: 62, 63, 64; СВГ, 2: 24; СКГ]. В своей трилогии В. И. Белов также употребляет некоторые из этих диалектных глаголов, например: «*Начал Судейкин «изводиться», как говорили бабы, плясать и петь свои пригоношки*» [22].

Писатель широко использует словесно-смеховые формы, то есть шутки, веселые байки, присловья, пословицы и поговорки, характерные для речи крестьян, собравшихся вместе по различным поводам: на праздник, на помочи, на сход, на беседу. Надо отдать должное таланту В. И. Белова, который, кроме использования уже известных комических присловий, поговорок и частушек, сам заново создает смеховые произведения, которые ни чем не отличаются от народных юмористических импровизаций. Наиболее ярким в этом отношении является образ Акиндина Судейкина в трилогии «Час шестый», талантливого поэта, чьи *пригоношки* звучали во всех ситуациях деревенской жизни и вызвали искренний смех. Попутно заметим, что диалектное слово *пригоношка* «веселая шутка, прибаутка, поговорка, частушка» во многих изданиях произведений писателя ошибочно пишется как *пригоножка*. Такое написание не следует использовать, если учитывать происхождение данного слова [108: 103]. *Пригоношка* образовано от старинного слова *гоношить* «копить, беречь, припасать, собирать» [Д., 1: 374], «хлопотать, заниматься каким-нибудь хозяйственным делом», «беспокоить, тревожить, волновать» [СВГ, 1: 121]; согласно «Словарю русских народных говоров», этот древний глагол имеет 14 значений, объединённых общим смыслом «делать, готовить что-либо» [СРНГ, 7: 10–11]. Слово *гоношить* этимологически

образовано от праславянского гонобить (**gonobiti* < *gonoba* < *gonъ*, *goniti*), который также был многозначным: «мучить, утомлять», «копить, наживать; припасать, собирать», «постоянно что-либо делать, не оставаться праздным» [ЭССЯ, 7: 25].

В произведениях В. И. Белова звучат такие шуточные произведения устного народного творчества, как *байки*, *бывальщины* и *небылицы*, сказки с комичными героями и сюжетом, которые по-вологодски называются *бухтины* – «шуточные рассказы невероятного содержания». В диалектных словарях у слова *бухтина* отмечены такие значения: «неправда, ложь», «глупость, вздор», «острота, шутка» Арх., Волог., Олон. [СРНГ, 3: 326], «вымысел, нелепость, вздор» Хар. [СВГ, 1: 52]. Слово *бухтина* – слово древнее, оно включается в обширный пласт однокоренных слов, в прошлом широко распространённых в народной речи на Русском Севере: *бухтеть* и *бухтить* «ворчать, брюзжать», «говорить пустяки, глупости, болтать», *бухтерить* «говорить неправду», *бухта*, *бухтило*, *бухтина* «человек, говорящий неправду, лгун, болтун», *бухторма* «человек, любящий поговорить, болтун» и др. [СРНГ, 3: 325–327]. Все эти слова имеют праславянское происхождение [ЭССЯ, 3: 81–82] и говорят о давно сложившейся традиции данного фольклорного жанра.

Бухтины, которые рассказывают герои В. И. Белова, отражают традиционные темы и сюжеты данного фольклорного жанра. Например, в повести «Привычное дело» бабушка Евстоля повествует о приключениях «невеселых мужиков – пошехонцев» [21: 44–52], в «Канунах» Иван Никитич Рогов рассказывает о воскресшем покойнике-колдуне, а его жена Аксинья – как «Ондрюшонка, бывало, теща блинами кормила» [22: 10, 80], в «Бухтинах вологодских» Кузьма Иванович Барухвостов продолжает творчески развивать тему древних небылиц о женитьбе «на злообразной жене» [20: 136–191]. По замечанию Д. С. Лихачева, эта тема – «один из наиболее «верных» приемов средневекового шутовства» [91: 25–26]. «Смех над своей женой ... был разновидностью наиболее распространенного в средние века смеха: смеха над самим собой, обычного для Древней Руси «валяния дурака», шутовства» [Там же]. Однако наряду с традиционными

сюжетами герои В. И. Белова «гнут бухтины» и современной для них тематики. Так, старик Федор в повести «Привычное дело» рассказывает в своей бухтине о встрече Сталина с Черчиллем и Рузвельтом [21: 87–89], создавая у слушателей комическое настроение и придавая этой встрече сатирическую окраску. Для выражения резко отрицательного отношения к Гитлеру и подозрительного отношения к иностранным президентам рассказчик не скупится на «телесный смех». Этот вид смеха также является традиционным и пришёл из языческой древности, когда он был особенно распространён в репертуаре скоморохов [90; 130; 36].

Произведения В. И. Белова свидетельствуют, что балагурством владели многие крестьяне. Слово «*балагурить*» – «говорить весело, забавно, пересыпая речь шутками, остротами», по происхождению праславянский диалектизм, распространённый только на территории говоров восточных славян [ЭССЯ, 1: 145]. В русских народных говорах у этого слова гораздо больше однокоренных слов, нежели в литературном языке: *балагурничать*, *балага* «болтун, болтунья», *балагуры* «шутки, вранье» и др. В начале XX века в вологодской области бытовало такое выражение: *балагуры разводить* «шутить, врать» Волог. [СРНГ, 2: 69].

В северной деревне взрослые балагурили не только друг с другом, но и с детьми. Ярким примером этому служит небольшой рассказ В. И. Белова «Гриша Фунт». Герой этого рассказа напоминает древнерусского скомороха, хотя описывается послевоенное время XX века: *«Он вернулся с войны с искалеченной левой рукой и теперь ходил по деревням с паяльником, чтобы прокормить своих кровных, как он говорил. Черное, вернее, землистое с большим кривым носом лицо его находилось в постоянном движении: он все время то причмокивал, то подмигивал, то плевался, то присвистывал, то морщился, то похохатывал. Даже уши у него способны были двигаться без посторонней помощи, а язык ... Про язык и говорить было нечего»* [20: 106]. Гришу сразу окружали деревенские дети и начинались шутки, прибаутки, фокусы, детские забавные игры. Белов приводит одну из них:

Гриша «доставал из кармана особым способом сложенный бумаженный конверт. На конверте был нарисован солдат в высокой фуражке.

– Шёл солдатик из похода с девятьсот шестого года! – начинал Гриша, и ребята обступали его со всех сторон.

– Нес подковку и часы! – из пазух конвертика один за другим вынимались уголки, и в левой руке солдата оказывались часы, в правой подкова...»... и т. д. [20: 107].

Когда-то в послевоенном детстве мой дедушка Степан тоже показывал мне такой конвертик и рассказывал ту же байку, только начиналась она немного иначе: «Шел солдат из похода восьмьсот двенадцатого года! ... Так что и эта байка бывших солдат имеет свою историю.

Подводя итог рассмотрению традиционных форм крестьянской смеховой культуры в произведениях В. И. Белова, подчеркнем, что крестьяне любили добрый смех, одинаково его понимали, так как он был неотъемлемой частью своего, общего крестьянского мира.

Однако всегда найдутся люди, которые не умеют смеяться, а только глумиться.

2. Глум, который стал явью

И волк зубоскалит, да не смеется.
(Пословица)

Тем не играют, от чего умирают.
(Пословица)

Далеко не все герои В. И. Белова способны смеяться.

«Там, где один смеется, другой смеяться не будет», – справедливо отмечает В. Я. Пропп в своей книге «Проблемы комизма и смеха». – «Причина этого может крыться в условиях исторического, национального и личного порядка» [130: 21]. По наблюдению автора, «неспособные к смеху люди в каком-нибудь отношении бывают неполноценными», иногда это тупость и черствость, иногда порочность человека [130: 23–24]. Но неспособность к смеху может

объясняться совершенно другими, прямо противоположными причинами: это могут быть серьёзные люди с высоким строем души или люди глубоко религиозные, живущие аскетически. И наконец, В. Я. Пропп отмечает: не склонны смеяться люди, поработанные какой-либо сильной страстью [130: 25–27]. Таким был Игнатий Сопронов, герой трилогии «Час шестой». Испытывая жгучую зависть и злобную мстительность к своим односельчанам, страстно стремясь к власти над ними, он был не способен к веселой шутке и искреннему смеху: *«жизнь казалась ему несправедливой насмешницей, и он вступил с нею в глухую, всё нарастающую вражду. Он ничего не прощал людям, он видел в них только врагов, а это рождало страх, он уже ни на что не надеялся, верил только в свою силу и хитрость»* [22: 248]. Злоба поработила его душу, и он уже не мог радоваться при виде чужой добродетели: *«Спокойствие в других людях он воспринимал за выжидательность, трудолюбие – за жадность к наживе. Доброту расценивал как притворство и хитрость...»* [22: 249]. С какой-то одержимостью он глумился над крестьянами Шибанихи и Ольховицы, якобы проводя линию партии на селе. Для Сопронова нет ничего святого, кроме этой «линии партии», которая, как впоследствии оказалось, вовсе и не была «линией партии», а произволом троцкистов. Его не останавливают никакие нравственные преграды. Например, во время венчания Павла Пачина с Верой он грубо врывается в церковь, чтобы немедленно провести митинг, посвященный помощи китайским революционерам:

«Голос у Игнахи сорвался, народ от изумления не знал, что делать. Кто-то из подростков хихикнул, кто-то из девок заойкал, бабы зашептались, иные старики забыли закрыть рот.

– Проведем, товарищи, шибановское собрание граждан! Я как посланный исполкома...

– Дьяволом ты послан, а не исполкомом! – громко сказал Евграф. – Господи, до чего дожили...» [22: 76].

Известный вологодский критик В. А. Оботуров в своей статье о трилогии В. И. Белова задавал роковой вопрос «Как же так случилось,

что святая для поколений русской интеллигенции идея народной свободы оборотилась глумом?» [113: 140–146].

В отличие от добродушного или ироничного смеха над собой или своими близкими и товарищами, характерного для большинства крестьян, глум творят люди, нравственно чуждые крестьянскому миру. Ими могут быть не только люди приезжие или из иных социальных слоев, но и свои односельчане. Главным источником, порождающим это низменное состояние духа у человека, является болезнь его души, ее расчеловеченность и нравственная опустошенность. Страшные сцены раскулачивания самых трудолюбивых, хозяйственных и мастеровитых крестьян, которое проводили крестьянские активисты этих деревень, опираясь на милицию и партийных представителей власти, кажутся абсурдными, дикими. Сами потерпевшие сначала не верят, что все позорные бесчинства над ними происходят наяву.

«Для того, чтобы мир неблагополучия и неупорядоченности стал миром смеховым, он должен обладать известной долей нереальности ... Смеховой мир, становясь реальностью, неизменно перестает быть смешным» [91: 38, 47; см. также: 130: 56–57]. Именно об этом уже несмешном глуме, который стал явью, и повествует В. И. Белов в своей трилогии «Часть шестый».

Слово *глум* характерно для многих русских говоров, оно многозначно: «издевательство, злая насмешка, шутка», «сумасбродство, блажь, дурь», «шум, громкий разговор». С этим словом, имеющим яркую отрицательную окраску, в говорах употреблялись устойчивые словосочетания, также с негативной семантикой: *в глум брать (взять)* – «насмехаться, издеваться»; *глум напущать на кого-либо* – «срамить, позорить»; *глум нашел* «нашли блажь, дурь, сумасбродство»; *пойти в глум* «погибнуть, испортиться» [СРНГ, 6: 209–210]. У слова *глум* в говорах много однокоренных слов: *глумить* «дурачить кого-либо», «напрасно, зря уничтожать, истреблять, портить»; *глумиться* «сходить с ума, терять ясность сознания», «смеяться», «шалить, баловать, пугать кого-либо» (о нечистой силе), «безл. чудиться, представляться», «беситься», «тропливо, спешно что-либо делать, спешить»; *глумление* «сумасбродство»; *глумота* «о спешной и торопливой

работе»; *глумливый, глумной* «ненормальный, умственно неполноценный, глупый» [СРНГ, 6: 210–211]. Таким образом, смысловое поле слова *глум* и родственных с ним слов ярко представляет тот беспредел, который творился в тридцатые годы XX века во время коллективизации и раскулачивания и разрушал лад крестьянской жизни в Шибанихе и окрестных деревнях.

Нарушение этого лада привело к распространению пьянства, которое еще больше губит жизненные основы деревни. С болью в сердце В. И. Белов показывает эту болезнь во многих своих произведениях, бьет тревогу в своих публицистических статьях. В изображенных писателем картинах пьянства своих любимых героев и их врагов нет ничего смешного. Со скрытой болью писатель показывает, как они глумятся над собой и несут беду себе и родным. Да, поведение пьяных нелепо, несуразно, но не смешно. Еще раз повторим слова Д. С. Лихачева: «Смеховой мир, становясь реальностью, неизменно перестает быть смешным» [91: 106–124]. Поэтому вряд ли В. И. Белов порадовался бы, прочитав в статьях С. Ю. Баранова подробный текстуальный разбор сцен пьянства героев в повести «Привычное дело» с позиций принципа карнавальности [15: 106–124], выдвинутого М. М. Бахтиным [17]. На наш взгляд, этот принцип не применим в данном случае не только по этическим, но и по методологическим причинам. Карнавальность предполагает праздничность и выход из обыденности в мир невероятного и смешного, что характерно для святочных, масленичных и ярмарочных гуляний народа. А Иван Африканович Дрынов пребывает в реальном, непраздничном и трагическом мире послевоенной колхозной деревни. Для характеристики этого мира использование совершенно чужого для него слова *карнавальность* представляется необоснованным. Кстати, выдающиеся филологи А. Ф. Лосев и С. С. Аверинцев предостерегали от чрезмерности в употреблении этого литературоведческого термина без учета русских национальных особенностей смеха [1: 341–345; 93: 588–593], а исследователи древнерусской смеховой культуры не считали скоморошество заимствованием из западной карнавальной традиции [121; 36]. Конечно, В. И. Белов, жалея своего героя,

с грустной усмешкой описывает его невольную пьяную гульбу и цепь комических ситуаций. Он не идеализирует Дрынова, но для него Иван Африканович – не карнавальный персонаж, а свой, родной русский крестьянин: воин, беспаспортный колхозник, труженик, лишенный земли, отец большой семьи, которую он пытается прокормить, пребывая в постоянных трудах и лишениях. Известный критик И. П. Золотусский один из первых почувствовал отношение самого автора к своему герою, когда писал: «Это повесть страданий. Но это и повесть любви, веры. Это книга духовная, где земное, телесное возвышается до осознания себя, до прощения и решимости. <...> Давно не читал я книги, где мотив сострадания был бы так оправдан, высок» [49; цит. по: 134: 28].

Глум над крестьянской жизнью, который начался в тридцатые годы, продолжился и в сороковые и пятидесятые... С новой силой он возродился в перестроечное время, в результате – кругом заросшие поля, порушенные фермы, брошенные деревни... В 1991 году В. А. Оботуров с тревогой писал: *«Между тем глум продолжается: человек у земли и теперь гласности не получил, – за него по-прежнему «златоусты» и «доброхоты» думают. Следовательно, опять нет гарантий против субъективных решений»* [113].

3. Крестьянский смех в годину бедствий

*Посильна беда со смехами, а невмочь беда со слезами.
(Пословица)*

Как справедливо отмечал Д. С. Лихачев, «смеховой мир отнюдь не един», «он различен у отдельных народов и в отдельные эпохи» [90: 3; см. также: 1: 341]. Смеховой мир в произведениях В. И. Белова – явление уникальное, поскольку ему удалось запечатлеть особенности крестьянской смеховой культуры в России в переломный трагический период её истории – 20–50-е годы XX века. Необычность этого эстетического явления заключается в следующем. Со времен Аристотеля и до наших дней принято считать, что комическое противопоставляется трагическому и возвышенному, что над

возвышенным, трагедией и страданием не смеются, такой смех воспринимается как кощунство [130: 8–9]. А в произведениях В. И. Белова парадоксально сочетается трагические, лирические и смеховые начала, при этом без этического и эстетического ущерба друг для друга. Возникает вопрос: в чем загадка, почему такое стало возможным? На наш взгляд, корень данного необычного сочетания надо искать в истории крестьянского смеха, в его традиционной связи с древнерусской и даже глубже – праславянской смеховой культурой. Древний славянский ритуальный смех языческих времен объясняет многое и в крестьянской смеховой культуре XX века. Он начинает возрождаться как защитная реакция на социальные и духовные притеснения от властей в силу того, что другой защиты крестьяне лишились: нет государственных законов, защищающих их собственность от хищения (непосильных налогов и раскулачивания), а их жизнь от несправедливого заточения в тюрьму, от ссылки или расстрела. Нет и духовной защиты в лице Православной Церкви, которая в 20–30 годы XX века уничтожается на глазах у всех: рушится и оскверняется храм в душе народа, а затем и храмовые здания. Но у русского крестьянина сохранилось веками присущее ему стремление к воле и чувство духовной свободы. А смех – это проявление свободной воли, выход из перевернутого мира в иное, вольное, пространство, это духовное освобождение от гнета обстоятельств. В древности славяне справляли тризну на могилах, во время которой пели и даже плясали, тем самым, по своим языческим представлениям, они праздновали победу над смертью. Так и крестьяне Шибанихи и Ольховицы в год великого перелома и даже в час шестый не только плачут, но и смеются, подшучивая над собой и над новыми властями, попирающими лад старой деревни. И тем самым в смехе и даже веселье ищут опору для продолжения жизни несмотря ни на что. Такой смех объединяет крестьян, он по-прежнему не злой, люди смеются над нелепыми обстоятельствами своей жизни, над своими притеснителями и, что удивительно, по-прежнему над собой. В трилогии таких сцен народного смеха довольно много. Вот одна из них. Несправедливо раскулаченный Евграф Миронов возвращается

в родную Шибаниху из вологодской тюрьмы. Чтобы заработать деньги на дорогу домой, он вынужден был в городе работать золотарем несколько месяцев. И вот он дома, вернее, в избе соседки Самоварихи, которая приютила его семью. Его зловонную одежду жена с дочерью замочили отстирывать. После бани ему не во что переодеться, другой одежды нет, так как все забрали ещё при раскулачивании. Пришлось в рубахе жены прошмыгнуть в избу на печь, чтобы никто не заметил его позорного положения. Но поздно вечером в избу бесцеремонно ввалились деревенские активисты Игнаха Сопронов и Митя Куземкин и на правах начальства потребовали у Евграфа слезть с печки и показать им справку об освобождении из тюрьмы. Однако слезть с печки в женской рубахе крестьянин никак не мог, да и показывать было нечего, так как справка оказалась в кармане замоченного в стирку тюремного костюма. Казалось бы, уважаемый всеми в деревне труженик унижен до предела. Однако не сломлен. Первое, что он сделал в ближайшие дни, стал ремонтировать чью-то брошенную старую избу, чтобы его семья имела хоть плохонький, но свой дом. Когда он начал разбирать старую негодную печь, чтобы бить из глины новую, на помочи к нему приходит чуть ли не вся Шибаниха, воодушевленная его несгибаемой жизнестойкостью. И вот после общего обеда, за которым царило простодушное веселье, под общий хохот Судейкин запел свои пригоношки, в которых умудрился комически изобразить бедственное положение Евграфа Миронова и его глумливых гонителей:

*Шел Евграша из тюрьмы
К Самоварихе в примы.
Прикатил не к сроку,
Будет мало проку.*

*Вся Шибаниха жужжит,
Экая досада,
Был до бани я мужик,
После бани баба!*

*На чужбине не зачах,
А в родном окопе
На горячих кирпичах
Стало худо жопе.*

*Тут приходит замполит
И Еграше говорит:
Передвинься за трубу
Не живи халатно,
Все равно твою избу
Не отдам обратно.*

*Говорит с печи Евграф:
Нет, Фотиев, ты не праф!
И за то Евграфу
Прописали штраффу.*

*К полуночи на беду
Принесло Игнашку.
По народному суду
Требуют бумажку.*

*Это, бабоньки, во-первых,
А случилось во-вторых,
Понаехала милиция
На конях вороных. <....>*

[22: 815–816]

Собравшиеся крестьяне одобрительно смеются, и им кажется, что они опять свободные люди. И в дальнейшем Судейкин продолжает отводить душу в пении веселых пригоношек, несмотря на угрозы властей. В послесловии к трилогии В. И. Белов, кратко рассказывая о дальнейшей судьбе своих героев, упомянул и шибановского скомо-роха: «Акиндин Судейкин был судим и сидел шесть лет за веселые «контрреволюционные» байки. После тюрьмы он жил совсем недолго» [22: 943].

4. Христианское отношение к смеху и духовное веселье

*Время плакать, и время смеяться. (Еккл. 3, 4)
Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь.
За все благодарите. (1Фес. 5, 16–18)*

Вольный смех как протест против глумления над ладом крестьянской жизни был свойствен далеко не всем крестьянам. Правдолюбец и православный писатель, В. И. Белов показывает и более сильное средство противостояния лжи и злобе. Такой силой всегда была и есть вера в Истину, в Иисуса Христа, горячая молитва за близких и за весь мир. Текст трилогии «Час шестый» включает в себя не только фольклорные произведения, но и молитвы и цитаты из Библии. Евангельское выражение «*Час шестый*» (Ин. 19, 14) в названии этого произведения является тем камертоном, который настраивает на христианское осмысление всех событий романа.

Святитель Иоанн Златоуст заметил, что, согласно Писанию, Иисус Христос никогда не смеялся [61: 8]. Мир, погрязший в грехах, у Спасителя вызывал иное желание – искупить грехи мира подвигом любви и жертвы. Для писателя В. И. Белова это очень важная тема. Не случайно кульминационная последняя часть романа предваряется эпиграфом – словами из Евангелия от Иоанна: «*Бе... час яко шестый... тогда предаде Его им, да распнется... И неся Крест Свой, изыде Иисус на глаголемое лобное место, идеже пропяша Его*» (Ин. 19, 14–18). Подвиг любви и жертвы, следуя за Христом, нес один из главных героев романа – старый крестьянин Никита Иванович Рогов, молитвенник и труженик. В романе неоднократно описано его молитвенное стояние, его попытки защитить церковь от поругания и объяснить мужикам, что и их вина есть в том, что происходит сейчас в их родной деревне. Он страдал от того, что его односельчане в годину бедствий потеряли веру. Старец почитал за грех чрезмерное смехотворство, что тоже было в традиции русского народа, судя по его пословицам: «*Мал смех, да велик грех*», «*Где смех, там и грех*», «*Навели на грех, да и покинули на смех*», «*И смех наводит*

на грех» [1: 341]. См. также: *«Шутил Мартын да свалился под тын. Иной смех плачем отзывается. С дураком смех берет, а горе тут. Он шутики пошучивает, на себя плеть покручивает. Резвился, да взбесился. Над кем посмеешься, тот над тобой поплачет»* [ДП: 462–470].

После раскулачивания «не зная, где главу преклонить», Никита Иванович уходит из деревни и живет в лесной келье, где непрестанно молится. Его сердце, очищенное покаянной молитвой, способно почувствовать благодать Божию, разлитую в окружающей его природе, и проникнуться радостью духовной: *«Солнце поднималось за лесом. Теплом и светом начинался новый день. <...> Кругом желтели золотые морошковые россыти подобно звездам небесным. Голубела местами не по дням, а по часам вызревающая черника. Со мхов столбами поднимались душистые воспарения. И такие столбы света и солнца падали с неба навстречу! Они-то и рождали какой-то поистине райский воздух. Дедко не знал, что этот райский запах рождался при встрече земных и небесных потоков и отнюдь не на каждом месте, а лишь на каком-то избранном самим Господом...»* [22: 923].

Но и там, в этом благословенном месте, его настигает Игнаха Сопронов и убивает, а его Библию сжигает вместе с кельей. Эта невинная жертва старца спасает жизнь главного героя романа Павла Рогова. А святотатец Игнаха Сопронов, глумившийся над крестьянами и Православием, впоследствии окончательно сходит с ума.

Тема отношения Православия к смеху включает в себя еще один сложный вопрос, который правдивый летописец В. И. Белов не мог обойти стороной. В России Православная Церковь отрицательно относилась к скоморохам и смехотворству, считая их смех низменным и грубым, а главное бесовским. Существовал долгое время официальный запрет на скоморошество [116; 61]. В трилогии «Час шестый» эта тема представлена удивительно парадоксально и вместе с тем глубоко и правдиво, в соответствии с изображаемой эпохой. В сюжете трилогии соотношение крестьянской смеховой культуры и христианских религиозных праздников раскрыто в красочных описаниях

народных гуляний на Святки, Масленицу, Петров день, Казанскую и др. На концептуальном уровне эта тема связана с такими персонажами, как Носопырь, Акиндин Судейкин и поп Рыжко.

С. С. Аверинцев рассматривал особенности русского отношения к смеху, опираясь на язык: «В народном языковом обиходе глагол «пошутить» систематически обозначает деятельность бесов. Самый обычный русский эвфемизм для беса – «шут» или, на более фольклорный лад, с оттенком боязливой интимности – «шутик». Бес «шутит», сбивая с пути или запрятывая позарез нужную вещь. <...> Уникальна <...> энергия, с которой сам язык связывает «беса» и «шутку», «грех» и «смех»» [1: 342]. В «Канунах» В. И. Белова их единство показано в художественной форме. Трагикомический персонаж Носопырь одиноко живет в старой бане и постоянно *грешит с баннушкой*, который все время *балует, варзает, охальничает, патрашит*, то есть подшучивает над стариком и всячески вредит ему. Однако в их отношениях нет ничего мистического, бобыль его не боится и воспринимает как какое-то домашнее животное. Уходя из бани, он милостиво его приглашает: «*Ступай наверх, дурачок, сиди в тепле. Я погулять схожу, никто тебя не тронет*» [22: 6–9]. Ситуация только на первый взгляд кажется комической: в действительности она раскрывает страшное одиночество Носопыря, его желание с кем-то поговорить. И он разговаривает не только с воображаемым баннушкой, но и стремится к Богу в своих *вольных думах*, обращается к Богородице, когда речитативом поет рождественский тропарь: «*Радуйся, дверь Господня, непроходимая, радуйся стено и покрове притекающих к тебе ...*» [22: 6, 9].

Парадоксально представлена тема смеха и церкви в поведении и других персонажей трилогии. Именно шибановский скоморох Акиндин Судейкин по-своему защищает местную церковь от поругания – подшучивает над односельчанами, которые, выполняя указ Меерсона, районного партийного начальника, залезли на крышу храма и пытались сбросить колокол и крест. Судейкин убрал лестницу, и в результате кощунники долго мерзли на крыше, и уже не чаяли остаться живыми.

С другой стороны, в романе самым главным шутком на традиционных святочных и масленичных гуляниях в Шибанихе представлен местный священник, Николай Иванович Перовский, прозванный крестьянами за неумный нрав и яркую рыжую бороду «поп Рыжко». В духе времени он стал попом-прогрессистом, то есть обновленцем, утратившим веру. Однако после ареста и горького познания народных страданий в тюрьме этот человек возрождается к Истине: «вернувшаяся в испытаниях вера ведет его на Духовный подвиг, и шаг этот непреложно превращает раблезианскую, комическую фигуру сельского попа в образ трагический и героический» [113]. В тяжелых условиях заключения отец Николай не страшится своих палачей, не впадает в уныние и по-прежнему весел, но уже не пьяным весельем, а радостью духовной, которая дает его душе силы выстоять и не погибнуть.

ГРУСТЬ

*Блажен, чья душа отзовется
На грустные звуки Небес.*

Иеромонах Роман (Матюшин)

РУССКАЯ ГРУСТЬ

Грусть звучит уже в самом названии повести В. И. Белова – «Невозвратные годы». А сколько в тексте этой повести слов и выражений, так или иначе отражающих сердечную печаль автора: *грустный, грустно, горечь, огорчение, боль, печаль, печальный, тоска, тужить, жалеть, плакать, увы; поет что-то в груди, горловой спазм, горькое чувство, горечь души* ...

В. И. Белов – продолжатель традиций русской классической литературы, о грустной красоте которой писал В. Г. Белинский: «Русскому духу, более чем какому-нибудь другому из творческих духов европейских народов, пришлось создать тип красоты грустной» [Цит. по: 34]. Известный историк русской литературы С. А. Венгеров назвал нашу литературу «великой совестью века» в своей речи «В чем очарование русской литературы XIX века?», которую он произнёс 22 октября 1911 года на праздновании столетнего юбилея Общества Любителей Российской Словесности. Одним из главных источников ее очарования, по его мнению, является «*Великая Печаль ее*». Он так раскрывает эту мысль: «Мне представляется, что эта Великая Печаль, разлитая по всей новой русской литературе, находится в тесной органической связи со всем русским национальным характером. Грустен русский пейзаж, по которому, однако так тосковал Некрасов среди роскошной природы юга. Грустна русская песня, «подобная стону», по определению того же Некрасова. Но в этой грусти есть красота несказанная» [34]. При этом С. А. Венгеров замечает: «Но ни в коем случае Великую Печаль, великую тоску русской литературы не следует смешивать с унынием. *Уныние – начало мертвящее, а русская печаль – начало творческое.* Как мне уже пришлось заме-

тить в другом месте, Великую Печаль русской литературы лучше всего назвать прекрасным старинным словом *печалование*, которое заключает в себе представление о деятельной любви и действенной заботе» [34].

Широко известны слова о русской грусти Фридриха Ницше: «Я обменял бы всё счастье Запада на русский лад быть печальным» [112: 796].

Однако ни С. А. Венгеров, ни Ф. Ницше не указывают на главный источник грусти как характерной черты русской литературы. А она заключается в том, что русский национальный характер и русская культура формировались в условиях тысячелетней православной веры народа. Источником грусти стало глубокое осознание несоответствия жизни человека христианскому идеалу, смирение перед Богом, то, что в Евангелии называют «нищетой духа». Именно в этом видел Тихон Задонский, великий святитель России, суть русской грусти: «Печаль христианская истинная есть печалиться о том, что христиане высокое и небесное звание имеют, но того звания достойно ходити не могут, немощию плоти воспящаеми» [170: 674]. При этом он оценивает подобное состояние души как спасительное: «Сия печаль им полезна и Богу благоприятна есть, яко «жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50, 19). Таковая печаль нужна есть всякому христианину, яко таковою печалью исправляется и обновляется растленное естество» [170: 674]. Святитель Тихон противопоставляет печали уныние, которое он считает «искушением вражеским» и строго порицает: «Уныние есть нерадение о душевном спасении». «Уныние закрывает сердце, не дает ему принять слово Божие». «Бог ожидает от христианина подвига, а не уныния в искушении» [170: 1057].

Глубокий смысл русской грусти раскрыл В. О. Ключевский в статье «Грусть», посвященной поэзии М. Ю. Лермонтова: «Христианин растворяет горечь страдания отрадною мыслью о подвиге терпения и сдерживает радость чувством благодарности за незаслуженную милость. Эта радость сквозь слёзы и есть *христианская грусть*, заменяющая личное счастье. <...> Религиозное воспитание нашего

народа придало этому настроению особую окраску, вывело его из области чувства и превратило в нравственное правило, в преданность судьбе, т.е. Воле Божией. Это – русское настроение, не восточное, не азиатское, а национальное русское» [79: 439, 444]. Через сто лет эти мысли в поэтической форме выразил Ю. П. Кузнецов в стихотворении «Серафим» (1997 год):

*Души рассеянная даль,
Судьбы раздёрганные звенья.
Разбилась русская печаль
О старьей камень преткновенья.*

*Желает вольный человек
Сосредоточиться для Бога.
Но суждена ему навек
О трёх концах одна дорога.*

*Песок и пыль летят в лицо,
Бормочет он что ни попало.
Святой молитвы колесо
Стальные спицы растеряло.*

*А на распутье перед ним
На камне подвига святого
Стоит незримый Серафим –
Убогий старец из Сарова.*

Мысли о том, что грусть – это русское национальное настроение, встречается у многих писателей и поэтов советского периода. В 1964 году современник В. И. Белова, талантливый поэт Борис Примеров, в своем стихотворении говорит:

*Как напишут, не знаю,
Но напишут про грусть,
Что вошла навсегда
В моё сердце, как Русь.*

*Без неё нет поэта,
Песни собственной нет.
<...>*

Поэт даже рифмует эти ключевые слова – *грусть* [*грус'*] – *Русь*.

Русская грусть стала нравственным правилом, определяющим мировоззрение и художественный стиль В. И. Белова. Ее голос звучит в повести «Привычное дело» (и здесь уже в самом подтексте названия), в трилогии «Кануны», «Год великого перелома» и «Час шестый», «Пропавшие без вести». Мы не будем в этой статье специально рассматривать политические и социальные причины трагедии русского народа в XX и в начале XXI века. Об этом написано много горького и гневного, в том числе и самим Беловым. Основное внимание мы обратим на те нравственные правила, которые сформировали художественный стиль писателя. Этот стиль В. И. Белова можно определить так: *«Нежность грустная русской души»*. Этими поэтическими словами С. А. Есенин, певец русской грусти, выразил своё отношение к Родине. Эти слова точно соответствуют и художественному мирозерцанию В. И. Белова.

В повести «Невозвратные годы» писатель обращается к воспоминаниям детства и к трудной судьбе крестьян – его земляков. Отметим, что в целом тональность этой повести скорее грустная, нежели печальная, кроме отдельных ее частей. Светлой грустью овеяны воспоминания о младенческих годах, о близких родственниках, о деревенском быте и даже о драматических событиях детства. Это особенно видно, когда сравниваешь эту повесть с другой книгой В. И. Белова – «Пропавшие без вести», написанной в начальные годы перестройки в конце XX века. В ней автор подводит своеобразный печальный итог в истории крушения народной крестьянской жизни. Эта книга полна безысходной тоски и даже отчаяния: *«Любой, вернее каждый дом обычен в своем безбрежном, неосознанном даже страдании, в своем трагизме. Тут даже нечего выбирать. Бери любую деревню, начинай с краю и описывай»* [24: 34]. Но и здесь в самом отчаянно горестном рассказе «Без вести пропавшие» В. И. Белов

находит в себе силы обратиться к созерцанию красоты и святости родной земли и в это счастливое мгновение утешиться душой: *«Три года я с помощью своих друзей Анатолия Заболоцкого и Валерия Страхова спасал то, что осталось от нашей церкви. Однажды ранним утром, когда устанавливал самодельный дубовый крест, стоя на качающихся лесах, я взглянул окрест... То, что я увидел, никто не видел не менее ста тридцати лет. Птицы летали не вверх, а вниз. Подкова озера, окаймленная кустами и миштыми лычками, оказалась маленькой и какой-то по-детски беззащитной. Вода без малейшего искажения отражала голубизну бездонного неба. Все вокруг было в солнечном золоте, в утреннем зеленом тепле, в тишине и в каком-то странном и даже счастливом спокойствии»* [24: 36].

Однако и в этот счастливый момент, когда храм восстановлен и венчается крестом, а созидающий его человек с его высоты созерцает родную землю, и в этот счастливый момент ему, русскому человеку, дано понять, насколько шатко его счастье и как краток его покой:

«И вдруг ... Крохотная площадка, на которой я стоял, и четыре жиденькие, сколоченные из обрезной сороковки стойки вздрогнули, накренились. Холодный и резкий вихрь сильно ударил откуда-то с юга. Он с минуту, может быть, с полминуты давил на меня, свистя в моих не очень надежных высотных сооружениях. Затем сбросил на крышу храма обрезок доски и пропал, исчез так же неожиданно, как появился. Изумленный, даже не успев испугаться, я стоял на коленях и держался за крест, который только что закреплял в гнезде. ... Что это было? Не знаю и до сих пор. Одно знаю твердо и ясно: в моем рассказе нет ни слова вымысла, как в небе в то утро не было ни единого облачка» [24: 36–37]. В эту живописную картину, которая наполнена также и музыкальным звучанием, вплетается символическим мотив тщетности наших человеческих дел без спасительной силы Креста.

Крест, на котором был распят Иисус Христос – Спаситель и Утешитель, спасает человека от гибели. С этой мысли, которая выражена прикровенно, начинается и повесть «Невозвратные годы».

Автор рассуждает о том, что основное настроение книги воспоминаний ему хотелось бы передать эпитафией – словами А. С. Пушкина из стихотворения «Птичка»: *«Я стал доступен утешению; За что на Бога мне роптать?»* [23: 3]. Однако уже через две страницы В. И. Белов пишет: *«Теперь <...> я четко осознаю трагичность каждой человеческой жизни. Для меня самоочевидна эта трагичность, независимо от жизненной продолжительности»* [23: 6].

Вот она русская грусть, будь то поэзия А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, С. А. Есенина, Н. М. Рубцова, Ю. П. Кузнецова или проза В. И. Белова! Это именно такая грусть, какой ее прозорливо определили святитель Тихон Задонский, а затем историк В. О. Ключевский в приведенных выше словах [79: 439]. В повести «Невозвратные годы» писатель осмысливает человеческую жизнь в этом ключе. Радость и грусть всегда рядом в его воспоминаниях о детстве. Даже в его юношеских стихах, которые В. И. Белов упоминает здесь, они стоят рядом: *«Родился усталым и грустным, веселым и сильным умру»* [23: 10]. Смысл этих строк писатель связывает с православным представлением о подвиге святых, которые духовно побеждают не только тяготы земной жизни, но и саму смерть: *«По своему опыту знаю, ощущаю, как годы прессуются во временные пласты. Эти пласты давят на человека в настоящем. Мне кажется, они и будут давить, пока человек жив, пока способен ощущать физическую тяжесть. И тем сильнее, чем дольше человек живет. (Правда, у монахов такая тяжесть, по моим предположениям, из физической медленно преобразуется в духовную, а у святых физическая вообще истлевает...)»* [23: 9–10]. В акафистах, посвященных Богородице, есть созвучная этим мыслям писателя строка: *«Радуйся, скорбь нашу в радость претворяющая; радуйся, несумненную надеждою нас увеселяющая»* [3: 6–7].

Писатель печалится о несовершенстве жизни своих земляков, о том, что, по слову святителя Тихона, «христиане высокое и небесное звание имеют, но того звания достойно ходити не могут, немощию плоти воспящаемы» [170: 764]. А главная немощь плоти, и не только плоти, но и духа, у земляков – пьянство, которое

особенно сильно поразило русского крестьянина после страшной войны, тяжелого колхозного труда, а затем «перестройки». В. И. Белов грустно размышляет о разных сторонах нашей неустроенности: о несправедливом притеснении колхозников и их несвободе, о гибели мужского населения деревень на фронте, о нищете и голоде в военную и послевоенную пору, об утрате православной веры и разрушении храмов, а в последние годы – о гибели деревень, сельского хозяйства и традиционной крестьянской культуры, о бегстве крестьян в города. И всё это на фоне телевизионного веселия и бесконечных праздников плоти, а не души. Невольно опять вспоминается С. А. Есенин:

Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении весёлом!

Эта русская грусть о правде жизни – характерная особенность нашей жизни и литературы. Известный философ Владимир Соловьев писал более ста лет назад справедливые слова: «Помимо внешних благ, о которых должно заботиться государство, народ наш хочет еще совсем другого. Он хочет *правды*, т. е. согласия между действительною жизнью и той истиной, в которую он верит [161: 331].

К сожалению, за годы богоборчества в XX веке вера в Иисуса Христа как в Истину перестала быть всенародной, что привело к раздроблению народного самосознания. Об этом также печалится В. И. Белов. Он неоднократно обращается к одной мысли: «*Писателем я стал ... не из удовольствия, а по необходимости, слишком накопело на сердце, молчать стало невтерпеж, горечь душила*» [23: 57]. Размышляя о своей неизбежной кончине, писатель со скорбью говорит сам себе: «*Не спеши ... Когда ты выплачешь всю горечь, выскажешь всю обиду за свой народ, тогда тебе ничего не останется, как умереть. И умрешь, потому что нечего будет делать. А выскажешь ли так много, выплачешь ли?...*» [23: 23].

Главным источником духовной силы, не позволяющей писателю впасть в уныние и безысходность, была живая, неутраченная, связь со

своим крестьянским родом и идеалами Святой Руси. Автор с грустью и любовью вспоминает своих родных – мать, отца, крестных, братьев, сестер, односельчан: *«И плачу, и молюсь по ним, и все время поминаю их родные бессмертные души»* (выделено В. И. Беловым) [23: 170]. Особенно дороги автору воспоминания о бабушке Фомишне, которая безропотно и мудро управляла домашним хозяйством большой семьи, нянчила, а главное – воспитывала внуков. Светлой грустью веет от этих воспоминаний: *«Звучат, звучат в моей душе молитвенные и колыбельные мелодии бабушки Фомишны. Поскрипывает подвешенная на березовом оцепе драночная зыбка ... Прядет Фомишна куделю и качает, качает ногой за веревочку, привязанную к черемуховому облучку. Напевно, слегка печально, тихо Фомишна поет «Утушку»: Утушка да луговая, Где же ты, где ночевала?...»* [23: 63]. Печальной была вдовья судьба многих крестьянок: *«То, что она (Фомишна), как и моя мама, осталась вдовой, было, по-видимому, делом отнюдь не случайным: почти все деревенские женщины, которых я помню, были вдовами ...»* [23: 14]. Не дождалась Александра Фоминишна и сына, погибшего в войну на берегу смоленской реки Царевич. Могила бабушки затерялась среди других безымянных холмиков деревенского кладбища. С печалью В. И. Белов говорит: *«И сейчас я тщетно ищу это место, ищу и не могу найти»*. Только звучат в душе теплые бабушкины слова, с любовью обращенные к внуку: *«Батюшко, батюшко ...»* [23: 17].

С художественной проницательностью В. И. Белов воспроизводит духовный облик своих родственников из соседней деревни Алферовской – *«род Перьят»*. Запомнились они односельчанам тем, что *«были Перьята слишком «простые», совсем бесхитростные. <...> Рассказывали, что даже хлебный амбар у них не затирался: Перьята надеялись то на Бога, то на чистую совесть земляков. <...> Особенно любили у Перьят гостей. Родственников или чужих, это было для них не так уж и важно. В праздники или в будни, тоже не так важно»* [23: 38]. Писатель грустит об ушедших крестьянах-праведниках и затем делает обобщение: *«Рассказывая сейчас про этот род, я думаю о России. Вернее, о Святой Руси, воспетой*

Некрасовым, Блоком, Тютчевым, Твардовским» [23: 46]. В. И. Белов предполагает, что такие натуры жили в этом краю не случайно: *«О, как богат этот участок Святой Руси! Богат историческими событиями ... А сколько русских святых подвизалось в здешних местах ...»* [23: 68].

В повести В. И. Белова «Невозвратные годы» затронута грустная тема утраты в течение жизни целомудренного восприятия мира, свойственного младенчеству: *«Оно состояло из радости, спокойствия, блаженства, полной гармонии и ещё чего-то необъяснимого и прекрасного»* [23: 4]. К этой теме обращаются многие наши писатели. Отец Павел Флоренский, вспоминая детство, как богослов, осмысливает это состояние: *«Детское восприятие преодолевает раздробленность мира **изнутри**. Тут утверждается существенное единство мира, не мотивируемое тем или другим общим признаком, а непосредственно ощущаемое, когда сливаешься душой с воспринимаемыми явлениями. Это есть мировосприятие мистическое»* (Выделено П.Ф.) [185: 727]. Для В. И. Белова эти детские впечатления и чувства также были священными, поэтому он считает, что *«первые, ещё неосмысленные впечатления, полученные в младенчестве и во время раннего детства, остаются главными на всю жизнь»* [23: 4]. Со словами писателя перекликается и глубокое суждение Флоренского, когда он вспоминает свое мировидение в детстве: *«И я знаю тверже, чем знаю все другое, узнанное впоследствии, что то мое познание истиннее и глубже, хотя и ушло от меня, – ушло, а все-таки навеки со мной»* [185: 690]. Все творчество В. И. Белова подтверждает справедливость этого нравственного закона нашей жизни.

В заключение еще раз вернемся к размышлению В. О. Ключевского об особенностях русской грусти, которые так свойственны прозе В. И. Белова: *«Источник грусти – не торжество нелепой действительности над разумом и не протест последнего против первой, а торжество печального сердца над своею печалью, примиряющее с грустной действительностью»* [79: 437]. Повести В. И. Белова «Невозвратные годы» свойственна грустная задумчивость, проникнутая

этим «торжеством печального сердца над своею печалью». Н. А. Некрасов в свое время посвятил теме грустной задумчивости русского народа стихотворение «Тишина», в котором есть такие пророческие и многозначительные строки:

*Над всей Россией тишина,
Но – не предшественница сна:
Ей солнце правды в очи блещет,
И думу думает она....*

КРАСОТА

*Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий
Только отклик искажённый
Торжествующих созвучий?*

В. С. Соловьёв

СВЯЩЕННЫЙ ДАР КРАСОТЫ

Размышления при чтении рассказа
Николая Устюжанина «Вечная девушка»

Василий Иванович Белов говорил: «Быть русским писателем всегда непросто. Тут зависит, конечно, многое от цельности писателя. От того, какую непосильную задачу он на себя взвалил. Какой Храм хочет построить» [215]. Такой непосильной задачей для любого писателя было и остаётся создание образа красоты истинной. Некоторые современные авторы вообще отказываются от этой задачи и проваливаются в подвалы Фрейда, или в лучшем случае – Ницше. А красота живет в Храме, то есть в месте священном, чистом.

Где же этот храм находится? В душе человека – отвечают наши православные святители. У святителя Тихона Задонского читаем: «О коль дивная и великолепная красота и достоинство души! Образом Божиим почтена и украшена душа человеческая! Все вещи созданные суть дивны, и суть свидетельства всемогущества и премудрости Божией; но человек образ и подобие Создателя своего в душе своей имеет! <...> Христос есть красота для человека» [170: 310, 432]. Святитель Игнатий Брянчанинов, следуя Евангелию и творениям святых отцов, также делает вывод о высоком предназначении человека, о его духовном достоинстве: «Основываясь на этих свидетельствах Святого Духа, определяем человека так: **человек есть Богозданный храм Божества по душе и телу**» [143: 705].

Всегда ли мы несём это высокое духовное достоинство? Нет, к сожалению, мы часто слабы и лживы. Святитель Игнатий сурово

предостерегает нас: «Тот человек, который не захочет быть домом Божиим, сосудом Божественной благодати, соделывается домом и сосудом греха и сатаны» [143: 703–704].

Вместе с тем у любого человека тяга к красоте неистребима. Кто не залюбуется чистой красотой ребёнка, девушки или юноши! Только редко в наше время эти образы чистой красоты встречаются, чаще всего в православном храме увидишь их. А так – суэта сует и маски вместо лиц. Нередко мы сами просто не замечаем красоты человеческой – отблеска образа Божия. Ведь сказал же Гёте: «Красота – в глазах смотрящего». И надо иметь в своей душе образ Божий, чтобы увидеть его в другом человеке.

Святой человек обычно скрывает всячески свою святость, но её не утаить от людей. Она притягивает людей к себе. Об этом свидетельствуют жития древних и современных нам святых. То же свойственно и красоте, которая, как и святость, является Божиим даром. В нашем грешном мире и та, и другая – беззащитны. Именно поэтому, чтобы избежать искушений, они стараются быть вдали от мира, даже если физически и находятся в миру. Такие возвышенные мысли начали кружиться в моей голове, когда я читала рассказ Николая Устюжанина «Вечная девушка» [179: 79–80]. Этот небольшой рассказ имеет сложное смысловое содержание, несмотря на простоту сюжета. Он фактически является стихотворением в прозе. Композиция его имеет музыкальное строение – звучание радостного голоса сердца лирического героя постепенно нарастает, достигает кульминации, вдруг возникает неожиданное смятения, ... а затем приобретает глубокую мелодию тонкой грусти.

В то же время повествование в рассказе очень живописно. От лица молодого человека, чья душа доверчиво открыта радости и свету, описывается праздничная служба в храме:

«Начиналась вторая пасхальная неделя. Храм сиял радостной красотой праздничного убранства и блаженством прихожан, дождавшихся, наконец, светлого торжества. Красные и желтые свечи горели у иконостаса, подрагивая теплом легкого огня, священники улыбались совсем по-детски, и была во всем этом сиянии какая-то

удивительная и нерушимая свобода, словно в доме довольного и любящего Отца».

Все было прекрасно в этом праздничном храме и в душе нашего героя, который в эти минуты чувствовал полноту бытия и любви. Как сказано в Евангелии: «Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе... ибо от избытка сердца говорят уста его (Лк. 6:45)».

Вот слух и взор молодого человека обратились к клиросу:

«Церковный хор был бесподобен: ажурные переливы, восходящие и нисходящие ноты брались без видимых усилий, женские и мужские голоса сливались в гармонии, и сам хор пел, слегка покачиваясь от удовольствия».

И в этот момент молодой человек увидел на клиросе среди поющих необыкновенную девушку:

«Сердце мое стукнуло в груди коротким сладостным стоном и окатило горячей волной, растекающейся в крови неутраченной нежностью».

Сначала молодого человека привлёк только внешний облик девушки, но потом сердце его начало прозревать:

«Более всего поразила ее взгляд, направленный не на регента и не внутрь себя, а словно в невидимый мир, который почему-то зовется райскими кущами. Девственная чистота этого взгляда была несомненной – она вдребезги разбивала грешные мысли, настраивая чувства на тихое целомудренное любование нетронутой женственностью».

Как драгоценный подарок, наш герой хранит в душе этот образ целомудренной красоты до конца церковной службы (а потом и многие годы). Но оказалось, что эта божественная красота прочно защищена, ограждена от земных проявлений любви и желания обладать ею:

«Хор двинулся первым. Я поднял глаза, нашел среди певчих поразившую меня незнакомку – и чуть не потерял сознание: она оказалась горбуньей! Да-да, небольшой горб, больше похожий на неоперившееся крыло ангела, возвышался над спиной, совсем не двигаясь,

в отличие от ее стройной фигуры в белом облегающем платье. Она радостно шла, продолжая звонко петь, а я шатнулся вслед за ней, не веря собственным глазам».

В первый момент эмоционального потрясения душа молодого человека возмутилась:

«Как же так?!.. Неужели это возможно? Неужели самая великая и непостижимая красота может жить только в таком обрамлении?!

Я продолжал шагать за праздничной толпой, стоял во время чтения Евангелия, но почти ничего не слышал, ощущая на своем лице брызги святой воды как слезы разбитого счастья... ».

В этом эпизоде сюжета автор затронул один из глубинных вопросов христианской этики и эстетики. Речь идёт о нашей **самости**, которую в светской литературе обычно называют иностранным термином **эгоцентризм**. Однако эти термины не имеют равновеликого духовного смысла, так как связаны с различной духовной традицией. Отец Павел Флоренский глубоко проник в суть этой человеческой **самости**, которая мешает нам увидеть Бога: «Умереть для мира – это значит коренным образом уничтожить внутренний водоворот, силою которого все явления в мире мы соотносим с самими собою и разбираемся в них, отправляясь от этого центра перспективы, а не объективно, то есть в отношении к истинному центру бытия, и не видим их в Боге» [150: 596]. Именно так и поступил сначала герой рассказа: он оценил необыкновенную красоту девушки относительно своего мужского самочувствия, с точки зрения своей самости, субъективно. Но постепенно он начал духовно прозревать:

«Какое-то новое чувство стало подниматься внутри меня, направляя мысли вверх, к высшему смыслу, к божественному, а не к человеческому началу. Я стал просить Бога о вразумлении, о том, чтобы Он открыл мне тайну происшедшего... – и услышал ответ!»

Этот ответ прозвучал в душе молодого человека и успокоил его:

«Я вынужден был признать: восторги мои утихли, теплая волна сменилась ровным ходом отрезвевшего сердца, внутренняя дрожь прекратилась, осталось нечто воздушное, легкое... Еще раз взглянув

на незнакомку, я уже не ощутил томного ожидания – лишь тонкая грусть пела во мне».

Страсть не может познать красоту, она не достойна красоты... И только преодоление самости, духовное возрастание человека позволит ему постигнуть этот священный дар: «... из памяти моей так и не исчез ее взгляд. И я понял, что таких чистых и ясных глаз мне уже не встретит нигде, кроме той церкви, в которой – знаю это точно! – поет вечная девушка неземной красоты».

Итак, автор рассказа (вслед за лирическим героем) справился с непосильной задачей – построил в своей душе храм для Божественной Красоты.

* * *

В заключение следует обратить внимание на то, что рассказ Николая Устюжанина написан в православной традиции, согласно которой красота человека осмысливается как особый, высокий замысел Бога о нём, как Его священный дар. Духовный реализм описания красоты девушки-певчей и повествования о духовном возрастании главного героя создаёт тонкую ткань рассказа, в которой сплетены в единый узор земное и небесное.

И еще важно подчеркнуть, что, по учению святых отцов, христианский **Бог** и понятие «самость», о которой шла речь выше, понятия противоположные. Именно в этом заключается главное отличие нашей трезвой этики и реалистической эстетики от учений западноевропейских психоаналитиков и философов. Так, например, знаменитый Карл-Густав Юнг считал, что самость является целостностью и единством как сознательного и бессознательного, так и двойственности бессознательных сил, действующих в человеке. По его мнению, единство и целостность стоят на высшей ступени шкалы объективных ценностей, поскольку их символы уже практически неотличимы от Образа Бога [200]. Многие, вслед за ним, повторяют его крылатое выражение: «Самость есть образ Бога, по крайней мере, она неотличима от него». Идеи гуманизма породили культ человека, который грозит в наши дни уничтожить самого человека как Божие творение.

Совсем иначе складывается представление о самости у православных богословов и у русских писателей-реалистов. Так, отец Павел Флоренский пишет: «...страсти произрастают из глубокого корневища самости... <...> необходимо вырваться из своей самости, ибо до тех пор мы будем видеть лишь искажённые образы, соотносимые с этой самостью, и, следовательно, в самом Боге мы не сумеем увидеть Бога, а будем видеть лишь различные идола своих пристрастий» [182: 596–597].

Рассказ Николая Устюжанина «Вечная девушка» – художественное доказательство справедливости данного суждения.

«КРАСОТА – В ГЛАЗАХ СМОТРЯЩЕГО»

Рассказ «Садовник» А. А. Цыганова

Рассказ Александра Цыганова «Садовник» – это современная притча, написанная с библейской глубиной постижения мира.

Писатели и поэты обладают способностью видеть красоту и истину там, где другие проходят мимо, ничего особенного не замечая, кроме картины обыденности. В своё время Гёте кратко определил эту способность так: *«Красота – в глазах смотрящего»* [100: 62]. Христианская эстетика считает: талант видения красоты определяется способностью человека к любви. Выдающийся мыслитель XX века митрополит Антоний Сурожский пишет: *«Для того чтобы видеть красоту человека там, где другие её не замечают, достаточно полюбить его»*. И тогда мы не только его внешний облик замечаем, а *«видим сквозь это сияние личности»* [100: 66].

Писатели очень часто критически ко всему относятся, болезненно переживают уродства нашего мира. Они следуют завету Н. А. Некрасова: *«То сердце не научится любить, которое устало ненавидеть»*. Но если безоговорочно опуститься в пучину ненависти, то и любить можно разучиться. Можно и ослепнуть, и красоту мира не увидеть.

В рамках критического реализма этому противоречию не найти решения. Всех нас слишком долго учили только ненавидеть, а лю-

бить предлагали фальшивые ценности, поэтому многие из нас утратили чувство красоты. Христианский взгляд на человека открывает писателям другой путь познания жизни: *«Когда Бог смотрит на человека, Он видит в нём не добродетели или достижения, которых может и не быть, но ту красоту, которую ничто не может уничтожить»* [100: 59].

Писателей, одарённых таким духовным видением, в наше время немного. Один из них – Александр Александрович Цыганов. Сюжет рассказа «Садовник» даёт повод некоторым критикам снова упрекнуть писателя в мистицизме. Но этот термин многозначен и вряд ли подходит для характеристики творчества Цыганова. Писатель использует палитру критического реализма, но это для него лишь вспомогательное средство. Главное, что определяет художественное видение автора и на что постепенно настраивается взгляд внимательного читателя, это его **духовный реализм**. Тот самый метод письма, который был освоен ещё гениальными творцами XIX и XX веков: например, Пушкиным в «Капитанской дочке» и «Пиковой даме», Лермонтовым – в «Демоне», Гоголем в «Петербургских повестях», Достоевским в «Бесах» и «Братьях Карамазовых», Шмелёвым – в «Лете Господнем», Булгаковым в «Мастере и Маргарите», В. Распутиным в рассказе «Наташа».

На первый взгляд рассказ «Садовник» – это всего лишь жанровая зарисовка. Как обычно у А. А. Цыганова, в повествовании всё узнаваемо: улицы, церковь, рынок, набережная, ларьки и киоски города Вологды. Вологжанин смог бы провести экскурсию по маршруту движения главного героя. Реалистически изображены типы горожан, с которыми встречается герой. Зоркий глаз писателя точно определяет характеры людей и создаёт индивидуальные художественные портреты всех участников драмы. Но это всего лишь панорама, на фоне которой и происходят главные события. А дальше включается глубинное измерение души героя и его поступков, то есть выясняется его духовная значимость. Главную роль в раскрытии этой стороны содержания рассказа играет композиция, которая придает повествованию звучание трагической симфонии.

В рассказе используются различные имена и названия главного героя. Сначала он назван нейтрально по фамилии и роду занятий: *Горелов – сторож в кандейке* (в винном магазине). Фамилия и профессия говорят о том, что это человек с неудавшейся и, видимо, трагической судьбой. Об этом же свидетельствует и его внешний вид: *«Под сорок уже, а на вид и того больше: давно не брит, волосы не стрижены, вдобавок еще все старое на нем надето. И пальто, и штаны, и пиджак. А у шапки одного уха совсем нет, оборвалось. Бывает, какую-нибудь зловредную дырку, что совсем на виду, закропаешь, как умеешь, и дальше бегаешь. Может, и рад бы в новое обрядиться, да с такой зарплаты быстро закукуешь. Но это еще ладно, платите хоть вовремя и то бы хорошо. Думают, сторож в кандейке, так уже не человек?»* [194]. Таково первичное поверхностное представление о герое. Для чёрствых и озлобленных людей этого достаточно, чтобы называть Горелова *бомжом, тронутым, дворником-лентяем, гадом*. Даже его гибель при спасении девушки эти холодные люди трактуют как самоубийство и считают: *«пьяница какой-нибудь или с ума человек сошел»*. В городе оказалось мало людей, жалеющих этого неприкаянного жителя Вологды. Однако и продавщица, и старушка в церкви, которые ласково обращались к нему *молодой человек, милоч*, не поняли его.

Холод царит на улицах города, он страшен герою, так как у него нет от него защиты. Ещё больший холод царит в людских душах, он-то страшнее уличного мороза. А теперь обратимся к внутреннему голосу героя, обратим внимание на его слова и поступки. Он незлобив, кроток, честен: *«И что с того, если иногда возьмут да бомжом на улице обзовут, сорвется с языка. Не на таковских напали, гореловская порода другая: чтоб с протянутой рукой на люди сунуться, это уже надо особенную натуру иметь. Все нынче на одно лицо – и те, что торгуют на каждом углу и те, что деньги у каждого встречного без зазрения совести морщат. Раньше тоже всяко жили, но ведь этого не было – откуда что и взялось?»* [194].

У Горелова, несмотря на страшную нищету и неустроенность, сохранился внутренний духовный стержень, личное достоинство:

он не суетится и не вступает в непристойную борьбу за какие-то жалкий бытовые приобретения. Автор повествует: «... ему давно хватало кружки горячего чая и куска хлеба. Там, где он проживал, о первом и втором мечтать не приходилось: в зареченской коммуналке, как в общем вагоне, если не хуже. К плите не подступиться: очередь с утра до вечера вперемежку с пьянкой на том же месте. Да и без ругани с мордобоем не обходится. Какое домой идти. Вот и сейчас не тянет. Хоть мороз на улице, а лучше по городу пройтись» [194].

Герой А. А. Цыганова поражает тем, что, постоянно сталкиваясь с уродствами нашей жизни, преодолагает их и выходит «за пределы уродства к иному видению» [100: 134]. Так, грубого, сытого и подвыпившего молодого парня в богатой дублёрке, который его оскорбляет, приняв за нерадивого дворника, он не презирает, не вступает с ним в бесполезный спор, а пытается привести в чувство и говорит добродушно: «Земляк, я такой же прохожий, как и ты». Но его не слышат, и это не его вина. «Я бы сказал здесь то же, что было сказано о красоте: уродство – в глазах смотрящего» [100: 134]. Фраза «*Земляк, я такой же прохожий, как и ты*» выражает главный жизненный принцип человека, живущего по христианским заповедям. И она по-евангельски многозначна и глубока.

В окружении постоянной несправедливости и грубости душа героя скорбит. Бездна отчаяния звучит в его словах: «*На душе и без того худо. Тошно: как по рукам-ногам связали и в колодец без дна бросили*» [194]. Тем более удивительны и трогательны милосердие и щедрость этого нищего и униженного людьми человека. Никому ненужный в своей горемычности, он, тем не менее, помогает, чем может, всем, кого встречает на своём пути: утешает растревоженного дедушку, счищает лёд на крутой лестнице, чтобы люди не расшиблись, пытается в церкви передать через служительницу деньги чужой девушке, чтобы она не совершила опрометчивого безрассудного поступка. Особенно поражает милостыня, данная дважды из последних денег, таджикским женщинам, сидящим с детьми на морозе прямо на земле: «*Возле нового магазина в гирляндах цветных шариков*

и с надписью «Мы открылись!», снова оказалась тоскливая фигура в стеганом полосатом халате со склоненной головой и протянутой ладошкой – голой, потрескавшейся на морозе. Тогда Горелов, сжав зубы, выгреб остатки денег, на глазок разделил пополам и половину сунул нищенке, а после, не выдержав, перешел на другую сторону улицы. И сколько бы он ни старался, так и не услышал, что думали эти полубомороженные женицины. Наверное, они давно уже ничего не думали» [194]. Все эти поступки тревожат, как-то теребят наши равнодушные души и заставляют устыдиться своей чёрствости.

Дважды спасает Горелов встретившуюся ему на рынке девушку-старшеклассницу: сначала от бесчестья, а потом – от смерти. Это юное существо погибало от страсти, типичной для современных школьников: «Ну, я вам устрою, – бездумно глядя глазами, полными слез, на холодные киосковые стекла, негодовала школьница. – Блин, прикольно: смартфон им жалко купить! Все наши уже по второму сменили, а мне фигу показали: потерпи немного, сейчас не можем! Потерплю, потерплю, не расстраивайтесь: такое вам устрою, потом и рады бы все отдать, да только поздно будет!» [194]. Горелов спасает бросившуюся под автомобиль девушку, но сам погибает ...

Во всех этих событиях последнего дня героя он выходит, как мы уже подчеркивали, за пределы уродства мира к иному видению. На обывательском уровне все поступки Горелова кажутся неправдоподобными или бессмысленными. Иные скажут мне: «Таких людей нет! Да и не нужны они вовсе!» Смею возразить: такие люди бывают и такие люди нужны, так как их личность создана по образу и подобию Божию!

Свидетельствую, что среди моих деревенских родственников были такие люди. Они были готовы взвалить на себя твою ношу, накормить последним куском хлеба, отвратить от беды. Я их помню поимённо. Они победили в страшной войне, многократно совершая подвиг самопожертвования. И сейчас такие люди есть, так как наши современники – от корня тех родных нам соотечественников.

Говорить в заключение такие высокие слова справедливо и уместно, так как весь рассказ-притча А. А. Цыганова пронизан

евангельским духом. Читая его, вспоминаешь евангельские заповеди и притчи, например, о лепте вдовы, о блуднице, в которую никто не смог бросить камень, о милостивом самарянине. И наконец, вспомним о *садовнике*. Так сам герой назвал себя, по какому-то внутреннему чувству. Так же назвал автор свой рассказ. И это не случайно. Этот человек исполнил многие евангельские заповеди и таким образом уподобился Христу, которого в Евангелии называют *Господином виноградника* (Л 9:16) или *Садовником* (И 20:15).

А. А. Цыганов удивительным образом передаёт момент подвига-самопожертвования своего героя как очищение от тёмного начала в человеке и полёт души в бесконечное пространство света: *«Но еще раньше, успев все-таки понять, что такое неподсильно сидело в нем, – Горелов уже точно знал, что́ станет делать дальше. И тогда, как будто это услышав, что-то дегтярно-блестящее с ревом вышло из его нутра вон, освободив всего от леденящей маеты, а он сам тотчас прыгнул, оттолкнув вздрогнувшую школьницу в сторону... Горелов видел свое тело с разбросанными руками и разбитой, раздавленной головой, со свивающимися сосульками красных волос. А следом нечто светлое подняло его уже неосязаемую светящуюся оболочку высоко-высоко, но будто все его, гореловское, светлое, не отставало кричать и кричать, невесомо уходя в запредельные невозвратные дали. Только уж если там, на земле, никто не хотел слышать – кто же теперь услышит оттуда – из света?»* [194].

Последняя фраза выражает горькую истину – мы не видим красоты человека при его жизни. Для этого он должен сначала умереть. Но и этого часто бывает мало. И остаётся только задать вопрос вместе с поэтом:

*Где весна любовью бредит?
Холода царят на всей земле...⁶*

⁶ Сидорова Н. Под пение птиц. – Вологда, 2008.

СЛОВО

*Блажен, кто, наполняясь тишиной
И внемля ей благоговейным слухом,
В обыденном постигнет мир иной –
Дыхание созидающего Духа.*

*В любой букашке и любом листе,
В мерцании звёзд и на земле унылой,
Куда ни глянь – повсюду и везде
Таится Оживляющая Сила...*

Отец Роман Матюшин

«ПЕЧАТЬ БОЖЕСТВЕННОЙ ТВОРЧЕСКОЙ РУКИ»

К. Н. Батюшков о подражании поэта Творцу

Традиция духовной поэзии – воспринимать мир как слово Божие. Она издавна существовала в русской литературе, начиная со «Слова о полку Игореве». В XVIII веке и на рубеже XVIII и XIX веков она ярко воплотилась в величественных одах М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина.

Удивительно, будучи ещё юным, восемнадцатилетним, в начале своего поэтического поприща, К. Н. Батюшков рассуждал о подражании поэта Творцу. В небольшой статье «Об искусстве писать» (1805 г.) он развивает мысль о том, что поэтическое произведение только тогда достигнет совершенства, когда имеет необходимую для этого органическую целостность [16: 215–217]. И далее для доказательства он обращается к творениям природы:

«Зачем творения природы столь совершенны? – Потому что всякое творение составляет нечто целое, ибо она трудится по плану вечному, от которого никогда не уклоняется. Она в безмолвии приготовляет семена своих произведений, она предначертывает единожды первобытный образ всякого живого творения, она заставляет продумать, усовершенствует беспрестанным действием в течение предписанного времени. Её творения удивляют нас, но что причиняет это чувство? – Печать божественной творческой руки!» [16: 217].

Поэт неоднократно обращался не только в прозе, но и в стихах к этой мысли о природе как воплощении Божьего замысла; например, в стихотворении «Бог» (1803 г.):

<...>

*Везде могущество Твое напечатленно.
Из сильных рук Твоих родилось всё нетленно.
Но всё здесь на земли приемлет вид другой:
И мавзолеи, где гордились собой,
И горы вечные, где пламенем курились,
Там страшные моря волнами вдруг разлились:
Но прежде море, где шумело в берегах,
Сияют класы там золотые на полях.
И дым из хижины пастушечьей курится.
Велишь – и на земли должно всё измениться.
Велишь – как в ветер прах, исчезнет смертных род!
Всесильного чертог – небесный чистый свод,
Где солнце, образ Твой, в лазури нам сияет,
И где луна в ночи свет тихий проливает,
Туда мой скромный взор с надеждою летит!*

<>

Батюшков считал, что сам по себе человеческий разум поэта не сможет ничего создать. «Его плодотворность зависит от опыта и глубокого размышления», а для этого необходимо познавать природу и увидеть в ней «печать божественной руки». Поэт размышляет далее:

*«Но если он [человеческий разум] будет подражать природе в её ходе, в её трудах, если он созерцанием оной **возвысится к истинам небесным**, если он их соединит, образует нечто целое, приведёт их в систему силою размышления – тогда только основать может на подобных седалищах вечные памятники»* [16: 217].

В статье «Нечто о поэте и поэзии» (1815 г.) Батюшков обращается к другим сторонам поэтического творчества [16: 276–283]. По мнению поэта, искусство слова – это «дар, лучшее достояние человека; ибо посредством его он оставляет вернейшие следы в обществе и имеет на него сильное влияние. Без него не было бы ничего продолжительного, верного, определённого; и то, что мы называем бессмертием на земле, не могло бы существовать» [16: 277–278]. Это Божий дар: «Поэзия – сей пламень небесный, который менее или более входит в состав души

человеческой». Он *«требует всего человека»*. Образ жизни поэта подчинён особым правилам: *«Первое правило сей науки должно быть: живи как пишешь, и пиши как живёшь. ... Иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы»* [16: 278]. Батюшков уверен, что душа истинного поэта должна иметь нравственную чистоту и даже приближаться к святости: *«... будьте добродетельны и свободны, почитайте предмет любви вашей, ищите бессмертия в любви, божества в природе; освятите душу, как освящают храм, и ангел возвышенных мыслей предстанет вам во всём великолепии!»* [16: 279].

В записных книжках К. Н. Батюшкова кратко отмечены также те особенности характера и личности поэта, которые способствуют его вдохновению и творчеству или мешают ему, являются его врагом [16: 325–338]. Так, по мнению поэта, *«гордость – огромная вывеска маленькой души»*, а *«упрямство – вывеска дураков»*. Эти афоризмы он выписал из драматических произведений Я.Б. Княжнина [16: 326]. Далее автор замечает: *«Терпеть не могу людей, которые всё бранят, затем чтоб прослыть глубокомысленными умниками»* [16: 327]. В письме к Вяземскому та же мысль о категорическом неприятии поэтом критиканства и насмешки: *«Если бы мне предложил какой-нибудь Гений все остроумие и всю славу Вольтера – отказ»* [216]. По его мнению, истинные писатели-творцы обладают твёрдостью души, снисходительностью к недостаткам других. В доказательство автор приводит Сократа.

Вспоминает он в связи с этим и своего друга поэта и переводчика Н. И. Гнедича, который умел ценить творчество других писателей и отличался доброжелательностью: *«... У Гнедича есть прекрасное и самое редкое качество: он с ребяческим простодушием любит искать красоты в том, что читает; это самый лучший способ с пользой читать, обогащать себя, наслаждаться»* [16: 355]. Батюшков далее пишет: *«Простодушие и снисхождение есть признак головы, образованной для искусства. ... Станем наслаждаться прекрасным, более хвалить и менее осуждать! Слова Спасителя о нищих духом, наследующих Царство небесное, можно применить и к области словесности»* [16: 355–356].

Важнейшим свойством поэта должны быть честность и трезвость души, тогда она станет великой. Батюшков считает: *«Ничто не даёт такой силы уму, сердцу, душе, как беспрестанная честность. ... Как легко развратиться в обществе, но зато какая честь выдержать все его отравы и прелести, не покидая копья! Великая душа находит, отверзает себе повсюду славное и в безвестности поприще: нет такого места, где бы не можно было воевать с собой и одерживать победы над самим собою»* [16: 354].

Заветы Константина Николаевича Батюшкова вологодские поэты стараются хранить.

«МИКУЛОВО БЕЗДНОЕ СЛОВО»

Пророческий дар Николая Ключева

Таинственная и трагическая жизнь Николая Алексеевича Ключева, выдающегося певца Русского Севера, определила основную направляющую силу его поэзии – пророческий дар.

Ключева как поэта-пророка характеризуют многие современные исследователи его творчества: О. Н. Бахтина, К. К. Логинов, Е. И. Маркова, Э. Мекш, А. И. Михайлов, С. Г. Семенова, М. Makin, R. Vroon [18; 92; 96; 97; 102; 105; 152; 213; 214].

Каковы же культурные истоки, жанры, темы, образы и символы пророческих текстов в творчестве Н. А. Ключева?

Культурные истоки

В «Поддонном псалме» Ключев заявляет о своей духовной жажде – стремлению к слову правдивому, истинному, которое поэт называет *«словом неприточным, по звуку неложным, непорочным»* (*неприточным* – значит – свободным от пристрастий, справедливым):

*Что напишу и что реку, о Господи!
Как лист осиноый все писания,
Все книги и начертания:
Нет слова неприточного,
По звуку неложного, непорочного.*

Исследователи пророческих текстов Н. А. Клюева по-разному определяют их культурные истоки. Одни уделяют особое внимание фольклорной традиции (Е. И. Маркова [96]). Сам Клюев писал о влиянии на его творчество своей матери, даровитой сказительницы. Другие говорят о его увлечённости сектантской духовной поэзией (R. Vgoon [214]). Некоторые даже видят прямую их связь с языческими колдовскими практиками, распространенными на Русском Севере (К. К. Логинов [92]), с чем совершенно нельзя согласиться, поскольку функция клюевских пророческих текстов совершенно иная – поэтическая. Кроме того, Клюев несравнимо выше языческих традиций. Это великий поэт, глубоко постигший христианский духовный опыт. Безусловно, правы те авторы, которые связывают пророческий голос поэзии Клюева с традициями древнерусской литературы, с книжными традициями старообрядчества (Л. А. Киселёва, Э. Мекш, Г. С. Ситько, Н. И. Толстой) [69; 97; 156; 173]. Вместе с тем поэт был продолжателем и традиций пророческой поэзии XIX века – М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева. Н. А. Бердяев в свое время отмечал: «Русской литературе свойствен пророчество, которого нет в такой силе в других литературах» [27]. Клюев так говорит о своем пророческом даре:

*О, Боже сладостный, ужель я в малый миг
Родимой речи таинство постиг,
Прозрел, что в языке поруганном моем
Живет Синайский глас и вышний трубный гром.*

(Поддонный псалом, 1916)

В поэтических произведениях Клюева постоянно встречаются явные и скрытые цитаты из Библии. Нередко, говоря о своем пророческом даре, он вспоминает библейского псалмопевца царя Давида, который для него является идеалом поэта:

*Кручинюсь в избе у окошка
Кручиной библейских царей.
Давид убаюкал Саула
Пастушеским красным псалмом,*

*А мне от елового гула
Нет мочи ни ночью, ни днём.*

Или:

*Господи, благослови,
Царь Давид помоги,
Иван Богослов,
Дай басеньких слов ...*

Следуя традициям народной духовной поэзии, библейскую ономастику Клюев наполняет символическим смыслом и создаёт образы Святой Руси. Сравним строки из «Голубиной книги» и клюевский текст:

В «Голубиной книге»:

*Ой ты, гой еси, наш премудрый царь,
Премудрый царь Давид Евсеевич!
Прочти, сударь, Книгу Божию,
Объяви, сударь, дела Божие,
Про наше житие, про святорусское ...*

У Клюева:

*Низкая, деревенская заря, –
Лён с берёстой и с воском солома.
Здесь всё стоит за Царя
Из Давидова красного дома.*

Жанры

Основные жанры художественных текстов Н. А. Клюева, имеющих пророческую направленность, это таинственные предсказания, видения и сновидения, описания чудесных явлений духовного мира и борьбы божественного и демонического начал в душе человека, а также молитвы, духовные завещания.

Пророчества

Наиболее известны в истории русской культуры поэтические пророчества М. Ю. Лермонтова [4; 58; 59], в меньшей степени –

Н. А. Клюева. Следует отметить тематическую общность некоторых их предсказаний: это весть о грядущих бедах Отечества и предчувствие собственной смерти и её обстоятельств. Лермонтов почти за сто лет предсказал страшную революцию в стихотворении «Предсказание» (1830 г.): «*Настанет год, России черный год, / Когда царей корона упадет...*» [4; 58; 59]. Клюев ещё в 1934 году пророчествовал в «Песне Гамаюна» о многочисленных бедах наших дней:

*К нам вести горькие пришли,
Что зыбь Арала в мертвой тине,
Что редки аисты на Украине,
Моздокские не звонки ковыли,
И в светлой Саровской пустыне
Скрипят подземные рули!
Нам тучи вести занесли,
Что Волга синяя мелеет,
И жгут по Керженцу злодеи
Зеленохвойные кремли,
Что нивы суздальские, тлея,
Родят лишайник да комли!*

Есть у Клюева и другие удивительные предсказания о трагических событиях XX и даже XXI века. Это пророчество о революционных событиях в Киеве как в начале XX, так и в начале XXI веков – в наши дни, о последующих гонениях на православных:

*Вот Киев, по усладным тропам
К нему не тянут богомольцы,
Чтобы в печерские оконца
Взглянуть на песноцветный рай,
Увы, жемчужный каравай
Похитил бес с хвостом коровьим,
Чтобы похлебкою из крови
Царьградские удобрить зерна!*

Это также и предсказание об обмелении Волги и о страшной междоусобице в Карабахе в 1988 году:

*Под саваном песков, что бесы намели,
Уснула русских рек колдующая пряха;
– Ей вести черные, скакун из Карабаха
<принес> ...*

Э. Мекш обратил внимание на поразительное предвидение Клюевым в поэме «Песнь о Великой Матери» чернобыльской катастрофы [97: 68–77]:

*«Тут ниспала полынная звезда, –
Стали воды и воздуха желчью,
Осмердили жизнь человечью.
А и будет Русь безулыбной,
Стороной нептичной и нерыбной!»*

И наконец, самое удивительное предсказание, сделанное поэтом в 1918 году, о появлении Интернета и последующем отчуждении людей от истинной культуры и её традиций [206]:

*Из космических косных скорлуп
Забрезжит лицо Исполина:
На челе прозрачный топаз –
Всемирного ума панорама,
И «в нигде» зазвенит Китоврас,
Как муха за зимней рамой.
Заслюдеет память-стекло,
Празелень хвой купальских...*

(Русь-Китеж)

Видения и сновидения

Сохранились «Сновидения Клюева», записанные его друзьями Н. И. Архиповым и Н. Ф. Христофоровой-Садовой и сравнительно недавно опубликованные [78: 79–102]. Нередко в этих снах-видениях появлялись картины рая, святые: Серафим Саровский, апостол Пётр,

святитель Николай. Ранее мы уже приводили сон «Студёная жажда», главным героем которого был Николай Чудотворец. Но были в этих снах и кошмарные видения, символически отражающие реальность 20–30–х годов XX столетия. Многие поэтические сны-предвидения Клюева связаны с темой ареста и смерти. В стихотворении «Поэту Сергею Есенину» Клюев передаёт своё сонное видение о собственной смерти «в глуши еловой»:

*Сон живой, павлиний.
Где перловый иней
Запустил окно,
Где в углу за печью,
Чародейной речью
Шепчется Оно.
Дух ли это Славы.
Город златоглавый,
Савана ли плеск?
Только шире, шире,
Белизна псалтири –
Нестерпимый блеск.
Тяжко, светик, тяжко!
Вся в крови рубашка...
Где ты, Углич мой?..
Жертва Годунова,
Я в глуши еловой
Восприму покой.
Буду в хвойной митре,
Убиенный Митрий,
Почивать, забыт.*

Действительно, в 1937 году поэт был расстрелян в Сибири – «в глуши еловой», под Томском, и до сих пор неизвестно, где его погребли. О своем предстоящем расстреле он писал ещё в 1919 году: «Товарищи, не убивайте, / Я поэт!.. Серафим! ... Заря!...» Предвидел он и свое нищенское, бездомное существование в Сибири:

*Стариком, в лохмотья одетым,
Притащусь к домовой ограде ...
Я был когда-то поэтом,
Подайте на хлеб Христа ради!»*

(1922 год)

Ещё при жизни Сергея Есенина с болью в сердце Николай Клюев неоднократно говорил о скорой гибели поэта. Так, тексту стихотворения «Поэту Сергею Есенину», написанного Клюевым в 1916–1917 гг., предпослан такой пророческий эпиграф: «*«У тебя, государь, новое ожерельице...» – Слова убийц св. Димитрия-царевича.*» Кроме этого, у Клюева был сон о гибели Есенина, который ему приснился дважды в 1923 году:

«Два сна одинаковые ... К чему бы это? Первый сон по осени привиделся. Будто иду я с Есениным лесным сухмянником, под ногой кукуший лён да богородицына травка. Ветер легкий можжевеловый лица нам обдувает, а Серёженька без шапки, в своих медовых кудрях, кафтанец на нём в синюю стать впадает, из аглицкого тонкого сукна и рубаха белая белозерского шитья. И весь он, как берёзка на пожне, лёгкий да сквозной.

Беспокоюсь я в душе о нём – если валежина или пень ощерый попадёт, указую ему, чтобы не ободрался он ...

Вдруг по сосняку фырк и рыск пошёл, мяранданье медвежье ...

Бросились мы в сторону ... Я на сосну вскарабкался, а медведь уже подо мной стоймя встал, дыхом звериным на меня пышет. Серёженька же в чащу побежал прямо медведице в лапы ... Только в лесном пролежне белая белозерская рубаха всплеснула и красной стала ...

Этот же сон нерушимым под Рождество вдругорядь видел я. К чему бы это?». [78: 84–85]

Этот сон Клюева, как и другие его сны, является своеобразным художественным произведением, которое отличается яркими образами-символами и написано талантливым языком. Картина видения выстроена по правилам художественной композиции, которую отец

Павел Флоренский назвал «обратной перспективой». Её живописный, эмоциональный и символический центр – «рубаша белая белозерского шитья» поэта, которая упоминается дважды и в конце видения «красной стала...» от крови.

Поэтические сны Клюева отражают пророческие видения, раскрывающие духовный мир поэта и его мистическую оценку происходящих событий.

Описание чудесных явлений духовного мира и борьбы божественного и демонического начал в душе человека

Духовный путь Клюева был тернистым. Однако и у него в конце жизненного пути мы видим в поэме «Песнь о Великой Матери» победу христианских духовных ценностей над силами мирового зла. Творчество поэта свидетельствует о его глубоком познании духовного мира, мистические образы которого запечатлены во многих его произведениях. Так, в его «Поддонном псалме» в поэтических образах воплощен плач поэта о своих грехах и светлая надежда на духовное очищение и возрождение:

*«О душа моя – чудище поддонное,
Стоглавое, многохвостое, тысячепудовое,
Прозри и виждь: свет брезжит!
Раскрылась лилия, что шире неба,
И колесница Зари Прощения
Гремит по камням небесным!»*

Далее поэт рисует свое видение Рая, используя реалии родного ему крестьянского мира:

*Твоя изба рудо-желта,
Крепко срублена, смольностенна,
С духом семги и меда от печи,
С балагуром-котом на лежанке
И с парчовою сказкой за пряжей.*

Тайна слова в духовной поэзии Клюева связана с тем, что его поэтическое слово отличается глубиной содержания, неоднозначностью смыслов, явными и скрытыми многогранными связями с реалиями мировой культуры, с древним символизмом. Таинственность слова часто создаётся за счёт синкретизма его значений, обусловленных образным контекстом. Все эти особенности своего поэтического слова Клюев осознаёт, называя его – *Микулово, бездонное слово*. Об этом он размышляет в своих стихах:

*Под смоковницею солодовой
Умолкну, как Русь, навеки...
В мое **бездонное слово**
Канут моря и реки.*

МИР КАК СЛОВО В ПОЭЗИИ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

*О, Боже сладостный, ужель я в малый миг
Родимой речи таинство постиг,
Прозрел, что в языке поруганном моем
Живет Синайский глас и вышний трубный гром.*

Н. Клюев

Поэта Николая Клюева, певца Русского Севера, по праву можно назвать наследником культуры Древней Руси. Впервые эту мысль убедительно обосновал Н. И. Толстой [173]. Поэзия Клюева унаследовала следующие особенности древнерусской литературы:

- 1) духовные идеалы православия, воплощённые в понятии «Святая Русь»;
- 2) традиционные образы и символы древнерусской литературы и фольклора;
- 3) знание различных языковых стихий: литературного языка, диалектной фольклорной речи, церковнославянского языка;
- 4) интерес к «филологической стороне» языка [89: 116];
- 5) поэтические приёмы построения текста: поэтику художественного пространства и времени, абстрагирование, орнаментальность [89: 116].

Исходя из этого следует ставить задачи изучения поэтического языка Н. А. Клюева. Нужно также учитывать, что народность творчества Клюева имеет особый характер. Это не общедоступность, не популярность в широких кругах читателей. Этими свойствами его поэзия не обладает. Клюев с горечью отмечал, что русские люди, увлечённые пустой суетой, стали забывать о своих истоках:

*Напудрен нос у Парасковьи,
Вавилу молодит Оксфорд.
Ах, кто же в святорусском тверд –
В подблюдной песне, алконосте?!
Молчат могилы на погосте,
И тучи вечные молчат. [77]*

Чтобы понять его поэтические образы и мысли, нужно многое знать – не только русскую, но и мировую культуру, не только современность, но и древнюю историю, не только современные, но и архаичные способы поэтического мышления. Неслучайно некоторые исследователи творчества Клюева считают его поэзию элитарной, то есть предназначенной только для избранных, посвящённых. Такие авторы предполагают, что народное – это всегда упрощённое, обыденное, сниженное, лишённое высокого мастерства и большой эстетической ценности. Однако сам Клюев понимал свою народность иначе:

*Мои стихи не от перины
И не от прели самоварной
С грошовой выкладкой базарной,
А от видений Мемфиса
И золотого кипариса,
Чьи ветви нестуют созвездья.
В самоожженческом уезде
Глядятся звезды в Светлояр, –
От них мой сон и певчий дар! [77]*

Поэт считает, что истинная народность – в понимании духовных истоков истории народа, в выражении его самосознания. Для него народность поэта – это пророческий дар, позволяющий ему духовным

оком прозреть судьбы Родины и народа, увидеть его высокое предназначение:

*Я – посвященный от народа.
На мне великая печать,
И на чело своё природа
Мою прияла благодать. [77]*

Народность поэзии для Клюева – это не столько знание этнографии, хотя его стихи свидетельствуют о глубоких познаниях в этой области, сколько понимание духа народа и способность выразить его национальное самосознание в своём творчестве.

Поэтическое слово окружено ореолом таинственности, как таинственен и сам поэтический дар. Клюев творил, «*сочетая поэзию с тайной живой*». Это его любимая, выстраданная тема. Неслучайно А. Ахматова так сформулировала своё первое впечатление о Клюеве: «*Таинственный, лесной Клюев*». В этом определении и слово *лесной* тоже образно употреблено в смысле – *таинственный*. Современные исследователи жизни и творчества Клюева, говорят о многих пока загадочных событиях его жизни, которые породили среди его современников множество мифов [2]. Сам Клюев также мифологизировал свою биографию в прозе и в стихах, что тоже усиливало ореол таинственности вокруг него.

Следуя традиции древнерусской литературы, Клюев воспринимал мир как слово. Такое понимание мира сложилось в христианском миросозерцании и восходит к Евангелию от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё через него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В нём была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1:1–5).

Святитель Николай Сербский (Велимирович), современник Клюева, писал: «Человек единственный на земле обладает создающим словом. Но вся вселенная говорит разными способами: либо словами, либо движениями, либо знаками. Следовательно, вся вселенная есть слово, но не самостоятельное и не самобытное, оно –

отзвук того Слова, которое было в начале и с Которого всё началась» [145: 201, 203]. Развивая эту мысль далее, он говорит: «Голос есть и у камня, и у земли, и у растения, и у капли воды, и у молекулы воздуха точно так же, как есть голос у Солнца, Луны, других небесных тел. Тонкий слух мог бы услышать, как текут соки в растении; ещё более тонкий слух мог бы услышать голоса в камнях, земле, капле воды, молекуле воздуха. Но наше ухо не способно слышать все голоса, точно так же, как наш глаз не может разглядеть все предметы. <...> Всё наполнено звуками, голосами, всё наполнено словами. Вся вселенная есть одна оглушительная музыка, один немолчный разговор» [145: 207]. Таким образом, «слово есть начало всего созидания творения; ... слово есть главная сила в природе и в человеке; ... звук и, соответственно, слово, есть самое распространённое и универсальное явление; ... человек и вся вселенная есть слово. Отсюда следует, что прежде всех вселенских, бледных и меняющихся слов, должно было быть самобытное Божественное Слово, а от Него и через Него произошёл мир как его отзвук, ибо от чего же мог произойти звук, как не от звука? И что другое в начале могло вызвать к жизни слово, если не Слово? « [145: 209].

Размышления Клюева на эту тему созвучны мыслям святителя Николая. Поэт говорил:

«Но есть в мире одно чудо из чудес: пресветлое озеро, зовётся оно Сердцем человеческим, Живоносною Тайною кличется. Пролегла к нему тропиночка малая, малохоженая, малозримая.

Кто прощёной слезой плакать умеет, кто родительскую могилку в Христов день целовать может, кто котёночка глупого, корноухого из польмя пожарного по сожаленью вызовет – тому золотая тропиночка не заказана. Глубоко и самоцветно сердечное озеро, а живёт на нём, гнездо из мороков вьёт, лебедь-дева, птица волшебная. <...>

Известно, дума слово родит, из слов потайных, сердечных песня слагается, вот как ручеёк – источина лесная: не видно его в моховищах да в кореньях клыкастых, а поёт он, бубенчиком подорожным тенькает:

*Не шуми, мати зелёная дубравушка,
Не мешай мне, добру молодцу, думу думати ...*

Али по-другому:

*Не одна во поле дороженьке пролежала,
Чистым ельничком, березничком зарастала ...*

*У кого уши не от бадьи дубовой, тот и ручеёк учует, как он
на своём струистом языке песню поёт.*

*От старины выискивались люди с душевным ухом: слышат
такие люди, как пырей растёт, как зерно житное в земле лопает-
ся – норовит к солнцу из родимой келейки пробиться, – как текут
„слёзы незримые, слёзы людские...”. Называл же русский народ та-
ких людей досюль баянами за то, что они баяли баско, складно да
учестливо, ныне же тех людей величают поэтами <...>» [78: 154].*

Понимание мира как слова воплотилось во многих поэтических об-
разах Клюева:

*По духу росной конопля
Мы **сокровенное** узнаем.
На грядке веников ряды –
Душа берез **зеленоустых...**
От звезд до луковой гряды /
Все **в вещем шепоте и хрустах.** [77]*

Русский философ, также современник Клюева, С. Н. Булгаков отмечал: «Бесспорно, всё в природе исполнено Божественного смысла, вся она есть символ Бога <...>, углублением в эту символику порождается пафос поэтов, натурфилософов <...> [31: 182]. Клюев, певец Русского Севера, особенно проникновенно воспринимал голоса могучих северных лесов, исполненных для него высокого Божественного смысла:

ЛЕС

*Как сладостный орган, десницею небесной
Ты вызван из земли, чтоб бури утишать,*

*Живым дарить покой, жильцам могилы тесной
Несбыточные сны дыханьем навевать.*

*Твоих зеленых волн прибой тысячеустный
Под сводами души рождает смутный звон,
Как будто моряку, тоскующий и грустный,
С родимых берегов доносится поклон.*

*Как будто в зыбях хвой рыдают серафимы,
И тяжки вздохи их и гул скорбящих крыл
О том, что Саваоф броней неуязвимой
От хищности людской тебя не оградил. [77]*

Поэты имеют особый дар воспринимать мир как слово. Выше в этой главе были рассмотрены мысли К. Н. Батюшкова, который призывал поэтов подражать природе. Об этом говорят многие поэты:

Пушкин: *И внял я неба содроганье,
И гоний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.*

Тютчев: *Они **не видят** и **не слышат**,
Живут в сём мире, как впотьмах,
Для них и солнцы, зная, не дышат
И жизни нет в морских волнах.*

*Лучи к ним в душу не сходили,
Весна в груди их не цвела,
При них леса **не говорили**,
И ночь в звездах нема была!*

*И **языками** неземными,
Волнуя реки и леса,
В ночи **не советалась** с ними
В **беседе** дружеской гроза!*

Гумилёв: *Я не печалюсь что с природы
Покров, её скрывавший, снят,
Что древний лес, седые воды
Не кроют фавнов и наяд.*

*Не **человеческою речью**
Гудят пустынные ветра
И не усталость человечью
Нам возвращают вечера.*

*Нет, в этих медленных, инертных
Преображениях естества –
Залог бессмертия для смертных,
Первоначальные слова.
<...>*

Есенин: *Душа грустит о небесах,
Она нездешних нив жилища.
Люблю, когда на деревьях
Огонь зелёный шевелится.*

*То сучья золотых стволов,
Как свечи теплятся пред тайной,
И расцветают звёзды слов
На их листве первоначальной.*

***Понятен мне земли глагол,
Но не стряхну я муку эту**
Как отразивший в водах дол
Вдруг в небе ставшую комету.
<...>*

Клюев очень своеобразно воплотил эту традицию русской поэзии – воспринимать мир как слово. В его стихах всё в мире имеет свой голос, своё слово. Возникают образы-олицетворения, антропоморфные образы:

(1) лесов и рек **молеа**;

(2) Вечерами же мглица багряная / **Поминальные шепчет слова**;

(3) Плеща и радуясь о брате, / На **серебристом языке** / **Переключались** озера, Как хлопья снега в тростнике, / Смыкаясь в пасмы и узоры, / Лесное утро лебедем / Полощется в моей ладони, / И, словно тучи, смерти кони / В пополах черных ржут далече / **Какие у березки речи, / У ласточки какие числа?**;

(4) «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко», – / **Воспела** в горести великой / На **человечьем языке** / Вся тварь вблизи и вдалеке.

Нередко поэт обращается к явлению природы и вступает с ними в разговор:

(1) О ели, родимые ели, – / Раздумий и ран колыбели, / Пир брачный памятник мой, / На вашей коре отпечатки, / От губ моих жизней зачатки, / **Стихов недомысленный рои**;

(2) Месяц, месяц – селезень зобатый, / Окунись, как в плесо, в **глыбкий стих!**

Эти риторические обращения основаны на живом чувстве единения поэта с природой. Встречаются в поэзии Клюева и персонифицированные образы:

(1) Дребезда тут **речь сговорила**;

(2) Рассвет на **речь** ту: «Хитрить не след, / Не День ли, купчик, тебе сосед?»

(3) **Отвечала** лежанка-телогрейка / Она **речью крещеной человекьей**: «Лучше б тебе, девушке, родиться / Во сыром болоте черной кочкой.

Понимание мира как слова лежит и в основе гиперболических образов:

(1) **Русь не вместить в человекьи слова**: / Где ты, небес громовая **молеа**, / **Гул** океана и **гомон тайги**!;

(2) *Уши мира со стихами в споре; / Подавай им строки, как звонницы.*

Особенно впечатляют изощрённые синкретические образы, в которых стихия поэтической речи переплетается со стихиями природы. Эти две стихии взаимопроникают друг в друга и насыщают друг друга:

(1) *Кобылица-душа тянет в луг, где цветы, / Мята слов, древозвук, купина красоты;*

(2) *Чтобы песня цвела, как в апреле герань, / Чтобы млечным огнем серебрилась строка, / Как в плотичные токи лесная река, / И суровый шахтер по излучкам стихов / Наловил бы певучих гагар и бобров;*

(3) *Тянет от пуц соловецких / Таборным дымом стихов;*

(4) *Душа-олень летит в алмаз и лед, / Где время с гарпуном, миров стерляжий ход, / Чтобы закликать май, гусиный перелет, / И в поле, как стихи, суслонный хоровод;*

(5) *В стихотворном водопадном гуле / Зреет миру львиная обнова!*

Духовное общение с природой как источником слова, которое поэт осмысливает и воплощает в свои стихи, Клюев образно определяет так: *И рукою брачной постучаться / В недомысленного мира клеть:*

*Хорошо с суслоном «Свете» петь,
С колоском в потемках повенчаться,
И рукою брачной постучаться
В недомысленного мира клеть.
С древа жизни сиринов вспугнуть,
И под вихрем крыл сложить былинку.
За стихи свеча Садко-овину... [77]*

Чтобы передать это сокровенное чувство единения с природой в процессе творчества, Клюев использует в этом тексте соответствующие слова-символы: *повенчаться (с колоском), брачная рука.*

Недомысленного мира клеть – Божий мир, слова которого поэт должен услышать, понять и претворить в свои мысли и стихи. Духовную основу общения поэта с миром передают в тексте слова: «*Свете*» (это начальное слово православной молитвы «*Свете тихий*, ..., которая поётся на вечерне.), *древо жизни* (христианский символ духовной основы жизни мира), *сирин* (райская птица, символ радости, персонаж древнерусской словесности), *крыла, свеча*. Образное значение сочетания *Садко-овин* становится понятным только в контексте развёрнутой метафоры, основанной на скрытом сравнении поэзии с хлебом жизни. Эта развёрнутая метафора опирается в тексте на сопоставленные слова *суслон, колосок – петь, сирины, былина, стихи* и окончательно воплощается в синкретичном образном выражении *Садко-овин* (овин – хлеб, Садко – песни). Ср. также в указанном выше примере сравнение хлеба со стихами: ... *в поле, как стихи, суслонный хоровод*.

Самым ярким воплощением идеи таинственного единства слова и мира, поэзии и мира является образ *Словесного дерева*:

*Осняет **Словесное дерево**
Избяную, дремучую Русь!
Певчим цветом алмазно заиндевел
Надо мной **древословный навес**,
И страна моя, Белая Индия,
Преисполнена **тайн и чудес!** [77]*

Понимание мира как слова легло в основу всех художественных образов Клюева, раскрывающих его глубокое постижение сущности поэтического слова.

Для Клюева поэтическое слово – это обязательно слово звучащее, слово – связанное с голосом, с музыкой. Поэтическое слово наиболее чутко к голосам мира, к голосу человеческой души, а эти голоса – отзвуки Божественного Слова.

Христианские философы предостерегают: «Преклоняться перед природой – то же самое, что преклоняться перед буквами. <...> Не таков духовно грамотный человек. Такой человек читает книгу при-

роды не по складам, как начинающий обучение грамоте первоклассник, но следует за смыслом, вникает в смысл и постигает смысл. Святой Максим Исповедник выразился аналогично, сказав: «Весь мысленный (духовный) мир таинственно представлен символическими картинками в мире чувственном для тех, что имеют очи, чтобы видеть. Весь чувственный мир заключён в мире мысленном» [145: 9–10]. В поэтическом воображении Клюева голоса природы духовно осмысливаются и преображаются в молитвенные песнопения:

- (1) *Белый воск и **песня-недоумка**
Истекли от вербы непорочной:
Точит верба восковые слезы
И ведет зеленый **тайный причит**
Про мужицкий рай, про пир вселенский,
Про душевный град, где «**Свете тихий**».
И **тропарь** зеленый кто учует,
Тот на тварь обуха не поднимет,
Не подрубит яблони цветущей
И веслом бездушным вод не ранит...» [77]*
- (2) *От печного дыма ладан пуц сладимый,
Моль отшельниц-елей: «**Иже херувимы!**»*
- (3) *Ель мне подала лапу, береза серьгу,
Тучка канула перл, просияв на бегу,
Дрозд запел «**Блажен муж**» и «**Кресту Твоему**»...*
- (4) *Ель гнусавит псалом: «**Яко воск от огня...**» [77]*

Духовная иерархия звуков и слов, воплощённых в поэтическом слове, изображается Клюевым в «Песне о Соколе и трёх птицах Божиих»:

*Напоследок **слово молила**
Куропь-птица белоперая:
«А как я, – росой вспоенная,
Светлым облаком вскормленная, –
Возлечу в **обитель Божию**,
К **Саваофову подножию**,*

Запою стихиру длинную,
Сладословную, умильную.
Ту **стихиру** во долинушке
Молодой пастух дослушает,
Свесит голову детинушка,
Отмахнет слезу рубахою,
И под дудочку свирельную
Сложит новую **бывальщину**.
Аминь. [77]

В поэтическом представлении Клюева духовная сила поэтического слова проявляется в его способности погружаться в мир неземных, райских звуков – в мир вечной жизни, где поэт встречается с умершими родными и близкими:

В васильковое утро белее рубаха,
Улыбается печь и блаженна скамья,
За **певучей куделью** незримая пряха
Мерит нитью затон, где **Бессмертья ладья**.

На печной материк сходят мама и дед
Облеченные **в звон, в душу флейт и стихов**,
И коврижное солнце крупитчатый **свет**
Проливает в печурки, где **выводок слов**.

И **ныряют слова в самоцветную хлябь**,
Роняя **радужный** пух запятых и тире <...> [77]

Свои стихи, а также стихи других поэтов поэт часто образно сравнивает с различными звуками природы:

(1) «Сосен перезвон» (название первого сборника стихотворений Клюева);

(2) Недоуменно не кори, / Что мало радио-зари / В моих **стихах** – бетона, гаек, / Что о мужицком хлебном рае / Я нудным **оводом** бубню / Иль **костромским сосновым звоном!**

О поэзии Есенина он говорит так: *Берестяный звонок язык, а о народных сказителях: Чтoб в простых словах бранный гром гремел, / В малых присловьях буря чуялась, / В послесловии ж клевет коршуна.*

В «Поддонном псалме» Клюев заявляет о своей духовной жажде – стремлению к слову правдивому, истинному, которое поэт называет «словом неприточным, по звуку неложным, непорочным» (неприточным – значит – свободным от пристрастий, справедливым):

*Что напишу и что реку, о Господи!
Как лист осиновый все писания,
Все книги и начертания:
Нет слова неприточного,
По звуку неложного, непорочного. [77]*

Наиболее глубоко клюевское понимание музыки поэтического слова как отзвука священных начал мира отразилось в его знаменитом стихотворении «Звук ангелу собрат...»:

*Звук ангелу собрат, бесплотному лучу,
И недруг топору, потемкам и сычу.
В предсмертном «ы-ы-ы!..» таится ползузук,
Он каплей и цветком уловится, как стук.
Сорвется капля вниз, и вострепещет цвет,
Но трепет не глагол, и в срыве звука нет.*

*Потемки с топором и правнук ночи – сын
В обители лесов поднимут хищный клич,
Древесной крови дух дойдет до Божьих звезд,
И сирины в раю слетят с алмазных гнезд,
Но крик железа глух и тяжек, как валун,
Ему не свить гнезда в блаженной роце струн.*

*Над зыбкой, при свече, старуха запоет,
Дитя, как злак росу, впивает певчий мед,*

Но древний рыбарь-сон, чтоб лову не скудеть,
В затоне **тишины созвучьям** ставит сеть.

В бору, где каждый сук – моленная свеча,
Где хвойный херувим льет чашу из луча,
Чтоб напоить того, кто **голос уловил**
Кормилицы мирской и пестуны могил,
Там, отроку-цветку лобзание дая,
Я **слышал**, как заре **откликнулась** заря,
Как **вспел** петух **громов** и в вихре крыл возник,
Подобно рою звезд, многоочитый лик...

Миг выткал пелену, видение темня,
Но некая **свирель** томит с тех пор меня;
Я **видел звука лик и музыку постиг**,
Дая уста цветку, без ваших ржавых книг! [77]

Поэтический духовный образ благодатного звука, который прозрел поэт (я видел звука лик), предстаёт в словах: «ангелу собрат, бесплотному лучу», «подобно рою звезд, многоочитый лик». Он соединяет горный мир (рай – «**блаженная роща струн**», где поют райские птицы радости – *сирины*) и мир земной, природный, звуки которого устремлены к небесному (это «*бор, где каждый сук – моленная свеча, / Где хвойный херувим льет чашу из луча*», это голос земли – «*кормилицы мирской и пестуны могил*»). Поэт слышит, как звуки земной и небесной стихий друг с другом взаимосвязаны, и в этом единстве обнаруживается Божественная основа мира:

Я слышал, как заре **откликнулась** заря,
Как **вспел** петух **громов** и в вихре крыл возник,
Подобно рою звезд, многоочитый лик... [77]

Продолжая традиции русской поэзии, Клюев понимает высокое предназначение поэтического слова и воспринимает его как отклик души поэта на звуки Божественного Глагола. Вспомним Пушкина:

*Но лишь **Божественный Глагол**
До слуха чуткого коснётся,
Душа поэта встрепенётся,
Как пробудившийся орёл.*

Кроме классической традиции, в поэзии Клюева очень сильно осязаемы и традиции народного духовного стиха, что накладывает свой отпечаток и на все образы поэтического слова, делает эти образы подчеркнуто сакральными, как, например, в стихотворении 1908 года, которое начинается фразой из Апокалипсиса «*Я был в духе в день воскресный...*» (Откровение. 1:10) и заканчивается так:

*Верен ангела глаголу,
Вдохновившему меня,
Я сошел к земному долу,
Полон звуков и огня. [77]*

Звук с древних времён стал символом поэтического слова в мировой культуре. Так возникла философия (устойчивое мировоззренческое представление – концепт) звука, музыки, голоса. Например, в античной философии – это «музыка сфер» Пифагора, в немецкой философии – это мысли А. Шопенгауэра о том, что «достигать явление – значит слушать его музыку». Философия музыки вошла как составляющий компонент и в эстетику символизма. Черты этой эстетики присущи и поэзии Клюева. Так, А. Белый в своей теории символа использует данную философию: «В музыке наибольшее приближение глубин духа к поверхности сознания. Музыка идеально выражает символ. Символ поэтому всегда музыкален. К тому, что было прежде времён, к тому, что будет, обращён символ. Из символа брызжет музыка ... символ пробуждает музыку души» [26: 264]. С философией звука соотносится и поэтическая мифология звука, которая так ярко себя проявила в творчестве Клюева. На основе этой мифологии поэт создаёт сложные метафорические построения, обладающие напряжённой образной энергией и духовной силой, как, например, в поэме «Белая Индия»:

*К ушам прикормить бы **звждительный Звук**,
Что вяжет, как нитью, слезинку с луной
И скрип колыбели – с пучиной морской,
Возжечь бы ладони – две павьих звезды,
И **Звук** зачерпнуть, как пригоршню воды <...> [77]*

Как отмечает отец Г. Флоровский в книге «Пути русского богословия», на рубеже веков, в эту эпоху эстетического возрождения «вся ... религиозная значительность искусства открылась с полной очевидностью, но открылась и в жуткой двусмысленности прельщения и ворожбы» [21]. По его мнению, религиозный соблазн становится «задним и глубоким фоном тогдашнего философского движения» [186: 487]. Для этого времени характерен особый путь возврата к вере – через эстетизм. «Раньше у нас возвращались к вере через философию (к догматике) или через мораль (к Евангелию). Путь через искусство был новым» [186: 455–456].

Мистическое осмысление музыки и поэтического слова как пути в мир духа характерно и для художественного созерцания Клюева. Однако, как свидетельствует история культуры, художественное прозрение не заменяет веры.

Клюев был глубоко верующим русским поэтом, поэтому он постиг силу благодатной красоты Слова и чаял грядущее воскресенье Родины:

*Русь нетленна, и погостские кресты –
Только вехи на дороге **красоты!***

ЖИВАЯ И МЁРТВАЯ ВОДА СЛОВА

Читая Николая Рубцова

Человеку дан священный дар Слова не столько для общения, сколько для понимания Божьего Промысла о нем. Особенно остро это чувствуют поэты и философы. Однако нередко мы зарываем этот дар – талант в землю и равнодушны ко всему, кроме страха за свою жизнь. Да, мы много общаемся, при этом много говорим и пишем –

но наши слова, как мёртвая вода, часто убивают все живое в душах и сердцах. И настигает нас расплата:

*Я забыл, что такое любовь,
И под лунным над городом светом
Столько выталил клятвенных слов,
Что мрачней, как вспомню об этом.*

*И однажды, прижатый к стене
Безобразием, идущим по следу,
Одиноко я вскрикну во сне
И проснусь, и уйду, и уеду...*

*Поздно ночью откроется дверь.
Невесёлая будет минута.
У порога я встану, как зверь,
Захотевший любви и уюта.*

*Побледнеет и скажет: – Уйди!
Наша дружба теперь позади!
Ничего для тебя я не значу!
Уходи! Не гляди, что я плачу!..*

*И опять по дороге лесной,
Там, где свадьбы, бывало, летели,
Неприкаянный, мрачный, ночной,
Я тревожно уйду по метели...*

(Расплата. Н. Рубцов)

Расплата и страдание пробуждают нас от смертельного сна равнодушия, и мы тогда начинаем слышать живое слово других и сами вдруг начинаем говорить по-настоящему – искренне, с покаянием и болью сострадания.

*Но если нет
Ни радости, ни горя,*

*Тогда не мни,
Что громко запоёшь.
Любая тема –
Поля или моря,
И тема гор –
Всё это будет ложь!*

(«О чём писать ...». Н. Рубцов)

Живое слово не умирает. Даже произнесённое более полувека назад, оно по-прежнему живо, и тогда мы говорим о таком человеке – пророк. Речь идёт о Николае Рубцове, который написал в 1960 году стихотворение «Видения на холме», где есть слова, которые, как мы думали, относятся к прошлому, но оказалось – к будущему. Они жгут нас сейчас:

*Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.
Они несут на флагах черный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов
В окрестностях России.
Кресты, кресты...
Я больше не могу!*

Тысяч убиенных в окрестностях России – в Новороссии! Голоса погибших – громче голоса живых! Они нас пробуждают от сна равнодушия, раскрывают фальшь мёртвых слов, которые рекой льются на всех конгрессах, ассамблеях и бесконечных заседаниях важных чиновных людей, множатся в газетах, на радио и телевидении.

А поэт чутко слышит:

*Кто-то стонет на тёмном кладбище,
Кто-то глухо стучится ко мне,*

*Кто-то пристально смотрит в жилище,
Показавшись в полночном окне.*

Да, тревожно и страшно! Но поэт знает тайну России, её сокровенную благодатную силу и утешает нас живым словом своей поэзии:

*«Чудный месяц плывет над рекою», –
Где-то голос поет молодой.
И над родиной, полной покоя,
Опускается сон золотой!*

*Не пугают разбойные лица,
И не мыслят пожары зажечь,
Не кричит сумасшедшая птица,
Не звучит незнакомая речь.*

*И откуда берется такое,
Что на ветках мерцает роса,
И над родиной, полной покоя,
Так светлы по ночам небеса!*

*Словно слышится пение хора,
Словно скачут на тройках гонцы,
И в глуши задремавшего бора
Все звенят и звенят бубенцы ...*

(Тайна. Н. Рубцов)

Каждое слово этого стихотворения живит, открывает правду истинной русской жизни. Но слышим ли мы это живое слово? За грохотом и шумом мертвых слов мы утрачиваем слух, перестаем понимать живые слова правды и поэзии. Нас тянет или к бесплодному многословию, или, наоборот, – к резким движениям и словам: *Короче! Супер! Не проблема! Реально! Круто! Блин!* Все эти слова – прелюдия к мату, смертельному оружию тёмных сил, которое разрушает чистоту нашей жизни и губит её. Ведь на целомудрии стоит мир: все неестественное губит нас. Удивительно: сквернословие так дорого

некоторым современным деятелям культуры, что без него им и книгу не написать, и фильм не снять, и спектакль не поставить! «Коротенькие люди» – так метко назвал Ф. М. Достоевский тех, в кого вселились бесы, несущие духовную смерть. Это их мертвый язык!

А нам нужны слова Истины и Вечной Жизни. И ведь мы знаем, где их услышать. Стоит только немного помолчать в тишине и послушать собственную совесть, понять собственное сердце... А когда услышим, то поймём: за такие слова и умереть не страшно.

*Всё я верю, воспрянувши духом,
В грозное своё бытие
И не верю настойчивым слухам,
Будто всё перейдёт в забвенье...*

(Мачты. Н. Рубцов)

«СЛОВА ЛЕЖАТ В ГЛУБИНАХ РУССКИХ РЕК...»

В наше время все жалуются на утрату смыслов, на пустоту и никчёмность наших речей. Но эта беда настигла нас не сейчас. Русский мыслитель о. Иоанн Шаховской ещё около пятидесяти лет назад с горечью замечал: «Люди создают вокруг себя пустыню слов и отгораживаются ею друг от друга, уходят друг от друга в эту пустыню». Беда пустословия ведёт за собой другие беды: с одной стороны, так называемый «плюрализм» понимания самых ключевых для жизни слов, а с другой стороны – *тиранию* их толкования.

Распространённое в наше время модное словечко *плюрализм* фактически обозначает такую ситуацию, в которой беснование смыслов не допускает взаимопонимания и согласия в обществе. В связи с этим К. И. Вальков, наш земляк, ныне живущий в Петербурге, пишет: «Знания и способности все парализованы изнурительной, бесплодной взаимной борьбой». Этот автор посвятил разоблачению данной болезни языка книгу «Азбука для самых грамотных» [33]. Пожалуй, самыми поражёнными болезнью плюрализма словами являются СВОБОДА и ДЕМОКРАТИЯ. Сколько крови пролито из-за них! А внутри пустота! Инфернальная пустота!

Другая болезнь нашей речи – тирания понятий и слов, их обозначающих [33]. Проще говоря – навешивание словесных ярлыков. В свое время А. А. Блок в статье «Краски и слова» с большой иронией писал: «Критика очень много толкует о «школах» символизма, наклеивает на художника ярлычок: «символист»; критика охаживает художника со всех сторон и обдергивает на нем платье; а иногда она занимается делом совсем уж некультурным, извинимым разве во времена глубокой древности: если платье не лезет на художника, она обрубает ему ноги, руки, или – что вовсе неприлично – голову». Особенно вредоносно и болезненно навешивание ярлыков в научной, социальной и политической сферах. Сколько «выдающихся учёных», «заслуженных художников» «вождей народа», «героев» с одной стороны, и «неудачников», «сумасшедших», «врагов народа» и «террористов», с другой, со временем поменялись местами!

Словесная пустота разоблачается перед лицом смерти, а «все, истинно ценное, значительное и священное, утверждается перед лицом смерти, победоносно выходит из огненного испытания и является в своем истинном сиянии и величии» (И. А. Ильин). Это особенно ярко проявилось в истории христианского мученичества, когда люди не боялись назвать себя последователями Христа даже перед угрозой мучительной смерти.

Иначе относятся к пониманию слова и заключённого в нем знания люди постхристианской культуры, проповедующие плюрализм знания и слова. Ницше считал: «Чем больше чувств говорит нам о какой-либо вещи, чем больше глаз, разных глаз мы умеем направить на эту вещь, тем полнее наше «понятие» этой вещи». По мнению философа, такой способностью в полной мере может обладать только сверхчеловек. Близкие мысли высказывает современный его последователь М. Эпштейн: «Не держаться определённого взгляда на вещи – это, пожалуй, и есть подлинное мировоззрение. Видеть – значит менять точку зрения. Один взгляд на вещь – почти что слепота». В конце XX века, в перестройку, многие и многие прыгали с одной точки зрения на другую. Разве нашли они истину в этом прыгании?! [207]

В христианской традиции существует установка *на соборное единство и простоту знания и слова, которые основаны на единстве мира в Боге как его Творце*. Истинное знание о мире человек получает только по благодати Божией – как откровение. Поэты и писатели это знают. Поверим А. С. Пушкину, который, в отличие от Ницше и Эпштейна, считал: *«Гений с одного взгляда познаёт истину»*. О соборности русского слова, его сокровенной глубине и слитности «с могучим Словом, зиждущим Дела», писал наш молодой белозерский гений Алексей Шадрин [196]:

*Слова лежат в глубинах русских рек,
Они не умерли, они заснули.
Их разбудить лишь может человек,
И оживет тотчас стозвонный улей.*

*Певучих, тяжких, как колокола,
Как монолиты каменные слитых
С могучим Словом, зиждущим Дела ...
Пусть не молчит полустлелый свиток,
Что молодость у Леты обрела.*

Да, пусть не молчит искреннее русское слово! Но сколько мучений и боли душевной нужно перенести, чтобы отринуть беснование плюрализма и пустоту ярлыков и штампов:

*Когда в трудах бессмысленных горю,
Я, ежечасно исторгая стоны,
Себе ли в утешенье говорю:
Минует день, печалью населенный!..*

*Хоть для меня слова мои – не бронь,
Пощада их ко мне неудержима,
Но боли несмолкающий огонь
Горит в моей душе неистребимой.*

(Алексей Шадрин)

СВОБОДА И ВОЛЯ

Вольному – воля, спасённому – рай.

Пословица

Душа только в Боге утоляет свою жажду.

Святой Тихон Задонский

БОЖИЯ ВОЛЯ И РУССКАЯ УДАЛЬ

В христианстве слово *свобода* является одним из важнейших. Преподобный Марк Подвижник писал: *«Закон духовной свободы научает истине, и многие знают его поверхностным разумением, но немногие уразумевают по вере исполнения заповедей делами»* [Цит. по 142: 235]. Таким образом, в христианском учении речь идёт о духовной свободе как возможности выбора между грехом и добродетелью. Подлинную свободу человек получает только тогда, когда освобождается от греховного рабства. Человек, получивший такое освобождение, способен познать Истину – Бога и Его волю: *«Освободившись от расхищения и пленения помыслами, он допустится пред невидимое лице Божие – тогда познает Бога познанием живым, опытным»* [144: 548]. Такой человек стремится познать волю Божию и подчинить ей свою человеческую волю: *«Благословен еси, Господи: научи мя оправданием Твоим.... Возлюби душа моя возжелати судьбы Твоя на всякое время»* [Пс. 118, 12, 20].

Сила человеческой воли может быть направлена на отвержение греха и освобождение от его пут. И тогда человек, совершающий духовный подвиг аскетизма, приобретает духовную свободу. Но эта же сила человеческой воли может быть направлена на освобождение от внешних обстоятельств, мешающих развернуться человеческой душе во всю ширь ее чувств и желаний в этом земном мире. Такая свобода личности имеет множество граней и ступеней: от простого произвола в ущерб другим людям до **высокого воодушевления на подвиг мужества ради блага других людей и Отечества. Именно об этой высокой ступени проявления свободной личности пойдёт речь далее.**

Удаль – слово чисто русское, его нет даже в родственных славянских языках. Даже там несколько иные представления о жизненной силе и молодечестве. А *удаль* – наше, родное, как сказал А. С. Пушкин в стихотворении «Зимняя дорога»:

*Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска.*

О русской удали создано много народных песен:

*Поют про Волгу-матушку,
Про удаль молодецкую,
Про девичью красу.*

Н. А. Некрасов. Кому на Руси жить хорошо» [109]

Удаль, как национальная черта нашего характера, воспета русскими поэтами и писателями от Пушкина до Рубцова. А. К. Толстой в стихотворении «Ушкуйник» поэтически изображает её как **непомерную жизненную силу**, которая требует обязательного освобождения, выхода, применения:

*Одолела сила-удаль меня, молодца,
Не чужая, своя удаль богатырская!
А и в сердце тая удаль-то не вместится,
А и сердце-то от удали разорвется!
Пойду к батюшке на удаль горько плакаться,
Пойду к матушке на силу в ноги кланяться:
Отпустите свое детище дробёное,
Новгородским-то порядкам неученое...*

Но сила эта не только физическая, но и духовная. Народный поэт И. С. Никитин именно так её понимал, противопоставляя заботе, то есть многопопечительности и бессильному унынию:

УДАЛЬ И ЗАБОТА

Таёт забота, как свечка,
Век от тоски пропадает;
Удали горе – не горе,
В цепи закуй – распевает.
Ляжет забота – не спится,
Спит ли, пройди – встрепенется;
Спит молодецкая удаль,
Гролом ударь – не проснется.
Клонится колос от ветра,
Ветер заботу наклонит;
Встретится удаль с грозой –
На ухо шапку заломит.
Всех-то забота боится,
Топнут ногой – побледнеет;
Топнут ногою на удаль –
Лезет на нож, не робеет.
По смерть забота скупится,
Поздно и рано хлопочет;
Удаль, не думав, добудет,
Кинет на ветер – хохочет.
Песня заботы – не песня;
Слушать – тоска одолеет;
Удаль присвистнет, притопнет –
Горе и думу развеет.
Явится в гости забота –
В доме и скука и холод;
Удаль влетит да обнимет –
Станешь и весел и молод.

[110]

Удивительно, как поэт смог высветить все многогранные смыслы этого ёмкого слова, вместившего в себе духовный опыт русского народа. Противопоставление удали и заботы в этом стихотворении не случайно. Оно постоянно встречается в русской поэзии, как

в классической, так и в современной. Удадь предполагает желанную волю и страсть не как выражение греховных помыслов, с которыми и связана многозаботливость, а как проявление полноты жизни. Об этом рассуждал в «Философских стихах» Н. М. Рубцов:

*Зачем же кто-то, ловок и остёр, -
Простите мне, – как зверь в часы охоты,
Так устремлён в одни свои заботы,
Что он толкает братьев и сестёр?!*

...

***В душе огонь – и воля, и любовь! –**
И жалок тот, кто гонит эти страсти,
Чтоб гордо жить, нахмуривая бровь,
В лучах довольства полного и власти!*

[139: 135]

Поэтические противопоставления удали и заботы имеют прочную языковую и духовную основу, уходящую вглубь русской истории. У слова *забота* обнаруживается говорящее этимологическое значение, которое в наше время многими уже не осознаётся: первоначально это слово произносилось как *зобота* (*забота* появилось позже под влиянием аканья) и было образовано от глагола *зобатися* или *зобитися*, которые до сих пор сохранились в народных говорах со значениями «заботиться, беспокоиться, хлопотать». Но первоначально речь шла только о хлопотах, направленных на материальное благополучие, на добывание пищи, поскольку глаголы эти являются однокоренными со старинными древнерусскими словами *зобать* – «есть», *зобь* – «пища, корм» [ПЭСРЯ, 1: 254; ШКЭСРЯ: 112]. Они и сейчас употребляются во многих русских говорах [СРНГ, 11: 320–321].

Смысловая и эмоциональная многогранность слова-символа *удаль* также заложена подспудно в его этимологии. Оно образовано от слова *удалой*, происхождение которого связано с глаголом *удаться*, что значит – завершиться успешно. Следовательно, прилагательное *удалой* (или *удалый*) обозначало черту характера удачливого, счастливого человека. Ф.И. Буслаев, выдающийся наш филолог, живший

в XIX веке, подчеркнул это первоначальное значение данного слова, когда характеризовал былинного героя так: «Не зрелое суждение и опытность руководят его действиями, а удаля и надежда на удачу; потому он *удалой, удача-добрый молодец*» [33].

Только удачливость, или по-современному – успешность, раньше на Руси понимали иначе. Она предполагала мужественную силу, храбрость защитников отечества, которые приводят их к победе над врагом, то есть к воинской удаче. Об этом свидетельствуют и герои наших былин – удалые добрые молодцы, богатыри Илья Муромец и Добрыня Никитич. Именно поэтому в дальнейшем за словами *удалой, удаль* закрепились соответственно значения – храбрый, смелый и храбрость, смелость. Все древнерусские герои были людьми православными, их удаль была обусловлена их духовной свободой и упованием на Божию волю. Святитель Тихон Задонский писал: «Свободу духовную имеет тот, кто имеет живую веру» [170: 827].

Однако этические грани русской удали многолики. Удаля иногда переходит в вольность, а вольность в озорство, своеволие и буйство. Фольклорным воплощением такой удали был былинный герой Василий Буслаев, а затем и персонажи народных песен Степан Разин и Емельян Пугачёв, второй, правда, реже. Их удали сочувствовали иногда и наши поэты и писатели: Пушкин, Шишков, Цветаева (*Да за удаль несуразную – / Развяжите Стеньку Разина*) ... Задумчивый и странный поэт Велемир Хлебников во времена нэпа тоже затосковал по воле и удали и написал в 1922 году такое стихотворение:

Эй, молодчики –
купчики,
Ветерок в голове!
В пугачёвском
тулупчике
Я иду по Москве!
Не затем **высока**
Воля правды у нас,
В соболях-рысаках
Чтоб катались глумясь.

*Не затем у врага
Кровь лилась
по-дешёвке,
Чтоб несли жемчуга
Руки каждой торговки.
Не зубами скрипеть
Ночью долгою -
**Буду плыть, буду петь
Доном-Волгою! ...***

В 1996 году на это стихотворение обратил внимание вологодский поэт А. А. Романов в статье «Чудотворство» и написал: «Звучат они по-сегодняшнему злободневно» [135: 215].

В поэме С. А. Есенина «Пугачёв», которую он написал с намёком на послереволюционные крестьянские восстания 1918–1921 гг., есть такая реплика одного из восставших: *Пусть он даже не Пётр, / Чернь его любит за буйство и удаль*. Да и лирический герой в поэзии Есенина, как и сам автор, обладал этой удалью:

*Золотая, словесная гряда,
И над каждой строкой без конца
Отражается прежняя **удаль**
Забияки и сорванца.*

К теме разбойной удалы как своеволия, противоречащего Божьей воле, обращался Николай Рубцов в своей балладе «Разбойник Ляля» [138]. Это произведение, проникнутое традиционными образами и мотивами, тем не менее, имеет чисто рубцовское звучание. Грозный разбойник полюбил чистую прекрасную княжну:

*Под лазурным пологом ночлега
Он княжну прекрасную увидел.
Разметавши волосы и руки,
Как дитя, спала она в постели,
И разбоя сдержанные звуки
До ее души не долетели...*

Если в народной песне Степан Разин, в ответ на ропот своих сотоварищей, бросает за борт возлюбленную княжну, то в этой балладе, наоборот, разбойник Ляля отказывается от своего греховного ремесла ради своей любви к княжне:

*Дни прошли... Под светлую луною
Век бы Ляля в местности безвестной
Целовался с юною княжною,
Со своей негаданной невестой!*

Вместе со своей возлюбленной он мечтает:

*Вот когда счастливый час настанет,
Мы уйдем из этого становья,
**Чтобы честно жить, как христиане,
Наслаждаясь миром и любовью.***

Однако греховное прошлое не позволяет раскаявшемуся разбойнику «честно жить, как христиане» и насладиться земным раем. Его ближайший помощник по разбою убивает княжну и издевательски сообщает Ляле:

*Атаман! Возлюбленная ваша
Вас в раю небесном ожидает!*

В жестокой схватке разбойники убивают друг друга. Однако любовь торжествует: она вырвала атамана из тёмного мира злобы и преступления и вселила в его душу надежду на райский свет. В этом заключается христианский смысл баллады. Особенно он явен в её последней части, где повествуется о раскаявшейся разбойнице Шалухе, любовь которой к атаману пережила его гибель и воплотилась в легенду о нём:

*Бор шумит порывисто и глухо
Над землей угрюмой и греховной.
**Кротко ходит по миру Шалуха,
Вдаль гонима волею верховной.***

*Как наступят зимние потемки,
Как застонут сосны-вековухи,
В бедных избах странной незнакомке
Жадно внемлют дети и старухи.*

*А она, увядшая в печали,
Боязливой сказкою прощальной
Повествует им о жизни Ляли,
О любви разбойника печальной.*

*Так, скорбя, и ходит **богомолка,**
К людям всем испытывая жалость,
Да уж чует сердце, что недолго
Ей брести с молитвами осталось.*

*Собрала котомку через силу,
Поклонилась низко добрым лицам
И пришла на Лялину могилу,
Чтоб навеки с ним соединиться...*

Да, на «земле угрюмой и греховной» только любовь побеждает безграничный произвол человеческой воли. Интересно отметить, что эта поэтическая тема звучит и у Сергея Есенина, любимого поэта Николая Рубцова. Только, если у Рубцова она воплощена в эпическое повествование баллады, то у Есенина – в лирический цикл стихотворений «Любовь хулигана» (1923 г.), посвященный актрисе московского Камерного театра А. Л. Миклашевской, чей «иконный и строгий лик» покорила «сумасшедшее сердце поэт» и заставил «в первый раз запеть по любовь»:

*Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел по любовь,
В первый раз отрекаюсь скандалить.
<....>*

Даже тишайший Николай Клюев в бурные годы молодости в начале XX века задумывался над разбойной удалью:

*О мать-отчизна, какими тропами
Бездольному сыну укажешь пойти:
Разбойную ль удаль померять с врагами,
Иль робкой былинкой кивать при пути?*

*Былинка поблекнет, и **удаль обманет,**
Умчится, как буря, надежды губя, –
Пусть ветром нагорным душа моя станет
Пророческой сказкой баюкать тебя.*

*Баюкать безмолвье и бури лелеять,
В степи непогожей шуметь ковылем,
На спящие села прохладой веять
И в окна стучаться дозорным крылом.*

(1911) [73: 148]

Подчеркнем, что с этим вопросом Клюев обращается к матери-отчизне и, видимо, к своей совести. В результате он не избрал ни судьбу разбойной удалы, ни судьбу покорной робкой былинки. А выпала на его долю сердечная тоска по Граду Китежу, Святой Руси: Пусть ветром нагорным душа моя станет / *Пророческой сказкой баюкать тебя.*

С юных лет Клюеву была дорога духовная сторона воли – свобода от суеты и греховности мира и многозаботливости:

*Широко необъятное поле,
А за ним чуть синеющий лес!
Я опять **на просторе, на воле**
И люблюсь красою небес.*

*В этом царстве зеленом природы
Не увидишь рыданий и слез;*

*Только в редкие дни непогоды
Ветер стонет меж сучьев берез.*

*Не найдешь здесь душой пресыщенной
Пьяных оргий, продажной любви,
Не увидишь толпы развращенной
С затаенным проклятьем в груди.*

***Здесь иной мир – покоя, отрады.
Нет суетных волнений души;
Жизнь тиха здесь, как пламя лампы,
Не колеблемой ветром в тиши.***

(1904) [74: 29]

Однако поэт прошёл и через искушение революционной свободой, которую сначала идеализировал и понимал как стремление освободить народ от социального гнёта:

Гимн свободе

*Друг друга обнимем в сегодняшний день,
Забудем былые невзгоды,
Ушли без возврата в могильную сень
Враги животворной свободы.
Сегодняшний день без копья и меча
Сразил их полки-легионы;
Народная сбылась святая мечта,
Услышаны тяжкие стоны.
День радости светлой! Надежды живой!
Надежды на лучшую долю!
Насилия сорван покров вековой,
И просится сердце на волю.
На волю! на волю! В волшебную даль!
В обитель свободного счастья!..
Исчезни навеки злодейка-печаль!
Исчезни кошмар самовластья!*

*Мы новую жизнью теперь заживем –
С бесстрашием ринемся к битве;
Мы новые песни свободе споем --
И новые сложим молитвы.*

(1905) [74: 31]

Тем не менее слова *воля* и *вольный* (20) встречаются у Клюева гораздо чаще, чем слова *свобода* и *свободный* (12), которые употребляются только в революционном контексте в ранних стихотворениях поэта. Но не сбылись юношеские мечты поэта о свободе, отражённые в его стихотворении 1905 года:

*«Безответным рабом
Я в могилу сойду,
Под сосновым крестом
Свою долю найду».*

*Эту песню певал
Мой страдалец-отец
И по смерти завещал
Допевать мне конец.*

*Но не стоном отцов
Моя песнь прозвучит,
А раскатом громов
Над землей пролетит.*

*Не безгласным рабом,
Проклиная житье,
**А свободным орлом
Допою я ее.***

(1905) [73: 88]

В конце жизни Н. А. Клюеву пришлось испытать в сибирской ссылке и голод, и унижение, и тюрьму, и, наконец, расстрел ... Но чувство духовной свободы поэт сохранил в своей душе до конца,

о чём свидетельствуют строки из его последнего стихотворения «Есть две страны...», написанного в 1937 году перед гибелью:

<...>

*Не бойся савана и волка,—
За ними с лютней серафим!*

*«Приди, дитя мое, приди!» –
Запела лютня неземная,
И сердце птичкой из груди
Перепорхнуло в кущи рая.*

*И первой песенкой моей,
Где брачной чашею лилея,
Была: «Люблю тебя, Рассея,
Страна грачиных озимей!»*

*И ангел вторил: «Буди, буди!
Благословен родной овсень!
Его, как розы в сосуде,
Блюдет Христос на Оный День!»*

[73]

Судьба Николая Клюева и это его последнее стихотворение свидетельствуют о христианской истине, которую святитель Тихон Задонский выразил в одном из своих произведений так: человек «*связан, окован, в темнице, во узах, в пленении, но духом всегда и везде свободен есть. Духа бо поработить и связать никто не может*» [170: 824].

* * *

Последние мысли Клюева были о судьбах России. Он был уверен, что Бог не оставит его отечество. Ангел Хранитель шептал поэту:

*Его, как розы в сосуде,
Блюдет Христос на Оный День!*

Во многом переключаясь с Николаем Клюевым, пел об Отчизне и воле и Николай Рубцов [14]:

<...>

Не порвать мне житейские цепи,
Не умчаться, глазами горя,
В пугачёвские вольные степи,
Где гуляла душа бунтаря.
Не порвать мне мучительной связи
С долгой осенью нашей земли,
С деревцом у сырой коновязи,
С журавлями в холодной дали ...

Но люблю тебя в дни непогоды
И желаю тебе навсегда.
Чтоб гудели твои пароходы,
Чтоб свистели твои поезда

[139: 246]

В этом и в других своих стихотворениях поэта постоянно звучит один мотив: любовь к родине сильнее буйной воли:

Сильнее бурь, **сильнее всякой воли**
Любовь к твоим овинам у жнивья,
Любовь к тебе, изба в лазурном поле.

[139: 282]

Для Николая Рубцова представления о воле и духовной свободе связаны именно с родиной, с Россией:

Я буду скакать по холмам задремавшей **отчизны**,
Неведомый сын **удивительных вольных племён!**

Вольный простор русских полей и русской души невозможен без духовного маяка – Белой Церкви, то есть веры в таинственную высоту и глубину всего сущего:

И **храм старины, удивительный, белоколонный**,
Пропал, как виденье. Меж этих
померкших полей, –
Не жаль мне, не жаль мне растоптанной
царской короны,

Но жаль мне. но жаль мне разрушенных

белых церквей!...

О, сельские виды! О, дивное счастье родиться

В лугах, словно ангел,

под куполом синих небес!

*Боюсь я, боюсь я, **как вольная сильная птица,***

*Разбить свои крылья и больше не видеть **чудес!***

Боюсь, что над нами не будет

таинственной силы,

Что, выплыв на лодке, повсюду

достану шестом,

Что, всё понимая, без грусти пойду до могилы...

Отчизна и воля – останься, моё божество!

[139: 122]

Таким образом, любовь к Отчизне и воле не противопоставляются, а соплагаются друг с другом и с Божией волей. Святитель Тихон Задонским отмечал: «Желание человека клонится туда, где сокровище души» [170: 341]. Поэтому не противоречила свободной воле поэта и его зависимость от поэтического вдохновения, невозможности им управлять:

О чём писать?

На то не наша воля!

Тобой одним

Не будет мир воспет!

[139: 87]

Вот так поэзия, она

Звенит – её не остановишь!

А замолчит – напрасно стонешь!

*Она незрима и **вольна.***

Прославит нас или унизит.

Но всё равно возьмёт своё!

И не она от нас зависит,

А мы зависим от неё ...

[139: 150–151]

Рубцов относился к своей поэзии как к Божьему дару, поэтому свою поэтическую волю подчинял воле Божией.

* * *

Тема Божией воли и русской удали удивительно своеобразно и таинственно звучит в незавершённой поэме **Алексея Шадринова** (1973–1992) «Пилигримы». Гибель поэта не позволила её завершить. Но и в той части поэмы, которую он успел написать, явно воплощены два образа русской удали, противоположные по своему отношению к Божий воле. Уже в прелюдии к поэме автор прикровенно говорит о том, что даже справедливые слова и действия человека не смогут поколебать вечное движение жизни по воле Божией:

*Уж раз упрёк правдивый не тревожит
Мир наших лиц, как он ни справедлив,
Мой лёгкий ветерок не переможет
Весенних вод бушующий разлив.*

(196: 89)

В основу символического сюжета поэмы положено христианское представление о земной жизни человека как о временном странствии, в конце которого мы вернёмся к нашему Создателю на Страшный Суд. После этого и решится окончательно наша участь. Главный герой поэмы – *Старик-пилигрим*, речь которого является голосом самого автора. Он рассуждает о смысле нашего земного пути и наших желаний. Находясь долгие годы в пути, он понял, что наша человеческая воля порождает бесконечные и часто пустые желания и мечтания, которые губят святость нашей первородной чистоты, которой мы обладали в детстве:

*Три раза я на родину взглянул,
В трёх разных красках я её увидел.
Младенец чистый, выползи на свет,
Всемерно грудью матери доволен.
Вот так и мы, когда сравнений нет.*

Поём свой дол, благословляем поле. –
Простор юдольный, где в твои глаза
Впервые заплескала бирюза.
Как мало надо? **Кротость той поры,**
Как и вселенная, не знает меры.
Но дни идут, по храму топоры,
Стучат, круша незыблемость химеры. –
Лукавой искусства игры
В слепой черёд являются примеры.
И вот по свету катится молва:
За перевалом, на востоке солнца
Простёрлись земли, слаще, чем халва,
И небеса, что Господне оконце.
И с тех небес во тьму сует досужих
Нисходит благость в страждущие души.

[196: 97]

Старик прозрел и понимает всю тщету бесконечных поисков новых стран, новых впечатлений и новых желаний. Он сожалеет о своих заблуждениях прошлых лет:

Сумей понять, что жизнь нигде не нова,
Когда её очистишь от приправ.
Но я, самозабвенный пешеход,
Под чуждой сенью чуждого мне сада
Заснул и всюду видел Эль-Дорадо,
Тот сон и явь мешая наперёд.
Длинна стезя, ведущая к прозренью,
Ушли года, неискупим их срок.
К спасительному близок откровенью,
Я от бесплодных поисков далёк!

[196: 97–98]

Итак, безбожная человеческая воля приводит к бесплодным поискам новых радостей жизни и в результате – к разочарованиям. Однако своеволие человека может привести к ещё худшему результату –

к преступлению. Эта мысль автора воплотилась в образе двух бродяг, которых автор назвал обезличенно *Первый* и *Второй*, поскольку они уже потеряли своё человеческое достоинство – отдали свою человеческую волю в руки тёмных сил и стали рабами греха. Старик прозорливо видит ненасытную сущность этих путешественников и символически предлагает им свернуть с этого пагубного пути. Тогда их не будет мучить алчность. Он предлагает им:

*Советую Вам стопы повернуть,
За мной последовать в мой край благословенный.
Тогда, быть может, с первым часом дневным
Смогу отчасти сытость вам вернуть.*

[196: 99]

Однако этим людям чуждо подчинение благодатной воле умудренного жизнью старца, у них свое представление о свободной воле, вернее о беспредельном своеволии:

*Блажен, кто чудной волей обладает, –
Она достанет хлеба и вина,
В полночный час устроит; одевает
Того, кто низок, мигом вознесёт –
Куда попасть и сам не чаёт тот.
И чтобы человек ни говорил
О подведеньи смертного итога,
Безденежье сносить не будет сил,
Смиренья хватит не намного.*

[196: 100]

В отличие от них Старик-пилигрим знает, что всем в этом мире управляет воля Божия, не человек «кораблём управляет, а Кормчий единый!» Описывая солнечное затмение как знак гнева Божия, на который не обращают внимания духовно слепые люди, он восклицает:

*Ужель ты не трепещешь, человек,
Перед мгновением страшной воли Божьей?*

[196: 112]

Читая поэму-драму «Пилигримы», поражаешься чуду, которое сотворил Господь на Вологодской земле: в конце кровавого XX века, на пороге начавшейся буржуазной контрреволюции, он дал нам чистого ангела, поэта-пророка, который с силой шекспировского таланта призывал нас не поддаваться бесовской алчности к богатству и к мнимой новизне впечатлений и ощущений, беречь чистоту и кротость души, и тем сохранить её свободу... Но библейская история казни невинного человека повторилась: девятнадцатилетний поэт был жестоко замучен в армии в 1992 году.

* * *

В наше время что-то стали забывать в русских городах и всяех не только волю Божию, но и удаль молодецкую, и сердечную тоску. Всё заботы и заботы о хлебе насущном ... Да ещё о собственной плоти, о престиже, о власти. Без радости, без воли и удали! Вместо этих живых чувств души всё шире распространяется их имитация, заменители-фальшивки. Затопило молодецв пьянство с его лживой удалью и тоской. А непьющим – в качестве компенсации вдруг в изобилии потребовался *адреналин* в сочетании с *экстримом*, *кайфом*, *шоком* и *стрессом*, а иногда и *наркотиком*. Слова-то какие всё чужеродные! Да и не жизнью от них веет, а пахивает какой-то медициной и смертью. И действительно, *адреналин* – заимствование французского слова *adrenaline*, которое в свою очередь образовано от латинского *adrenalis*, что значит *припочечный*. Этот первоначально медицинский термин, обозначающий гормон надпочечников и соответствующее лекарство, теперь часто употребляется и в устной речи, и в современной литературе, и в публицистике для обозначения острых ощущений, как правило, вызванных нарочито, искусственно в определённых ситуациях. В «Национальном корпусе русского языка», опубликованном в Интернете, представлено значительное количество примеров подобного использования этого слова в газетах. Обычно речь идёт о получении острых ощущений:

– у спортсменов (*«Мода на экстремальный спорт выводит из строя профессионалов и косит ряды любителей выплес-*

- нуть адреналин*». [Наталья Барановская. // «Известия», 2003.02.03]; *«Короче, это чистый адреналин, особенно учитывая, что травматизм на таких скоростях гораздо выше, чем у всем привычного скейта*». [Николай Ванин. Летние покатушки // «Хулиган», 2004.07.15];
- всевозможных игроков (*«Причиной этих чувств является стимулятор адреналин, тот самый, который наполняет кровь играющих в казино*». [Артем Тарасов. Миллионер (2004)]);
 - сыщиков (*«Ни один наркотик и рядом не стоит с ощущениями, которые дает сыскная работа. Вот где настоящий адреналин! Исаев был опером молодым, на Петровке служил недавно и не потерял еще чувства новизны*». [Александр Хинштейн. Бригада // «Московский комсомолец», 2003]);
 - и у других людей, озабоченных поиском острых ощущений, часто не отходя от телевизора (в сериалах) или от компьютера (в социальных сетях).

Самое печальное в нашей современной культуре, что с помощью слова *адреналин* писатели новой формации пытаются изображать всевозможные «сильные чувства». Конечно, тон задают тексты самых тиражируемых ныне русскоязычных авторов. Вот отдельные примеры:

«А может быть, горе выбрасывает в кровь адреналин, а счастье – расщепляет и выводит из организма». [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002];

«Весь адреналин переместился теперь в их нижние этажи». [Василий Аксенов. Тайнственная страсть (2007)];

«Предвкушение драки. Адреналин начинает бурлить. Будто врубился в розетку». [Евгения Пищикова. Пятиэтажная Россия (2007) // «Русская Жизнь», 2008];

«– Меня вчера трое сняли, – щebetала Ниночка, блестя глазами, – такой адреналин!» [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)];

«– Ты себе представить не можешь, какой кайф, – воодушевленно рассказывал Юра, – чистый адреналин!» [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)];

«– Охота на леммингов. Адреналин под кожу, это не то... Ледовое настроение...» [Людмила Петрушевская. Город Света // «Октябрь», 2003];

«В десятом классе любовь – это адреналин, гормоны и обязательный разлад с окружающим миром». [Татьяна Устинова. Большое зло и мелкие пакости (2003)];

«Тебя сейчас отпустило, но потом станет хуже, когда схлынет адреналин». [Татьяна Устинова. Подруга особого назначения (2003)].

Какие скука и холод начинают тяготить душу от этой пристальной заботы о собственной физиологии, от нарочитой жажды острых ощущений! А мне так по сердцу стихи И. С. Никитина, которого вдохновляли не гормоны надпочечника, а душевный порыв:

*Явится в гости забота –
В доме и скука и холод;
Удаль влетит да обнимет –
Станешь и весел и молод.*

У нашего вологодского поэта **Виктора Коротаева** есть стихотворение «Гонка», в котором поэт с горькой усмешкой разоблачает ложную удаль современных любителей адреналина – любителей шальной езды на автомобилях:

Лихачи

*Современные парни.
Стала треком
Родная земля ...
<...>
Выхлопные синюшные газы –
Дорожающий ваш «кислород».
Краски смазаны.
Линии смяты.
Воды словно бы движутся вспять.*

Так вы жмёте на газ,
Горлохватъ,
Словно счастье решили догнать.
Всё мне кажется ...
Иль в самом деле:
В дни,
Клеймённые адским огнём,
За рулём родились вы,
Созрели,
И состаритесь вы
За рулём.
Только небо не станет лазурней,
И не станет спокойней в груди.
То, за чем вы гоняетесь,
Дурни,
Безвозвратно ...
 давно ...
 позади ...

[84]

Поэт, который обладал широкой русской натурой и удалью («*Не надо мне синицу в руки, / Я с детства журавлей люблю*»), не приемлет подмены. Его искренняя душа протестует против всего неестественного и лишённого истинного чувства.

Поэт и публицист Юрий Максин недавно на сайте «Вологодский литератор» (4 февраля 2018 г.) обратился к современникам, которых поработила страсть к автомобилям, лишила их естественной свободы. Называется это горячее воззвание «Раб машинный»:

«Бываешь в различных городах России и замечаешь, что чаще всего, особенно на въезде, встречаются вывески „Автозапчасти“, „Шиномонтаж“, „Автомойка“. Бывает, что эти магазины и сервисные центры соседствуют с храмами, что наводит на грустные размышления. И во всех этих и многих других «конторах» автомобилист обязан своевременно побывать и отдать должное своему новому господину – Автомобилю.

Современный человек обязан хорошо трудиться, чтобы «накормить» бензином, обуть, намыть, подлечить своего железного, бездушного господина Автомобиля, заплатить за него налоги. А господин этот – всё круче. Обходится всё дороже, всё больше привязывает к себе душу человека, как будто стремится переселить её из человеческого тела в своё – железное. <...> Люди! ... Задумайтесь, почему, зачем, для чего вы посланы в мир, и откуда у вас душа. Не унижайте её, не будьте рабами машин!» [224].

У наших вологодских поэтов совсем иное представление о воле и удали, они далеки от машинного рабства. Например, у поэта **Александра Пошехонова** есть такие строки о воле:

*Мне снилось клеверное поле,
Где до небес – рукой достать,
Где столько воли, столько воли,
Что невозможно не летать.*

Именно о такой воле, связанной с духовной свободой, и думают многие русские писатели.

Но есть в наше время писатели совсем другого типа. Их духовная чужеродность препятствует им проникнуть в русское народное самосознание, понять и принять его, поэтому слово удаль вызывает у них злую иронию, как например у С. Довлатова в «Заповеднике» (1983): «Между делом я прочитал Лихоносова. Конечно, хороший писатель. Талантливый, яркий, пластичный. Живую речь воспроизводит замечательно. <...> И тем не менее, в основе – безнадежное, унылое, назойливое чувство. Худосочный и нудный мотив: „Где ты, Русь?! Куда все подевалось?! Где частушки, рушники, кокошники?! Где хлебосольство, удаль и размах?! Где самовары, иконы, подвижники, юродивые?! Где стерлядь, карпы, мед, зернистая икра?!”».

Людей, лишённых истинного мужества и чуждых своему отечеству, Виктор Коротяев назвал *недоростками* в одноимённом стихотворении:

*Рок злоециий,
Божья ли немилость –*

А давно для мира не секрет:
Ничего из вас не получилось
Ни в восемнадцать
И ни в тридцать лет.
Может, я кого-то обижаю,
Но всегда
И у народов всех
Юноши,
Не ставшие мужами,
Вызывают жалость
Или смех.
Мните о себе, что вы – персоны,
Голубая кровь,
Почти что знать.
А ведь сами в общем
Не способны
Собственного краха осознать.
Хвастая дипломами своими,
Вспомните о клятвах на крови.
**Где же ваши подвиги во имя
Родины,
Свободы
И любви?**
Где они,
Высокие порывы,
Гордый дух,
Решительная статья?
Лопнули порывы,
Как нарывы,
Даже неудобно вспоминать.
Вместо меди – пропитое золото,
Как возмездье – старость невдали.
Говорите:
Время виновато...
Молодцы, виновника нашли.

**Нам перерастать любое время,
Чтоб ему указывать пути.**

Вы ж до своего –
Дурное семя –
Даже не сумели дорасти.
Смех и жалость – всё, что я имею
По закону нынешнего дня.
Я сегодня
Просто вас жалею.
Время досмеётся
За меня.

[84]

* * *

Наши писатели-классики высоко ценили удаль как национальную черту характера русского народа. К их словам нам надо бы прислушаться, а не к лепету мнимо русскоязычных. Николай Васильевич Гоголь не только к своим современникам, но и к нам обращался, когда писал: *«Удаль нашего русского народа – то чудное свойство, ему одному свойственное, которое дает у нас вдруг молодость и старцу и юноше, если только предстанет случай рвануться всем на дело, невозможное ни для какого другого народа, – которое вдруг сливает у нас всю разнородную массу, между собой враждующую, в одно чувство, так что и ссоры, и личные выгоды каждого – все позабыто, и вся Россия – один человек»* (Н. В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями).

В защиту веры в жизненные силы русского народа, в его удаль Федор Михайлович Достоевский писал: *«Такая вера в себя не безнравственна и вовсе не пошлое самохвальство. <...> Вера в то, что хочешь и можешь сказать последнее слово миру, что обновишь наконец его избытком живой силы своей, вера в святость своих идеалов, вера в силу своей любви и жажды служения человечеству, – нет, такая вера есть залог самой высшей жизни нации ...»*.

На том и стоим, тем и спасаемся даже в смутные времена русской истории.

ГРЕХ И ИСКУШЕНИЕ

Знай себя, бойся себя и хватит с тебя.
Преподобный Серафим (Романцов)

ОБРАЗЫ ГРЕХА И ИСКУШЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВОЛОГОДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В разные эпохи духовный смысл основных слов русского языка меняется в их обыденном употреблении, но он остается неизменным в православной традиции. В данной статье рассматриваются образы *греха* и *искушения* в произведениях современных вологодских писателей Станислава Мишнева и Александра Цыганова. Особенность нашего метода заключается в том, что привлекается не лексико-семантический контекст употребления слов, а сюжетный контекст произведения, в котором художественно выражается духовный смысл этих слов-понятий.

1. О мистической сущности греха

Произведения Станислава Мишнева читать очень тяжело, несмотря на их художественные достоинства и талант писателя. В чём дело? Признаюсь: их чтение мучает душу образами греховности современного человека, которые созданы писателем, но всегда имеют реальные прототипы в жизни.

Да, человек не может быть жив и не согрешить. Однако, как отмечал святитель Тихон Задонский, *«согрешить – дело немощи, а пребывать в грехе – дело дьявольское»* [170: 238]. В современной культуре это состояние нашей природы, то есть *пребывание в грехе*, признаётся естественным и так или иначе оправдывается. Как писал сто лет назад священник и богослов Павел Флоренский, *«новая культура есть хронический недуг восстания на Бога»* [149: 548], и этот недуг всё более усугубляется. Не только обычный читатель, но и иной писатель, считающий себя правдоискателем и поборником истины,

в подобных культурных условиях слепнет и теряет способность различать добро и зло. Проявляется это чаще всего в пристрастии к политическим лозунгам, которые обычно состоят из абстрактных символов, как правило, обманчивых и провоцирующих нестроения в обществе, поскольку понимаются они в разных социальных слоях населения по-разному. Как свидетельствует история, все попытки исправить нравственность человека через социальные революции и перестройки утопичны. Они борются не с причинами социального зла, а с его последствиями. Поэтому на смену одних общественных бед после очередной революции появляются новые беды. У искренних людей революционное вдохновение сменялось глубоким разочарованием, поскольку революционное насилие, это вулканическое извержение зла, порождает не героев, а тиранов и рабов [6: 33]. Люди революционной культуры особенно далеко отступают от Божьего замысла о них и творят беззакония во имя субъективного человеческого закона справедливости, забывая о Божий Воле и Божиим Суде. Ещё дальше ушли от Бога современные либералы: они решили уничтожить само понятие греха. А ведь вседозволенность – это любимая уловка Сатаны.

В Православии *грех* понимается как духовное явление. Это не просто эгоизм, ошибочные действия, различные нарушение этических норм, нравственных и юридических законов. Всё это только внешние оболочки греха [6: 33]. Апостол Иоанн Богослов писал в своем послании: *«Кто делает грех, тот от диавола, потому что сначала диавол согрешил. Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола»* (1 Ин. 3, 8).

Архимандрит Рафаил Карелин, современный духовный писатель, считает: *«Грех – оккультное явление. Мистика греха заключается в его богоборчестве. Грех – это вызов Богу во имя своей мнимой свободы. Это желание досадить Богу, уничтожить образ Божий в душе. Грех безобразен и бессмыслен, но он привлекателен именно дерзким бесстыдством»* [6: 36]. После грехопадения человек лишился блаженства: *«Был свободен, но сделался пленником; был свят и чист, но сделался осквернён и мерзок; был доброобразен и светел,*

но остался безобразен и темен; был храмом Святаго Духа, но остался жилищем нечистых духов» [170: 229].

Писатель Станислав Мишнев в своём творчестве продолжает традиции тех праведников, которые «особенно остро ощущали зло и грех, разлитый в мире, и в своём сознании не отделяли себя от этой порчи; в глубокой скорби они несли в себе чувство ответственности за общую греховность, как за свою личную, властно принуждаемые к этому своеобразным строением их личности» [150: 595].

Рассмотрим одно из последних произведений Станислава Мишнева – рассказ «Этап на Песь-Берест», опубликованный на сайте «Вологодский литератор» в мае 2018 года [106]. Сюжет рассказа отражает события гражданской междоусобицы, которая вспыхнула в России после Октябрьской революции 1917 года. Два крестьянина из одной местности пошли служить в НКВД, и теперь они вдвоём сопровождают колонну заключённых – арестованных священнослужителей, идущих по этапу в неизвестный пункт – Песь-Берест. Молодой крестьянин Гаврила Зареченский идёт впервые, настроен он благодушно, бедным арестантам зла не чинит, по-крестьянски заботится о лошадке, с удовольствием ведёт беседу со своим старшим сослуживцем – земляком Губиным, хотя тот пребывает совсем в другом настроении. Губин озлоблен, подозрителен, жесток к арестованным, циничен. Он ведёт арестованных не впервые и уже знает, что жизнь людей на этапе в его полной воле. Кроме того, среди сопровождаемых священников у него есть личный враг, которого он жаждет убить и в конце концов убивает по-зверски – топором.

К сожалению, этот сюжет многих не тронет: «Подумаешь, какие-то тёмные мужики на попов разозлились сто лет назад!» ... И духовный смысл рассказа останется непонятым. Ведь мы за двадцатый век уже так «закалили» себя, что нам ничего не страшно. В наше время мы являемся свидетелями множества диких преступлений, источником которых является не роковая ошибка, а демоническая греховная страсть, которая требует выхода. Это и постоянные террористические акты, это и разбойные нападения, это и убийства в быту даже своих

друзей и родственников, включая родителей и детей. Телевидение с готовностью даёт широкую картину всех этих ужасов.

Но попробуем хотя бы мысленно выбраться из этого привычного чёрного потока событий и, освободившись, остановиться, чтобы проникнуть вглубь своей души. Что там? Больно? Стыдно? Страшно!.. Только после осознания своей собственной греховности можно трезво смотреть на мир и на нашу современную литературу.

Рассказ С. Мишнева начинается с описания восхода солнца и утренней зари, которые для равнодушного сердца кажутся вестниками Божий благодати:

«Над гарью, как над остывшей адовой сковородой, рождался день; неуловимый свет сражался с неуловимой тьмой: начали слезиться на востоке звезды, розоветь небосвод. Словно подпираемое золотистыми мечами, приподнялось над землей отблескивающее медью солнце и застряло в черных просветах обгорелых лесин; и всеми красками заиграла апрельская зоря. Свет умыл протаявшие в сугробах выскири, будто расправил скрючившиеся за ночь корни-веревки, что добросовестный работник матери Вселенной. Без отдыха побежал по чаще леса, радостный и веселый».

Такое начало рассказа, далее изображающего мистическую бездну человеческой греховности, является сильным средством отчуждения от этого греха, потому что картина радостной и весёлой утренней зари является заветом того, что Бог есть, Его благодать изливается на русскую землю, которая в эпоху гражданской междоусобицы, по словам писателя, подобна *гаре, остывшей адовой сковородке*. Ведь в это благодатное утро по русской земле гуляют каиновы внуки, из-за злобной зависти и жажды «справедливости» готовые на убийство своих братьев.

Главный герой рассказа Губин – один из них. На первый взгляд кажется, что образ этого человека имеет только историческое значение. Да, в революционных событиях сто лет назад принимали участие не только самоотверженные борцы за народное счастье, которые не боялись пожертвовать собственной жизнью, но и активные «борцы» за свою личную удачу и шкурный интерес. Основной чертой таких

«борцов» была страшная жестокость, порождённая удивительной трусостью, вечным жутким страхом перед честными и мужественными людьми. Это был мистический страх перед Истиной. Именно к такому типу людей и относится Губин. Он всю свою жизнь завидовал своему родственнику дьякону, страшился его духовной силы и чистоты. И к этому мистическому страху прибавилась ещё бесовская боязнь, что начальство узнает о том, что этот арестованный священнослужитель – его довольно близкий родственник. И тогда он лишится своей должности и хорошего заработка. Ничего нового! Губин повторил грех Каина.

Если поразмыслить над современными событиями последних тридцати лет, то можно увидеть множество таких же губиных, творящих свой жестокий и неправый суд над невинными людьми, которые оказались по каким-то причинам в их власти. Девиз таких людей: «Пусть погибнет тот, кто нам мешает!» И речь здесь идёт не только о бандитах. Губины встречаются в любом слое современного общества, будь то чиновник, полицейский или врач, учитель, воспитатель детского сада, мать, отец, брат... (телевидение наполнено такими примерами). Вот это самое страшное! Губины множатся обычно в те исторические эпохи, в которых царит хаос и произвол, будь то революции и гражданские войны или анархия «перестройки», имеющих тёмные причины и цели.

Не зная Бога и Его отцовской благодати, мы беззащитны перед тёмными силами зла: властолюбивы, необоснованно гневливы и самонадеянны или, наоборот, трусливы и равнодушны. Именно поэтому нам нужна духовная прививка, защищающая нас от демонической силы греха. Священное Писание, творения святых отцов дают нам необходимые средства *для борьбы со злом в себе*. Приведу для примера слова Тихона Задонского, нашего великого святителя, жившего в XVIII веке, которые он произнёс с духовной силой и болью: *«Язва неисцельная – грех, которая совесть нашу уязвляет, мучит и снедает!»* *«Видите, коль великое зло есть грех, зло, паче всякого зла злейшее. О, воистину, лучше нагому ходить, нежели грешить; лучше в пленении и в темнице сидеть, нежели грешить; лучше в ранах и во всякой болезни быть, нежели грешить; лучше света не видеть и во тьме си-*

деть нежелли грешить; лучше ругание, посмеяние, укорение, поношение, биение и раны терпеть, нежелли грешить; ...Понеже всякое тое зло мучит тело едино, и мучит только временно, смерть бо всему зло-страданию конец полагает; тут всякое бедствие кончится. Но грех и тело, и душу мучит, и во веки без конца будет мучить» [170: 231].

Станислав Мишнев в своём рассказе с художественной убедительностью, на языке образов, говорит нам об этом же.

Другой герой рассказа – крестьянин Гаврила – проходит через искушение отомстить Губину за преступление. Он избивает убийцу и в гневе собирается задушить его, но его самосуд останавливает старый священник, один из арестованных: – *Сынок, – тихо раздалось сзади, – Будь выше тирана. Господи, смилуйся над нашим вздыханием, допусти до Таинства примирения с Тобой.* Слова старца-мученика остановили новое преступление и спасли Гаврилу от участи убийцы. Он лишь обезоружил Губина и лишил его власти над гонимыми по этапу людьми. Таким образом, писатель показал бессилие греха перед духовной силой старого священника, способного остановить другого человека, одержимого искушением мести.

2. Искушение как дорога к греху и как путь к спасению

В современном обыденном языке слово *искушение* сохранило только два значения: «действие по глаголу *искусить* – *искушать*» и «соблазн». Только как устаревшее в словаре указано значение «испытание, иску», а *искус* – это «серьёзное испытание; длительная и трудная проверка чьих-либо качеств» [МАС, 1: 680]. Между тем, это якобы устаревшее значение до сих пор имеет широкое употребление в устной речи православных людей, а также в духовной литературе. Именно искушение в православном его понимании лежит в основе сюжетов не только многих житий святых, но и современных рассказов, повестей и романов. Так, главный герой повести А. А. Цыганова «Защитник отечества» [194], Саня Орлов, проходит через множество искушений и, подобно былинному герою, выходит из них победителем – спасает других и сам спасается.

Поскольку эта повесть написана по канонам духовного реализма, то все тяжёлые испытания (то, что ранее называли *искусом*), которые выпали на долю Сани Орлова, имеют духовный смысл. Действительно, ранее в славянском *искушать* значило «испытывать, познавать», а *искусить* – «прельстить, соблазнить, обмануть», «испытать»; соответственно *искусный* значит «испытанный, опытный» [ПЦСС: 227]. Что же познал главный герой, проходя духовный искус в последовательном ряду искушений? В чём он стал опытным, какой опыт приобрёл?

Как пишет святитель Тихон Задонский, искушения бывают разными: *«Искушения ко злу, или прельщение, бывает или от диавола, который всяким образом ищет нас уловить, прельстить, ко греху привести и погубить; или от плоти, которая страстьми и похотьми берет нас; или от мира, который прелестию, суетою и соблазнами ко злу поощряет нас»* [170: 409]. В молитве «Отче наш» мы просим: *«И не введи нас во искушение, но избави нас от лукавого»*.

Вологодскому писателю А. А. Цыганову в своей повести «Защитник отечества» удалось раскрыть духовную суть происшествий, случившихся с его главным героем, показать, откуда берутся искушения, в чем их опасность и как её избежать, чтобы не погубить свою душу. В начале повести Саня Орлов предстает как честный, но ещё неискушенный человек, которому еще только предстоит познать козни тёмных сил в человеческой душе и увидеть своё бессилие перед ними в силу своей неосознанной греховности. Колян – непосредственный начальник Сани по полицейской службе – угощает его пивом во время дежурства, а затем на служебной машине по пьяной неосторожности сбивает на шоссе прохожего. Думая, что он мёртв, сослуживцы в панике уезжают, одержимые бесовским страхом расплаты. Через какое-то время они возвращаются на место преступления и обнаруживают исчезновение потерпевшего. Саня, как честный человек, предлагает сообщить о случившемся в полицию, однако начальник нагоняет на него страху, и он, как духовно неискушенный человек, ему подчиняется. Начинается своеобразное «стояние в грехе»: если первый раз Колян чуть не убил человека по неосторожности, то теперь он хочет найти этого несчастного и уже осознанно убить, чтобы никто не узнал

о его первом преступлении. Греховные помыслы начальника приводят Саню в смятение, но у него нет сил бороться, душа его еще не готова к этому. Однако, как говорил святитель Тихон Задонский, Господь никогда не оставляет человека в искушении [170: 414–415]. Так произошло и с молодым героем. Начальник Колян посылает Саню следом за учителем, которого они сбили и который, несмотря на травму, находит в себе силы поехать в паломничество к святому Серафиму Саровскому в Дивеево. Поездка эта переродила молодого полицейского, дала силы бороться со страшным искушением и уберегла от убийства. Вместо того чтобы отравить учителя (по замыслу его сослуживца Коляна) Саня полюбил его. Он увидел глубоко верующего, сильного духом человека. Описанный достоверно ключевой эпизод является символическим: молодого человека спасает именно его предполагаемая жертва, когда Саня тонет в реке. Человек, по бесовскому наваждению готовый к убийству, вдруг духовно прозревает и приходит в трепет от собственных греховных помыслов. Здесь уместно снова обратиться к поучениям святителя Тихона: *«искушения научают терпению, и при буре искушений следует утверждать в сердце любовь, которая и спасет от падения и гибели»* [170: 414–415]. Пребывание в монастыре и приобщение к святыне, знакомство с православными людьми окончательно преображают душу молодого человека. Таким образом, Саня Орлов приобретает духовный опыт, душа его раскрывается и очищается от греховных помыслов, посеянных Коляном, а исходно – врагом рода человеческого. Во второй части повести этот герой успешно проходит через новые тяжелые испытания его силы воли и нравственной стойкости. В заключение лукавый готовит самое тонкое искушение – гордыней и обещанием земных благ. Но и здесь Орлов выстоял.

Следуя святоотеческой традиции, святитель Тихон считает, что искушения полезны для исцеления души. Они помогают познать самого себя, свою греховность, раскрывают внутреннее состояние сердца. Только познав свои грехи, человек сможет их победить. *«Совершенствование невозможно без искушений»*, – говорит святитель [170: 409]. Именно эта духовная сторона понятия *искушение* и раскрывается в сюжете повести А. А. Цыганова «Защитник отечества».

ПОКАЯНИЕ

*Помилуй мя, Боже,
по велицей милости Твоей...
(Пс. 50:1)*

«КАК БУДТО ДИТЯ ИЗ ПОЖАРА, Я ДУШУ СВОЮ ВЫНОШУ»

Тема покаяния в русской поэзии

В XX веке, когда неверие было господствующим мировоззрением, о слове *покаяние* сложилось представление, что это чисто церковный термин: дескать, каяться нам не в чем, мы сами всё знаем и понимаем, как нам жить.

Действительно, первоначально при переводе Священного писания и других текстов на славянский словом *покаяние* переводили греческое слово *μετανοια* (*μετανοειν*), обозначающее церковное покаяние человека перед Богом за совершенные и осознанные им грехи. Это греческое слово буквально значит «перемена мыслей». В психологии и психиатрии, которые, как известно, любят иностранные слова, термин *метанойя* до сих пор используется. В православной традиции мы продолжаем пользоваться своим славянским словом *покаяние*. Существует богословская литература о покаянии как очищении души от греха и получения Божией благодати, духовной радости. Высоко ценится в христианском мире учение о покаянии вологодских святых – преподобного **Нила Сорского** [128: 174–184] и святителя **Игнатия Брянчанинова** [144: 183–206, 792–824].

Вместе с тем, чувство, обозначенное словом *покаяние*, живёт в любой душе, если она не омертвела. Поэтому покаяние свойственно человеку с древних времён, о чём свидетельствуют древние языки, в которых оно так или иначе находило своё выражение. Важно знать, что это слово имеет в народной речи разных славянских языков много однокоренных слов, что засвидетельствовано в диалектных

и этимологических словарях, например, в «Этимологическом словаре славянских языков» под редакцией академика О. Н. Трубачёва [ЭССЯ, 9] и в «Словаре русских народных говоров» [СРНГ, 12, 21]. О. Н. Трубачёв считал, что корень этого слова *-кай-* имеет ещё более раннее индоевропейское происхождение, и в доказательство приводит авестинское *kađu* [ЭССЯ, 9: 116; 174: 22].

Итак, в народной культуре и в народном мирозерцании понятие о покаянии издавна существовало. В «Словаре русских народных говоров» содержится богатейший материал, подтверждающий это. Так, в Калужской и Смоленской области, говоря о покаянии, использовали слово *кая*, в Архангельской – *кай*, *каянка*, *кайка*, в Пермской – *каята* [20: 323–324]. С древнерусских времён *каяти* значило «поричать» (смотри «Слово о полку Игореве») и «исповедывать», а *каяться* – «сожалеть» «сознаваться с сожалением», «сознавая греховность, приносить покаяние». От этих глаголов в народной речи образованы и другие глаголы: *кайкачь* «горевать, печалиться о чем-либо» [Арх.; *кайкачать* «горевать, тужить, печалиться о чем-либо» Арх., Вят.; «говорить о своем горе, печали» [Арх.; «сожалеть, раскаиваться в чем-л» [Арх., Вят.; «сомневаться, быть в нерешительности, раздумывать» Арх., Новг. Череп. СРНГ, 12: 325]. Таким образом, в говорах присутствует большое количество слов, выражающих сожаление о совершенных поступках, которые приводят к горю и печали и мучают совесть.

Далее обратимся к теме покаяния в русской поэзии. Эта тема разрабатывалась в различных культурно-исторических контекстах и соответственно получила различное поэтическое истолкование. По нашим наблюдениям, существует четыре мировоззренческие и стилистические установки при обращении к этой теме: 1) библейская, 2) романтическая, 3) эмоционально-психологическая (лирическая), 4) публицистическая. В современных поэтических произведениях они могут взаимодействовать.

1. В народной духовной поэзии «покаянный стих», или «умиленный стих», получил распространение начиная с XV–XVI веков и до наших дней [23; 118; 119; 120; 158; 164]. В этих произведениях, первоначально созданных в монастырских стенах, но получивших

широкое бытование в православном народе, звучит призыв к собственной душе проснуться от греховного сна и покаяться:

*Что ты спишь, душа моя,
непробудным крепким сном?
Что ты спишь, душа моя,
непробудным крепким сном?
А проспишь, душа моя,
Царствие Небесное...*

В современном сборнике духовных стихов, составленном известным старцем протоиереем **Николаем Гурьяновым**, представлено достаточно много произведений, посвященных этой теме: «Пора тебе уж пробудиться», «Душу буди», «Призыв к покаянию», «Увещание душе» и др. [131: 12, 32, 155, 181]. Звучит подобное обращение к душе и в любимой многими православными песне **отца Романа (Матюшина)** [60]:

*Что ты спишь, восстань, душе моя!
Иль самой себя не вынести?*

В этих строках, как и в народных духовных стихах, нашли отклик слова Великого покаянного канона **Андрея Критского**, жившего в седьмом веке: «*Душе моя, душе моя, восстани, что спиши? Конец приближается, и имаше смутитися: воспрями убо, да пощадит тя Христос Бог, везде сый и вся исполняяй*». Или в другой части этого канона: «*Воспрями, о душе моя, деяния твоя, яже соделала еси, помышляй, и сия пред лице твое принеси, и капли испусти слез твоих ...*». Канон этот читается в церквях на первой и пятой неделе Великого поста каждый год.

В своей песне о. Роман обращается далее к словам пятидесятого псалма царя Давида, которые он передает современным поэтическим языком:

*Так открой Псалтырь Давидову
И покайся Судии:
Боже, Боже мой, помилуй мя
По велицей Твоей милости!*

*И по множеству щедрот очистиь
Беззаконие мое!» ...*

1987 г.

Этот пятидесятый псалом вдохновлял многих русских поэтов, начиная с **Г. Р. Державина**:

*Помилуй мя, о Боже! по велицей
Мне милости Твоей,
По множеству щедрот, Твоей десницею
Сгладь грех с души моей;
А паче тайных беззаконий
Очистиь – их знаю я.*

...

1813 г.

Бессмертные строки этого псалма мы встречаем и у вологодских поэтов. **Андрей Лушников** развивает тему пятидесятого псалма по-своему и так удивительно лично и глубоко, что читатель, сливаясь с миром его покаянных чувств, сам начинает проникаться этими чувствами [94: 16]:

Псалом

*Когда холодный взгляд ночной пустыни
Моё изучит сердце наизусть,
И на лице, как будто шрам, застынет
Какая-то особенная грусть,*

*Тогда, вот эту стужу принимая
И понимая то, что поделом
Всего меня объяла мгла немая,
Я прошепчу спасительный псалом*

**«Помилуй мя, мой Боже, по велицей,
Неизмеримой милости Твоей.**

*В ночи холодной сердце бьётся птицей,
Его Своей любовью обогрей».*

*И вздрогнет вдруг душа от удивленья.
И замерцает что-то впереди.
И посветлеет ночь саможаленья.
И потеплеет радостно в груди.*

Лирический сюжет этого стихотворения имеет духовные основания, которые определяются опытом истинного покаяния самого автора. В первой части стихотворения описано состояние человеческого сердца, в котором нет Бога, и тогда *«холодный взгляд ночной пустыни / Моё изучит сердце наизусть»*. Человеку в неосознанно грешном состоянии, когда он удаляется от Творца, очень неуютно и холодно в *«ночной пустыне»*. Грех ранит душу, оставляет шрам, поэтому:

*И на лице, как будто шрам, застынет
Какая-то особенная грусть...*

Святитель Тихон Задонский учил: кто не кается, тот мёртв. Приведу его слова: *«Все бо сии живши мертвецы суть, которые истиннаго покаяния не творят, но по своим прихотям живут»* [170: 729].

Однако смирение и осознание своей греховности дают человеку Божию благодать – приводят к покаянию, которое понимается как избавление от стужи духовной смерти:

*Тогда, вот эту стужу принимая
И понимая то, что поделом
Всего меня объяла мгла немая,
Я прошепчу спасительный псалом.*

Далее, во второй части стихотворения, описано пробуждение души от духовного сна и обращение к Богу с покаянием и мольбой о помощи:

***Помилуй мя, мой Боже, по велицей,
Неизмеримой милости Твоей.***
*В ночи холодной сердце бьётся птицей,
Его Своей любовью обогрей.*

Милосердный Господь отзывается: тогда *«И посветлеет ночь саможаленья. И потеплеет радостно в груди»*.

Важным представляется тот факт, что образы этого стихотворения Андрея Лушникова близки образам Покаянного канона, составленного оптинским иеромонахом Василием (Росляковым), убиенным в пасхальную ночь в 1993 году. Так, состояние души, по греховности отдалившейся от Бога, передаётся обоими авторами через образы ночи, тьмы и стужи, а возвращение к Господу путём покаяния – через образ теплоты и света. Сравните поэтический текст А. Лушникова с небольшим отрывком из Покаянного канона иеромонаха **Василия Рослякова**:

Оставих Тя, Свете истинный, тьма обдержит мя и хлад, огонь мудрования моего не греет мя, нощи смертныя ужасаюся. Востани рано, Господи, Солнце мое, и оживи мя теплотою Духа Твоего.

Вологодский поэт **Константин Козлов** также обращается к библейским образам покаяния в своём творчестве. Далее приведём его стихотворение, где в качестве эпиграфа приводятся строки из 129 псалма:

*Из глубины воззвах к Тебе, Господи,
Господи, услыши глас мой. (Пс. 129:1)*

*Христос мой Бог и Утешитель,
Спасенье мира вижу в Нём.
Его небесная обитель
Струит молитвенным огнём.*

*Из тьмы греха к Нему взываю:
«Помилуй, Господи, меня,
Помилуй всех нас! Я ль не знаю,
Как Ты спасал меня, храня*

*От необдуманнных решений,
От обольстительного сна,
От своевольных искушений,
От игрищ, песен и вина.*

*Я виноват. Услыши, Боже!
Ты Свет любви – а без неё
Никто не может ничесоже.
Прими ж раскаянье моё!»*

...

1993 г. [82: 17]

Обращаясь к жанру псалма при написании многих своих покаянных стихотворений, К. О. Козлов использует церковнославянизмы, которые у него совершенно естественно включаются в современную поэтическую речь, что говорит о молитвенном навыке поэта. Эта языковая особенность особенно характерна для его стихотворения, которое так и называется «Псалом»:

*О лютее мне! Грехом великим
Я, видно, Бога прогневил;
Безумием нелепым, диким
Его невольно оскорбил.*

*И вот – наказан. Боже, Боже!
Как тяжела эпитимья!
Но знаю: платят и дороже
За то, в чём нынче каюсь я.*

*Благодарю Тебя, Владыко,
Зане меня не погубил,
Но этой скорбию великой
На покаянье обратил.*

*Благодарю Тебя! Скорбями
Ты присно избавляешь нас
От мрачной бездны, что пред нами
Отверзет недра в судный час.*

1998 г. [82: 55]

Живым символом христианского покаяния является преподобная Мария Египетская. На пятой неделе Великого поста в память

о покаянном подвиге этой святой издавна в церквях проходит Мариино стояние, во время которого читается полностью покаянный канон Андрея Критского и житие Марии Египетской. Образ этой великой подвижницы духа, которая через покаяние и духовные подвиги из великой грешницы превратилась в великую святую, вдохновлял многих поэтов, начиная с духовных лиц (Викарий Астанайской и Алма-Атинской епархии епископ Каскеленский Геннадий [215]), классических поэтов (С. С. Бехтеев, М. Кузмин) и кончая современными самодельными поэтами (Наталию Соллогуб, Николая Андриянова, Алену Ивановскую, Евгению Давыдянец [216], Елену Кириллову [217], Татьяну Лазаренко [218], Елену Русецкую [219]). А. П. Ерёмин посвятил этой святой целый цикл стихотворений [220]. Есть даже авторская песня Евгения Гранта [221]. Вологодский поэт Константин Козлов также обращается к поэтическому изложению жития святой Марии Египетской [82: 20]:

*В пустыне просиявший камень,
Молитвы древний идеал,
Мария слабыми руками
Себя гранила как кристалл.*

*Она навеки удалилась
От мира злобы и греха,
В пустыне скорби поселилась,
Темна, сурова и тиха.*

*Терпя великие лишенья,
Мария в Боге возросла;
Она презрела искушенья
И победила духа зла.*

.....

Таким образом, традиции молитвенного и поэтического покаяния продолжают и в наши дни. Греет надежда о духовном возрождении нашего Отечества.

2. В романтической поэзии образы и сюжеты покаяния имеют свои особенности, обусловленные её стилем и жанрами. К покаянию приходят люди сильных страстей, совершившие когда-то ужасные преступления. Например, героем баллады **В. Жуковского** «Покаяние» стал шотландский властитель, который сжег в часовне венчающуюся с его вассалом возлюбленную им девушку. Вскоре его душа прозрела и, изумлённая и измученная воспоминанием о преступлении, покаялась. Всю оставшуюся жизнь покаявшийся грешник провел в странничестве и нищете. См. также балладу В. Жуковского «Рыцарь Роллон».

Образ раскаявшегося разбойника является одним из любимых в русской поэзии. К нему обращались не только в устном народном творчестве (самый известный из них – разбойник Кудеяр), но и многие поэты, например, **В. К. Кюхельбекер** (баллада «Кудеяр»), **И. И. Козлов** (поэма «Чернец», 1825), **Н. А. Некрасов** («О двух великих грешниках» в поэме «Кому на Руси жить хорошо»), **В. Я. Брюсов** («Сказание о разбойнике») и др.

В творчестве **Н. М. Рубцова** также есть образы раскаявшихся разбойников: это главные герои его поэмы «Разбойник Ляля». Атаман Ляля отказался от разбойной жизни ради любви к прекрасной княжне и поэтому гибнет, убитый своим помощником по былому разбою. А разбойница Шалуха, после гибели своего любимого атамана, покаялась и стала кроткой нищей странницей [139: 431–439]:

*Бор шумит порывисто и глухо
Над землёй угрюмой и греховной.
Кротко ходит по миру Шалуха,
Вдаль гонима волею верховной.
<...>
Так, скорбя, и ходит богомолка,
К людям всем испытывая жалость,
Да уж чувствует сердце, что недолго
Ей брести с молитвами осталось. ...*

3. Большую эмоциональную силу имеют покаянные произведения, которые являются поэтической исповедью лирического героя.

Основы покаянной поэзии в русской художественной литературе были заложены **А. С. Пушкиным**. Поэт разрабатывал эту тему прежде всего в библейском и святоотеческом ключе [7]. Так, известно его поэтическое переложение молитвы Господней «Отче наш». В стихотворении «Отцы пустынноики» великопостная покаянная молитва **Ефрема Сирина**, переведенная А. С. Пушкиным на современный ему поэтический язык, предваряется личным покаянием поэта:

*Отцы пустынноики и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всё чаще мне она приходит на уста
И падшею крепит неведомую силу: ...*

Именно благодаря этому личному покаянию последующая далее в стихотворении молитва Ефрема Сирина тоже воспринимается как исповедь самого поэта:

*Владыка дней моих! Дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей –
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.*

Покаянный голос А. С. Пушкина звучит во многих его стихотворениях. Особенной мужественной духовной силой наполнена исповедь и покаяние поэта в элегии «Воспоминание» (1828 г.):

*Когда для смертного умолкнет шумный день,
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень*

*И сон, дневных трудов награда, –
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья;
Мечты кипят; в уме, подавленном тоской,
Теснится тяжких дум избыток;
Воспоминание безмолвно предо мной
Свой длинный развивают свиток:
И, с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклиная,
И горько жалеюсь, и горько слёзы лью,
Но строк печальных не смываю.*

Вологодские писатели следуют пушкинской традиции – очищают душу покаянием и надеются на милость Бога. **А. А. Романов** призывал нас [135: 75]:

*Было много надежд, да не помним.
Под могильным крестом всякий путь.
В этом мире, от века греховном,
О раскаянии не позабудь...*

В последний год своей жизни поэт **Виктор Коротяев** написал покаянное стихотворение, которое начинается так [84]:

*Пришла пора замаливать грехи.
Не так уж много времени осталось.
Не зря,
Не зря предзимняя усталость
Диктует покаянные стихи.
Пора,
Пора замаливать грехи.*

...

Поэтическое покаяние каждого автора так же неповторимо, как неповторима личность каждого и его поэтический дар. Вот чисто **есенинская** исповедь:

*Не за песни весны над равниною
Дорога мне зеленая ширь –
**Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь.***

*Каждый вечер, как синь затуманится,
Как повиснет заря на мосту,
Ты идешь, моя бедная странница,
Поклониться любви и кресту.*

*Кроток дух монастырского жителя,
Жадно слушаешь ты ектенью,
Помолись перед ликом Спасителя
За погибшую душу мою.*

1916

А вот чисто **блоковское** покаяние:

*Вздыхают светлые думы
В измученном сердце моём,
И падают светлые думы,
Сожжённые тёмным огнём.*

У **Николая Рубцова** свои покаянные слова, которые тем духовно сильнее, что идут не от разума, а от сердца в минуты необыкновенного просветления души [139: 345]:

На озере

*Светлый покой
Опустился с небес
И посетил мою душу!
Светлый покой,
Простираясь окрест,
Воды объемлет и сушу...
О, этот светлый
Покой-чародей!
Очарованием смелым*

**Сделай меж белых
Своих лебедей
Черного лебедя – белым!**

Апостол Павел в «Послании к римлянам» (глава 7) исповедовался: «Ибо не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю» [13]. Осознанно или нет (теперь уже не спросить) поэт **Виктор Коротаяев** повторил эти покаянные слова апостола в своем стихотворении [84: 68]:

*Нередко взмывая с размаху
На гребень идущего дня,
Я думаю с болью и страхом:
Надолго ли хватит меня?
Забыта средь грома и шума
Торжественность звездных ночей,
И некогда стало подумать,
И кто ты такой,
И зачем.
Из гари и пыли недаром
К берёзке, к реке,
К шалашу,
**Как будто дитя из пожара,
Я душу свою выношу.
И там в одиночестве с нею
Опять покаянно шепчу,
Что жить, как я жил, -
не хочу,
А жить, как хочу, -
не умею.**
И, чувствуя светлую зависть
К сынам колокольных веков,
На лапник душистый склоняюсь
И плачу, и плачу легко ...
Потом засыпаю,
сквозь слёзы*

*Себе успевая шепнуть,
Что утром
Река и берёза
Наставят на истинный путь.*

Трагически звучит поэтическое покаяние белозерского поэта **Алексея Шадринова** [196]. Такое впечатление, что говорит не четырнадцатилетний отрок, а отринувший греховный мир монах-аскет:

*Ну что ж, мы жизнь свою проклянем
До розовых её минут,
И всё бывшее вдруг помянем
В тот миг, когда свершится суд.
Сейчас не то, сейчас идут мгновенья,
Им счёта нет, и нет для них цены.
Но разорвутся нашей жизни звенья
В тот миг, когда прервутся наши сны.*

1987 г.

Но самое сокровенное покаяние поэт произнёс в стихотворном цикле «Отшельник» в последний год своей жизни перед гибелью в девятнадцать лет в армии:

*Мне некому подвигнуть оправданье,
И вздох мой тайный канет у теснин.
Прими моё блаженство и страданье,
Мой Отчий Бог, Пресветлый Дух и Сын!*

1991 г.

После прочтения такой поэтической исповеди невинного юноши разве сможет наше сердце себя оправдывать и лелеять свои грехи! Нет! Оно должно переродиться и очиститься!

4. В XX веке в русской литературе тема покаяния получила, кроме лирического, эпического и публицистического звучание. Подобно древнему пророку, поэт бичует грехи своего народа и призывает к покаянию. Одним из таких поэтов был **Сергей Сергеевич Бехтеев**. Приведу здесь только одно из многих покаянных его стихотворений, написанное уже в эмиграции в 1937 году [28: 349–350]:

Мой народ

*Среди скорбей, среди невзгод,
Всегда я помню мой народ;
Не тот народ, что ближним мстит,
Громит, кощунствует, хулит,
Сквернит святыни, нагло лжет,
Льет кровь, насилует и жжет,
Но тот народ – святой народ,
Что крест безропотно несет,
В душе печаль свою таит,
Скорбит, страдает и молчит,
Народ, которого уста
Взывают к милости Христа
И шепчут с крестного пути:
«Помилуй, Господи, прости!..»*

Мощной по силе покаянного чувства является незавершённая поэма **Николая Алексеевича Клюева** «Каин» (1929). Поэт с болью в сердце показывает жуткие картины кощунственных преступлений против православного народа, Церкви и всего святого, которые вершились в России после революции. Он описывает массовое богоотступничество людей, охваченных каиновым грехом, который является главной причиной гражданской междоусобицы. Он и себя считает причастным к этому греху. Однако Клюев верит, что народ покается, прозреет и снова обратится к Христу. Тогда и наступит «Руси крещенное второе», что и произошло в наши дни [77: 100]:

*Сегодня праздник не стрибожий.
Явился солнечно пригожий
К гагарьим заводям Христос,
Покинув кров, по мхам и хвоям,
К нему идут настух и воин,
И рощи утренних берез.
Прядя дремучею ресницей,
Не могут кедры надивиться:*

*К реке, как в икрометье сомы,
С холстов текут людские сонмы –
Руси Крещение второе.
Ведут детей пчелиным роем,
Сребристой пены лен одежд...*

Пророческое начало всегда было в творчестве русских поэтов, даже в глухие безбожные времена. Одним из самых сильных поэтов-пророков того времени, будивших людские души и призывающих к покаянию, был **Юрий Поликарпович Кузнецов**. В стихотворении «Вина» символом греховности русских людей в XX веке представлен образ заброшенного храма, зарастающего травой и лозой:

Вина

*Мы пришли в этот храм не венчаться,
Мы пришли в этот храм не взрывать,
Мы пришли в этот храм попроситься,
Мы пришли в это храм зарыдать.*

*Потускнели скорбящие лики
И уже ни о ком не скорбят.
Отсырели разящие пики
И уже никого не разят.*

*Полон воздух забытой отравы,
Неизвестной ни миру, ни нам.
Через купол ползучие травы,
Словно слёзы, бегут по стенам.*

*Наплывают бугристым потоком,
Обвиваются выше колен.
Мы забыли о самом высоком
После стольких утрат и измен.*

*Мы забыли, что полон угрозы
Этот мир, как заброшенный храм.*

*И текут наши детские слёзы,
И взбегает трава по ногам.*

*Да! Текут наши чистые слёзы.
Глухо вторит заброшенный храм.
И избегают ползучие лозы,
Словно пламя, по нашим ногам.*

1979 г.

Глядя на заброшенный храм, душа плачет и страшится этого мира, лишённого святыни:

*Мы забыли, что полон угрозы
Этот мир, как заброшенный храм.
И текут наши детские слёзы,
И взбегает трава по ногам.*

Ранее (см. раздел «Молитва») мы уже цитировали стихотворение вологодской поэтессы **Наталии Петровны Сидоровой**, которое также посвящено теме покаяния:

Покаяние

*Осуши наши слёзы, Мессия,
Ради подвига вечной любви!
Терпеливая мать Россия,
Мы безумные дети твои.*

...

В конце XX века наступило время, когда новое поколение русских людей вдруг прозрело (Это было настоящим чудом, милостью Божией!). С жёсткостью и прямотой молодых и горячих оно, это поколение, стало осмысливать события последнего столетия. Именно тогда, в 1993 году, вологодский студент **Константин Козлов** написал стихотворение «Вина» (кстати, с таким же названием, как и у Юрия Кузнецова») [82: 12]:

*В умах – разброд, в сердцах – печали...
О люди русские, ваш крест!*

*Не вы ли сами заключали
Живого Бога – под арест?*

*Не вы ль иконы жгли, рубили
На безобразные дрова?
Не ваши ль жёны юбки шили
Из золотого Покрова?*

*Вы порушали Божьи храмы,
Украив богатства алтаря,
Вы братьям наносили раны
И не спасли Государя.*

*Так не вините злую волю
В несчастьях русского пути:
Мы сами выбрали долю...
Прости нам, Господи, прости!*

Слова молодого поэта жгут справедливым упрёком, они наполнены покаянным чувством за свой народ, от которого он себя не отделяет, и поэтому в конце стихотворения он умоляет Бога: «Прости нам, Господи, прости!».

В девяностые годы наступила эпоха свободы вероисповедания, открылись храмы, полилось в них молитвенное покаяние, но одновременно за стенами храмов всеобщий разврат охватил души незащищённых от тёмных сил людей, воспитанных в безбожии и соблазнённых вседозволенностью либеральной эпохи. Ю. П. Кузнецов, страдая за судьбу своего народа, страшится его духовного перерождения. В 1998 году появилось его стихотворение «Предчувствие», действительно, проникнутое грозными и страшными предчувствиями:

*Всё опасней в Москве, всё несчастней в глуши.
Всюду рыщет нечистая сила.
В морду первому встречному дал от души,
И заняла рука, и заняла.*

*Всё грозней небеса, всё темней облака.
Ой, скаженная будет погода!
К перемене погоды заныла рука,
А душа – к перемене народа...*

Поэтическое покаяние нетленно и часто бывает снова востребовано уже в новую эпоху и в новое время. Меня, например, поразило стихотворение С. С. Бехтеева, которое написано около семидесяти лет назад, но звучит так современно и сейчас: в нём поэт приносит покаяние за грехи и нашего поколения, он обращается и к нам [28: 378]:

Мы все повинны

*Мы все, друзья, повинны в том,
Что не горим святым огнём
Любви к взрастившей нас отчизне,
Что мало думаем о ней
В години грозных, мрачных дней,
Кошмаром ставших в нашей жизни.*

*Ища себе удобств и благ,
Мы устремляем каждый шаг
К тому, что страсти наши манит,
Что всем нам радости сулит,
Что наши помыслы пьянит,
Но, что в конце нас всех обманет.*

*Забыв наш культ, наш быт, наш род,
Стремимся тщетно мы вперёд
Куда-то в призрачные дали,
Надеждой праздной сердцу лжём
И безрассудно создаём
Себе лишь новые печали.*

*Сменив свой лик на лик чужой,
Язык на говор не родной,*

*Мы неприметно исчезаем.
И позабыв мятежный нрав,
В международный пегий сплав
Себя постыдно обращаем.*

* * *

В заключение замечу: следует с доверием относиться к нашим поэтам, вдумываться в их слова и следовать за их чувствами и мыслями, потому что, как сказал наш поэт **А. А. Романов:**

*Любовь, беду, тревогу
Переплавляя в стих,
Поэт всех ближе к Богу
В страданиях своих.*

СОБОРНОСТЬ

*...Но привела опять дорога сюда, где Бог.
Где Он затеплил в поколеньях
любви огонь,
соединив, как цепи звенья,
ладонь в ладонь.*

Юрий Максим

ОБРАЗЫ И СИМВОЛЫ СОБОРНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВОЛОГОДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Во времена буйства «прав человека», которые уничтожают человека как Божие творение, давайте вспомним слово *соборность*, которое обозначает единство людей по своему естеству и в Боге. Оно проявляется во взаимопонимании, в сочувствии, в умении человека жить не только в себе, но и в других так же, как в себе. На соборности основаны семья, церковь, государство. Литературное творчество человека возможно только благодаря остаткам в нем древней соборности в её высшей грани. К сожалению, *соборность* нынче начинает подменяться *толерантностью*, то есть терпимостью, снисходительностью к кому-либо другому, как определяется значение этого слова в словаре. Всего лишь терпимость и снисходительность к неравным себе! Разве это можно сравнить, например, с тем чувством теплого единения и взаимопонимания с родными, которое испытывает ребёнок, носитель соборности, в дружной семье!

Соборность как православный и русский национальный символ имеет свою историю и традиции употребления. Образовано оно от прилагательного *соборный*, а то, в свою очередь от отглагольного существительного *собор* ← *собирать(ся)*. Оба исходных слова в старославянском и церковнославянском языках (*сѣборъ*, *сѣборьнь*) были многозначными, о чём свидетельствуют переводы церковной литературы с греческого на славянский, в которых эти слова использовались в самых различных контекстах и могли обозначать различные реалии. При этом они всегда сохраняли своё исходное значение, связанное с идеей собирания в единое целое. Например, слова

съборъ, соборъ имели значения: «собрание» «общество, компания», «собрание епископов», «храм, в котором служат несколько священников» [ПЦСС: 627; СС: 638]. Прилагательное *съборьнь* уже в старославянском и церковнославянском имело оценочные (концептуальные) значения -»совместный, всеобщий», «вселенский» [СС: 638]: *соборный* – «общий, ко всем относящийся» [ПЦСС: 627]. Заметим, что в последнее время в публицистике это слово употребляется только православными авторами, а в либеральной печати вытеснено не только исконно русское православное слово *соборный*, но даже и такие более нейтральные слова, как *всенародный* и *всеобщий*. Их заменило иностранное слово *тотальный*, которое вошло в моду. Даже диктант по русскому языку для всех, желающих его написать, именуется *тотальным*. Наши предки были умнее: они умели использовать богатые смысловые возможности родного слова и не заимствовали слепо чужие слова, а находили в своём родном языке им соответствия. Достаточно посмотреть, например, в «Полном словаре церковно-славянского языка» протоиерея Григория Дьяченко и убедиться, что словом *соборъ* переводили с греческого значения очень многих иноязычных слов, в том числе и такого, как греческое *δημος*, которое звучит как демос и значит – *народ* [ПЦСС: 627].

Как известно, слово *соборность* как идеологический термин, обозначающий духовное единство русского народа на основе Православия и общей исторической судьбы, стал использоваться в первой трети XIX века славянофилами, прежде всего, А. С. Хомяковым. Слово это, выражающее национальную русскую идею, шельмуется либералами, революционерами и просто ненавистниками русской культуры уже около двухсот лет. Однако эта идея жива, живо и слово *соборность*. Историческое обоснование их жизненной силе дают многие современные мыслители.

М. М. Пришвин, православный писатель, считал соборность универсальной основой мироздания: «<...> вселенная по замыслу Божию есть соборность существ, в которой раскрывается Бог <...> Эта соборность строится не хаотически, а по Божьему плану, в котором всякому существу указано свое место: и земле, и небу, и траве,

и деревьям, и рыбам, и человеку. Соборность эта держится через взаимную связь входящих в нее существ». [129].

По мнению современного известного историка профессора И. Я. Фроянова, «русский этнос, русские славяне во времена Киевской Руси прошли замечательную школу коллективизма и соборной демократии, которая возникала благодаря крещению Руси. <...> Православная вера, православная церковь как нельзя более соответствовали и соответствуют глубинным качествам и свойствам русского этноса. Соборность ведь – та же коллективность, так что одно соединилось с другим. И если русский коллективизм до принятия христианства имел больше бытовой характер, то с принятием христианства он приобрёл метафизический, мистический, сакральный характер. С поры крещения Руси русская соборная церковь и русский православный люд, живущий на коллективистских началах, сошлись в гармонии, которая, между прочим, не поколеблена ещё и до сих пор» [189].

К соборности русской литературы в разные эпохи ее существования обратились и современные литературоведы. Так, И. А. Есаулов рассматривает в этом ключе древнерусскую и классическую литературу, а также отдельные произведения современных писателей [44].

Таким образом, старинное слово *соборность* в наше время возрождается заново, так как обозначаемая им идея живёт в народе и даёт силы в борьбе за единство русского мира. У этой идеи в русском языке много и других слов-символов, близких по смыслу к её главному словесному обозначению. Все они отражают разные грани соборности, которая по-прежнему, вслед за А. С. Хомяковым, традиционно понимается как свободное и органическое единство людей на основе любви к Богу и взаимной любви верующих друг к другу.

Наблюдая за мыслями вологодских писателей в их поэтических и прозаических произведениях, мы постоянно встречаем слова и образы, кровно связанные с русской православной идеей духовного единства народа.

«НАШЕ ВЕЛИКОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ РОДСТВО»

Мы не сможем обрести себя без духовного единения с народом, с его самосознанием в прошлом и настоящем. Стихотворение в прозе Александра Александровича Романова так и называется – «Обретение себя»:

*«Я вскинул взгляд в надвратное пространство алтаря и замер от пронзившего меня взора Богородицы. Огромные глаза, таившие счастье и муку материнства, казалось, вопрошали с высоты: **понимаю ли я жертвенную благодать жизни? И неотступно ширясь передо мной и во мне, эти глаза видели всю мою потайную сущность, и я, может, впервые так тревожно цепенел, стоя перед неотвратимым ясновидением.***

*И белые блики, всё более сиявшие из глубины тёмных зрачков, и задумчивая молитвенность лица, обрамлённого лиловым хитоном и склонённого с живым участием ко мне, как и к любому, входящему в храм – вся эта озарённость Богоматери с младенцем Иисусом на руках была пронизана **тёплыми кругами восходившей во мне радости.***

*И я жарко перекрестился. И сразу услышал голос моей покойной матери, словно бы очутился вблизи неё. Я оглянулся вокруг себя на молящихся женщин и понял, что все истово молящиеся страдальцы похожи на мою бедную мать. И лицо её пригожее, чистое, сиявшее от молитв, которые я слышал с детства, из памяти обернулось как будто въявь, и я увидел свою мать, стоявшую перед иконой Божьей Матери с зажжённой свечкой в руках. И воскрес во мне её голос, и слышал я, как она поминала всю нашу родню – начиная с моего отца, убиенного на Отечественной войне, родителей своих, и всё шире и далее охватывала поимённо **наше великое крестьянское родство ...***

Так смала я запомнил свою молящуюся мать, от неё запали мне в душу и в сознание родственные имена вплоть до третьего колена с отцовской и материнской стороны.

И любо мне было чувствовать себя в таком широком и добром круге родства. И сам с годами, и мои сыновья, а теперь и внуки – все мы обретаем в нём своё место [135: 158].

Мысль о духовном родстве людей пронзила сердце писателя в храме. Такое случается в храме со всеми, кто пришёл туда с чистой душой. И это не случайно. Как писал выдающийся богослов Е. Н. Трубецкой, храм «выражает собой тот новый мировой порядок и лад, где прекращается кровавая борьба за существование и вся тварь с человечеством во главе собирается во храм <...> Мысль эта развивается во множестве архитектурных и иконописных изображений, которые не оставляют сомнения в том, что **древнерусский храм в идее являет собой не только собор святых и ангелов, но собор всей твари**» [175: 210].

На осознание духовного единения настраивают в храме не только его архитектура и иконы, но и церковное пение. В. И. Белов в книге «Невозвратные годы» об этом писал так: *«Оно пеленало, оно окутывало как вновь крещаемых, так и готовящихся отойти к Богу. Тепло, уютно становилось душе человека от этого пения. Тут и жалость, и сострадание для обиженных и увечных, тут и надежда, тут и сдерживающее увещевание для слишком нетерпеливых, непоседливых, рвущихся в бой или на повседневный труд ради хлеба насущного»* [23, с. 63].

Без духовного единства с народом и любви к Отечеству невозможно разобраться в себе. Как и А. А. Романов (см. выше), к этой мысли обращался в своем стихотворении его друг поэт Виктор Вениаминович Коротаев:

*Какая даль лежала предо мной ...
Я, чувствуя причастность к ней и гордость,
Смотрел в неё и знал, что за спиной
Не менее прекрасная простёрлась.
Светило солнце светом поздних сил,
Леса роняли медленно убранство,
И белый храм, как облако, парил*

*И озарял дремавшее пространство.
«Россия! Как легко с тобой вдвоём» -
Шептал я и взывал к кому-то: «**Братцы,
Пока мы эту землю не поймём,
Нам до конца в себе не разобраться.***
<...> [84: 144]

В современную эпоху разорения деревни и крестьянской культуры поэты считают своим главным поэтическим долгом напомнить об исконном соборном единстве русского крестьянства и стать его хранителями. Поэтому тема духовного родства является для них самой главной. А. А. Романова прямо об этом заявляет в своем стихотворении «Тыщи лет»:

*Я – писец опустевшей деревни,
Но лари моих дней не пусты.
Чем древнее слова, тем согривней,
И стихи ткуются, будто холсты.*

***Я искатель своих родословий
И туда сквозь века проберусь,
Где на пашне Микула весёлый
Обнимал краснощёкую Русь.***

*И в земле неторёной, раздольной,
Петухами ещё не воспет.
Воссиял из мужицких ладоней
Над холмами тесовый рассвет.*

*Я в пути с тех времён и доселе –
Тыщи лет моя память жива.
И в лукошке моём для посева
Золотого отбора слова.*

[135: 71]

А. А. Романов считал, что беды XX века в России связаны с тем, что крестьяне утратили «*вековую власть мужицкого родства*»:

Раздумья

над романом Василия Белова «Год великого перелома»

Оглянусь и знобко стыну:
Век двадцатый позади...
Мне, земли российской сыну,
Брать ли поприще судьи?

Упрекать ли Русь родную
За её разбитый путь?
С ней беду перебудую,
Не сбегу куда-нибудь.

Память родины нетленна!..
Широко у нас росло
И до третьего колена
В семьях правило родство.

Девок сватали не с ходу –
Не за голый батожок,
А к значительному роду
И на хлебный бережок.

**А, случись, беда какая,
То с надеждой на Христа,
Выручала вековая
Власть мужицкого родства.**

...Эти древние уставы
Мы, отступники, сожгли.
Мы предателями стали
Святоотческой земли.

И чужая власть и нежить
Всю Россию растрясла...

*Где же Родина? И где же
Колесо того родства?*

*А оно, попав под выброс,
Выбилось из борозды
И, ломаясь, покатилося
Мимо поля и избы.*

*Покатилося с громом, с треском
Из родимых палестин
В причитанье деревенском
В раскулаченную стынь...*

***И поныне те злодеи
Реутся к власти неспроста.
Что ж мы в горе холодеем?
Встанем,
Встанем в круг родства!***

[135: 88–89]

Услышит ли этот призыв поэта нынешнее поколение? Будет ли для них дорога соборность, основанная на православном единстве русского народа и его любви к Отечеству? Та соборность, о которой говорили А. А. Романов и В. И. Белов и которую горячо защищал поэт В. В. Коротяев в своем творчестве:

*«Не принимайте близко к сердцу
Любое горе
И печаль...»
Что ж, поделиться
Иноверцу
Расхожей мудростью не жаль.
Его религия – как мета
Над подвернувшейся строкой:
Сегодня – та,*

А завтра – эта,
А можно –
Вовсе никакой.
Но как же быть
Единоверцу,
Что землю всю
И небосвод
Не просто
Принимает к сердцу,
А в сердце
Собственном
Несёт?..

[84]

ЛАД

Русский народ издавна традиционную соборность своего жизненного уклада называл словом *лад* и высоко ценил его. Неслучайно в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» отмечена старинная поговорка: «*На что клад, коли в семье лад*» [СРЯ XI–XVII вв., 8: 160]. Василий Иванович Белов талантливо раскрыл суть *лада* крестьянской жизни в своих художественных произведениях и посвятил ему специальный труд – книгу «Лад. Очерки о народной эстетике». В предисловии он пишет: «*Все было взаимосвязано, и ничто не могло жить отдельно или друг без друга, всему предназначалось своё место и время. Ничто не могло существовать вне целого или появиться вне очереди. При этом единство и цельность вовсе не противоречили красоте и многообразию*» [19: 8]. К этой последней мысли Белов возвращается и в заключительной части своей книги: «*Да нет, не бывает абсолютно одинаковых, другими словами, совсем бездарных людей! Каждый рождается в мир с печатью какого-либо таланта*» [19: 288].

Соборное сознание русского крестьянина было основано на единстве православной веры и традиционного быта, крестьянского труда и русской природы. Для всех этих сфер свойствен определённый ритм, определённая цикличность. В. И. Белов считает ритм

необходимым условием сохранения лада в народной жизни: *«Ритм – одно из условий жизни. И жизнь моих предков, северных русских крестьян, в основе своей и в частности была ритмичной. Любое нарушение этого ритма – война, мор, неурожай – лихорадило весь народ, всё государство. Перебои в ритме семейной жизни (болезнь или преждевременная смерть, пожар, супружеская измена, развод, кража, арест члена семьи, гибель коня, рекрутство) не только разрушали семью, но сказывались на жизни и всей деревни»* [19: 8]. Православный годовой цикл праздников соответствовал годовому циклу в природе и в сельскохозяйственных работах крестьян. Как считает В. И. Белов, *«русское православие в своем народном выражении очень терпимо относилось к языческим бытовым элементам, официальная церковь также в основном избегала антагонизма. Христианство на русском Севере не противопоставляло себя язычеству, без тщеславия приспособлялось к существовавшей до него народной культуре, и они взаимно влияли друг на друга»* [19: 201]. К сожалению, современные неоязычники нередко настроены воинственно к Православию, что разрушает принцип русской соборности. Причина заключается в том, что, если дохристианское язычество было, по образному выражению отца Павла Флоренского, «зарей, предвещающей восход солнца – Христианства», то современное язычество, как и любой постмодернизм, носит деструктивный характер. Конечно, многих таких людей томит тоска по вере, по истинно родному и святому, но нет у них пока духовных сил подняться до понимания Православной веры – главной хранительницы русской земли.

Центром того мира, где царят лад, любовь и Бог, всегда была православная семья. Об этом пишет в своем стихотворении Юрий Максин:

*В стенах родительского дома,
в их тишине
душа к былым годам влекома,
к былой стране.*

*И к праздникам былым и датам
рождений,
к тем,
кто сделал первый шаг когда-то
на радость всем.*

*За первым шагом было много
Путей-дорог...
**Но привела опять дорога
сюда, где Бог.***

***Где Он затеплил в поколеньях
любви огонь,
соединив, как цепи звенья,
ладонь в ладонь.***

[95: 19]

ЛИК

Слово *лик* – праславянского происхождения и первоначально имело значение «вид, форма, образ» [ЭССЯ, 15: 77], и лишь позднее оно получило значения «лицо» и «икона». Это слово в богословской литературе и в поэзии сохранило своё первоначальное значение, преобразованное в символическое – духовный образ чего-либо. В русской культуре XX века мысль о том, что в соборности проявляется лик народа, то есть его дух, высказывалась талантливым богословом отцом Павлом Флоренским: «В соборном, через непрерывное соборование и непрерывное собирание живущем духовном самосознании народа» проявляется его *лик*. «Под ликом мы разумеем чистейшее явление духовной формы, освобожденное от всех наслоений и временных оболочек, ото всякой шелухи, ото всего полуживого и застывшего чистые, проработанные линии ее» [150: 354].

К мысли о соборности как духовном образе русского народа, его лике, постоянно обращался в своей поэзии и певец Русского Севера Николай Алексеевич Клюев:

Я помню **лик**... О Боже, Боже!
С апрельскою березкой схожий
Или с полосынькой льняной
Под платом куколя и мяты ...

[75: 22]

Над Сахарою смугло-золот
Прозябнет **России лик**.

[73: 410]

О, кто Ты: Женищина? **Россия?**
В годину черную собрат!
Поведай тайное сомненье
Какою казнью искупить,
Чтоб на единое мгновенье
Твой лик прекрасный уловить?

[73: 125]

Задонск – Богоневесты роза,
Саров с Дивеева канвой,
Где **лик России**, львы и козы
Расшиты ангельской рукой.

[76: 95]

Для Н. А. Клюева соборность русской жизни всегда связана с Православной верой:

Свете тихий от народного лика
Опочил на моих запятых и точках.

[73: 395]

Ростов – Неугасимая лампадка
Пред ликом дедов и отцов.

[76: 96]

В «Песни о Великой Матери» поэт с сердечной болью сожалеет о насильственном разрушении православной соборности русского народа в революционное лихолетье XX века:

*И у русского народа
Меж бровей не прыщут рыси!
Ах, обожжен лик иконный
Гарью адских перепутий,
И славянских глаз затоны
Лось волшебный не замутит!*

[75: 5]

Однако русская литература свидетельствуют, что идея соборности жива в народном сознании до сих пор.

В стихотворении Николая Михайловича Рубцова «*О Московском Кремле*» символом единства русского народа стал «*лик священного Кремля*» – сакральный центр русской истории:

Бессмертное величие Кремля
Невыразимо смертными словами!
*В твоей судьбе – о русская земля! –
В твоей глуши с лесами и холмами,
Где смутной грустью веет старина,
Где было всё: смиренность и гордыня –
Навек слышна, навек озарена,
Утверждена московская твердыня!*
<....>
*Остановитесь тихо в день воскресный -
Ну, не мираж ли сказочно-небесный
Возник пред нами, реет и горит?*

И я молюсь – о русская земля! –
Не на твои забытые иконы,
Молюсь на лик священного Кремля
И на его таинственные звоны...

[139: 59–60]

Действительно, в 60–70 годы многие в России забыли об иконах, так как душа без Бога осиротела, но «лик священного Кремля» согревал сердца и объединял русских людей.

ХОР

В древнерусском языке было ещё одно слово *ликъ*, которое имело такие значения – «собрание, сонм, множество», «собрание поющих, хор», «пение, пляски, радостные возгласы, ликование, торжество» [СРЯ XI–XVII вв., 8: 233]. Распространённое на Руси хоровое пение в церкви и в быту, было выражением соборного сознания народа. Митрополит Иоанн Снычёв особо отмечал соборность народных духовных песен, которые пелись нередко хором: «... народ пел от полноты сердечного чувства, созидавая духовную поэзию как молитву, под благодатным покровом покаяния и умиления. Этим самым он свидетельствовал о богатстве своего соборного опыта, поднимавшегося в иные мгновения до вершин истинно святоотеческой чистоты и ясности» [101: 60–61].

В поэзии вологодских авторов слово *хор* и словосочетание *хоровое пение* создают поэтические образы единства, лада и соборности. Во-первых, это разнообразные звуки родной природы, приветствующие радостным хором лирического героя и выражающие тем самым любовное единство с ним. Вспомним знаменитое стихотворение В. В. Коротаяева:

*Прекрасно однажды в России родиться
Под утренний **звон золотого овса!**
Твоё появление **приветствуют птицы,**
Сверкают, на солнце искрясь, небеса.
Пока озабочены снами твоими,
Ромашки гадают о новой судьбе
И ветром достойное ищется имя –
Кукушка пророчит бессмертье тебе.
Ещё и усы не подкручивал колос –
Уже для тебя начались чудеса:
Тебе **ручeyк предлагает свой голос,**
А лён зацветающий дарит глаза.
Свой смех – колокольчик,
Роса – свои слёзы,
Причёску – густая волнистая рожь,*

*И статность тебе обещает берёза:
Когда пожелаешь,
Тогда и возъмёшь.
Спешит к тебе каждый
с особенным даром:
Бери, примеряй, запасайся, владей.
А плата ... какая?
Расти благодарным
Да будь всюду верным
Природе своей.*

[84: 20]

Образ «согласного хора» природы, духовно единой с лирическим героем, есть и у Н. М. Рубцова, например, в стихотворении «Последний пароход» – прощальной песне, выражающей скорбь по ушедшему другу – поэту Александру Яшину:

*... Мы сразу стали тише и взрослей.
**Одно поют своим согласным хором
И тёмный лес, и стаи журавлей**
Над тем Бобришным дремлющим угором ...
<...>
В леса глухие, в самый древний град
Плыл пароход, встречаемый народом ...
Скажите мне, кто в этом виноват,
Что пароход, где смех царил и лад,
Стал для него последним пароходом?
Что вдруг мы стали тише и взрослей,
**Что грустно так поют суровым хором
И тёмный лес, и стаи журавлей**
Над беспробудно дремлющем угором...*

[139: 174]

Как уже говорилось выше, в церковнославянском существует слово *ликъ*, которое является синонимом к современному слову *хор*. Слово *ликовать*, образованное от *ликъ*, первоначально имело

значение «петь хором», а потом уже приобрело значение «восторженно радоваться, торжествовать». В стихотворении Н. М. Рубцова «Привет, Россия ...» глагол *ликовать* органически совмещает оба значения – старое и новое:

Привет, Россия...

*Привет, Россия – родина моя!
Как под твоей мне радостно листвою!*

***И пенья нет, но ясно слышу я
Незримых певчих пенье хоровое ...***

<...>

*Как весь простор, небесный и земной,
Дышал в оконце счастьем и покоем,
И достославной веял стариной,*

И ликовал под ливнями и зноем!..

[139: 187]

В этом стихотворении Н. М. Рубцова единение лирического героя с родной природой и Россией символически выражено образами незримого хорового пения и ликования.

Духовный смысл соборного единства мира воплощен в поэзии Н. А. Клюева в образе небесного хора. Например, в стихотворении «Песнь похода», которое было написано сначала в 1911, а затем переработано в 1917 году, поэт воспекает подвиг невидимой брани с силами зла на земле и утешительное соборное единение людей с Творцом на небе после воскресения:

*Братья-воины, дерзайте
Встречу вражеским полкам!
Пеплом кос не посыпайте,
Жены, матери, по нам.*

*Наши груди – гор уступы,
Адаманты – рамена.
**Под смоковничные купы
Соберутся племена.***

*Росы горные увлажят
Дня палящие лучи,
Братьям раны перевяжут
Среброкрылые врачи...*

*В светлом лагере победы,
Как рассветный ветер гор,
**Сокрушившего все беды
Воспоет небесный хор,–***

***Херувимы, Серафимы...
И, как с другом дорогим,
Жизни Царь Дориносимый
Вечерять воссядет с ним.***

*Винограда екусит гроздий,
Для сыновних видим глаз...
Чем смертельней терн и гвозди,
Тем победы ближе час...*

*Дух животными крылами
Прикоснется к мертвецам,
И завеса в пышном храме
Раздерется пополам...*

***Избежав могильной клетки,
Сопричастники живым,
Мы убийц своих приветим
Целованием святым,***

*И враги, дрожа, тоскуя,
К нам на груди припадут...
**Аллилуя, аллилуя! –
Камни гор возопиют.***

[73]

Поэт следовал библейской традиции, образам псалмов и церковных песнопений, (которые и в наши дни звучат в храмах), например, такому песнопению:

*Всякое дыхание да хвалит Господа.
Хвалите Господа с небес,
хвалите Его в вышних.
Тебе подобает песнь Богу.*

*Хвалите Его вси ангели Его,
хвалите Его вся силы Его.
Тебе подобает песнь Богу.*

Псалом 148

*Хвалите Господа с небес,
хвалите Его в вышних.
Хвалите Его, вси Ангели Его,
хвалите Его, вся силы Его.
Хвалите Его, солнце и луна,
хвалите Его, вся звезды и свет.
Хвалите Его Небеса небес и вода, яже превыше небес.
Да восхвалят имя Господне:
яко Той рече, и быша, Той повеле, и создашася.
Постави я в век и в век века, повеление положи,
и не мимоидет.
Хвалите Господа от земли, змиеве и вся бездны:
огнь, град, снег, голоть, дух бурен, творящая слово Его,
горы и вси холми, древа плодоносна и вси кедр, зверие
и вси скоти, гади и птицы пернатые.
Царие земстии и вси людие, князи и вси судии земстии,
юноши и девы, старцы с юнотами,
да восхвалят имя Господне, яко вознесется имя Того Единого,
исповедание Его на земли и на небеси.*

[132: 575–577]

Удивительно, что поэт мечтал о райском единении людей и всякой творил в год крушения традиционной соборности русских людей, которое привело к Гражданской войне.

ДЕРЕВО

Дерево с древних времен символизирует соборные основы мироздания, живое единство мира. Именно в этом смысле употребляют выражение *древо жизни*, известное в различных религиях, а в христианской культуре имеющее библейскую традицию. Этот символ широко использовался Н. А. Клюевым в нескольких смысловых вариантах. В широком значении слово *дерево* как ось мироздания, связующая всё земное и небесное, он употребляет в произведениях мистического содержания. В них поэт раскрывает мистический смысл соборности – живого единства в Боге мёртвых и живых. Это соответствует и православному пониманию жизни и смерти: «У Бога все живы». В данном символическом значении слово дерево встречается в следующих произведениях:

(1) в «Белой повести», посвященной умершей матери поэта:

*В избу Бледный Конь прискакал,
И свежестью горной вершины
Пахнуло от гривы на печь,—
И печка в чертог обратилась:
Печурки – пролеты столпов,
А устье – врата огневые,
Конь лавку копытом задел,
И дерево стало дорогой,
Путем меж алмазных полей,
Трубящих и теплящих очи,
И каждое око есть мир,
Сплав жизней и душ отошедших.
«Изыди»,— воззвали Миры,
И вышло Оно **на дорогу...**
В миры меня кличет Оно*

Нагорным пустынным сияньем,
Свежительной гривой дожди
С сыновних ресниц потряхает.
И слезные ливни, как сеть,
Я в памяти глубь погружаю < ...>

[73: 148]

(2) в стихотворении «Небесный вратарь», написанном Н. А. Клюевым во время Первой мировой войны:

Откуль-неоткуль добрый конь бежит,
На коне-седле удалец сидит,
На нем жар-булат, шапка-золото,
С уст текут меды – речи братские:
«Ты признай меня, молодой солдат,
Я дозор несущу у небесных врат,
Меня ангелы славят Митрием,
Преподобный лик – Свет-Солунским.
Объезжаю я Мать-Руссию,
Как цветы вяжу души воинов...
Уж ты стань, солдат, быстрой векшейю,
Лазь на тучу-ель к солнцу красному.
А оттуль тебе мостовичина
Ко маврийскому дубу-дереву,-
Там столы стоят неведные,
Толокно в меду, блинник масляный;
Стежки торные поразметены,
Сукна красные поразостланы». < ...>

[73: 220]

В «Избятных песнях», посвящённое недавно умершей матери поэта, *дерево жизни* символизирует земной крестьянский мир и этот образ противопоставлен *смерти* как разрушительному началу:

«Умерла мама» – два шелестных слова.
Умер подойник с чумазым горшком,

*Плачется кот и понура корова,
Смерть постигая звериным умом.*

*Кто она? Колокол в сумерках пегих,
Дух живодерни, ведун-коновал,
Иль на грохочущих пенных телегах
К берегу жизни примчавшийся шквал?*

*Знает лишь маковка ветхой церквушки, –
В ней поселилась хозяйки душа...
Данью поминную – рябка в клетушке
Прочит яичко, соломой шурша.*

*В пестрой укладке повойник и бусы
Свадьбою грезят: «Годов пятьдесят
Бог насчитал, как жених черноусый
Выменял нас – молодухе в наряд».*

***Время, как шашель, в углу и за печкой,
Дерево жизни буравит, сосет...***

[73: 221]

Однако поэт духом преодолевает трагедию утраты и в конце стихотворения говорит снова о живом единстве мира:

*В звезды конек и в потемки крылечко
Смотрят и шепчут: «Вернется... придет...»*

*Плачет капелями вечер соловый;
Крот в подземелье и дятел в дупле...
С рябкиной дремою, ангел пуховый
Сядет за прялку в кауровой мгле.*

*«Мама в раю, – запоем веретенце, –
Нянюшкой светлой младенцу Христу...»*

*Как бы в стихи, золотые, как солнце,
Впрямь волхвованье и песенку ту?*

[73: 221]

Таким образом, в этом стихотворении поэт воспевает православленную соборность крестьянской семьи.

В послереволюционную эпоху в стихотворении Н. А. Клюева «Мы – ржаные, толоконные ...» символ *дерево жизни* указывает на живое соборное единство крестьянского мира и природы. Ему поэт противопоставляет мертвую техническую цивилизацию, которая разрушает этот живой мир:

*Мы – ржаные, толоконные,
Пестрядинные, запечные,
Вы – чугунные, бетонные,
Электрические, млечные.*

*Мы – огонь, вода и пажити,
Озимь, солнца пеклеванные,
Вы же таин не расскажете
Про сады благоуханные.*

*Ваши песни – стоны молота,
В них созвучья – шлак и олово;
Жизни дерево надколото,
Не плоды на нем, а головы.*

*У подножья кости бранные,
Череп с крошечным хохотом;
Где же крылья ураганные,
Поединок с мечным грохотом?*

(73: 178)

Образ дерева в поэзии многозначен. Кроме рассмотренных выше его символических значений, укажем ещё на одну поэтическую функцию этого образа. Издавна *дерево* символически представляло

кровную общность народа, его *родовое единство*. Всем известно выражение родовое древо. В данном контексте символизируются и названия частей дерева: *ветви, ствол, листья, крона* и др. В вологодской поэзии *дерево* как символ кровного родства всегда включает в своё содержание и значение духовного единства, которое в поэтическом тексте становится смысловой доминантой, как, например, в стихотворении Сергея Васильевича Викулова:

*Оглядываюсь с гордостью назад:
Прекрасно **родовое древо** наше!
Кто прадед мой? – Солдат и землепашец.
Кто дед мой? – Землепашец и солдат.
Солдат и землепашец мой отец.
И сам я был солдатом, наконец.
<...>
Ничем себя возвысить не хочу.
Я только **ветвь на древе** можем.
Шумит оно, когда клубятся тучи, -
И я шумлю... Молчит – и я молчу.*

В этом же смысловом ключе используются слова *ствол* и *ветки* (мать и дети) у Ольги Александровны Фокиной:

*Ну, вот и все повывращены дети,
Все пять сынов – при деле. Дожила.
У всех пяти в военном документе
«Мать» – вычеркнуто. Вписано – «жена».
Освободили, значит, ствол от веток.
Теперь, не приведи Бог. воевать,
То защищать сынам – жену и деток,
Жену и деток, значит, – а не мать.
А на кого ж сыны её покинут?
Тридцатый год в земле её солдат ...
Да за неё все пять по сердцу вынут,
Не спрашивая почестей-наград.
И что, ну что им эти циркуляры,*

О коих и не ведает она?

Одной семьёй сидят за самоваром,

Чаёк, налитый ею, пьют до дна.

И нет конца сердечным разговорам,

Одна на всех, печётся о любом...

Она для них – бесменная опора,

Пример добра, невыстуженный дом. <...>

[187]

В стихотворении Юрия Максина «Еленин клён» дерево, посаженное в честь рождения дочери, символизирует всеобщее единство людей и природы:

Я посадил Еленин клён

в честь дочери моей.

Не распадётся связь племён –

Деревьев и детей.

Часть моего тепла вошла

в земной круговорот.

И песню, что светлым-светла,

душа моя поёт.

Идёт земная черед

Рождений и смертей ...

Ко мне нагрянула беда

в один из светлых дней.

Вернувшись с дальних похорон,

на дочь свою гляжу.

Там, где растёт Еленин клён,

калину присажу.

[95]

Таким образом, символ дерева выражает самые разные стороны и уровни содержания соборности как национальной идея русского народа.

ДОРОГА

Поэтический символ *дорога* многозначен в славянской культуре [199: 102–126]. Значение этого слова обладает пространственно-временным синкретизмом [4, с. 3]. Семантический синкретизм этого слова имеет широкое смысловое поле: в него включается и пространственно-временной синкретизм, и люди, поколения людей, проложивших дорогу, путешествующих по ней и даже живущих около неё. Эта сторона содержания данного слова удивительно ярко показана в рассказе В. И. Белова «За тремя волоками»: *«Никогда не забыть эту дорогу тому, кто узнал ее не понаслышке. Она так далека, что, если не знаешь песен, лучше не ходи, не ездь по ней, не поливай потом эти шестьдесят километров. Она и так до подошвы пропиталась, пропиталась задолго до нас потом, и слезами, и мочой лошадей, баб, мужиков и подростков, веками страдавших в этих лесах. Люди сделали ее как могли, пробиваясь к чему-то лучшему. Вся жизнь и вся смерть у этого топкого бесконечного проселка, названного большой дорогой. К большой дороге от века жмутся и льнут крохотные бесчисленные деревеньки, к ней терпеливо тянутся однокольные проселочки и узкие тропки. О большой дороге сложены частушки и пословицы. Всё в ней и всё с ней. Никто не помнит, когда она началась: может быть, еще тогда, когда крестьяне-черносошники рубили и жгли подсеки, отбиваясь от комаров и медведей, обживая синие таежные дали»* [21: 10–11]. Перед нами писатель развернул художественный образ дороги как символа соборности.

Дорога объединяет людей. Она подобна нашей жизни: как и наш земной путь, дорога пролегает среди родных просторов и проходит сквозь историческое время нашего Отечества, объединяя с другими поколениями – предыдущими и последующими. Это пронзительное объединяющее чувство общей дороги лирически выразил в своём стихотворении «Старая дорога» Н. М. Рубцов:

*Как царь любил богатые чертоги,
Так полюбил я древние дороги*

И голубые

вечности глаза!

<...>

Здесь каждый славен –

мертвый и живой!

И оттого, в любви своей не каюсь,

Душа, как лист, звенит, перекликаясь

Со всей звенящей солнечной листвою,

Перекликаясь с теми, кто прошёл,

Перекликаясь с теми, кто проходит ...

Здесь русский дух в веках произошёл,

И ничего на ней не происходит.

Но этот дух пройдёт через века!

<...>

[138: 120–121]

Как и любой другой символ, *дорога* может выражать противоположные смыслы: в поэтическом тексте она может символизировать как чужое пространство и одиночество, так и своё, родное пространство и соборность. В творчестве Н. М. Рубцова слово *дорога* в разных стихотворениях имеет эти противоположные значения в соответствии с разным лирическим сюжетом его стихотворений.

Мистический смысл дороги как символа соборного начала и общей судьбы крестьянского мира, появляется в поэме Н. А. Клюева «Белая Индия»

На дне всех миров, океанов и гор

Цветет, как душа, алмазобор, –

Дорога к нему с Соловков на Тибет,

Чрез сердце избы, где кончается свет,

Где бабкина пряжа – пришельцу века:

Нырни в веретенце, и нитка-леха

Тебя поведет в Золотую Орду,

Где Ангелы варят из радуг еду, –

То вещей раздумий и слов пастухи,

Они за таганом слагают стихи,
И путнику в уши, как в овчий загон,
Сгоняют отары – волхвующий звон.
Но мимо **тропа**, до кудельной спицы,
Где в край «Невозвратное» скачут гонцы,
Чтоб юность догнать, душегубную бровь...
Нам к бору незримо посах – любовь,
Да смертная свечка, что пахарь в перстах
Держал пред кончиной, – в ней сладостный страх
Низринуться в смоль, в адамантовый гул... <...>

Белая Индия 1916

[73: 311]

В войну дорога становится местом общих народных бедствий и символом единства соотечественников в горе. Во время Первой мировой войны Н. А. Клюев написал стихотворение «Слёзный плат», поэтически очень близкое к фольклорному жанру плача. Центральными образами этого произведения являются *слёзный плат солдатской матери* – символ народного горя – и *дорога*, на которой беда одного человека становится общей бедой и её никому нельзя «почесть за прибыток»:

Не пава перо обронила,
Обронила мать солдатская платочек,
При дороженьке слезный потеряла.
А и дождиком плата не мочит,
Подкопытным песком не заносит...
Шел **дорогой** удалый разбойник,
На платок, как на золото, польстился –
За корысть головой поплатился.
Проезжал посиделец гостиньей,
Потеряшку почел за прибыток –
Получил перекупный убыток... <>

Во второй части этого стихотворения образ дороги становится символом единства народа в своей духовной судьбе:

Пробирался в пустыню калика,
С неугасною свеченькой в шуйце,
На устах с тропарем переходим;
На платок он умильно воззрится,
Величал его честной слезницей:
«Ай же плат, много в устье морское
Льется речек, да счет их известен,
На тебе ж, словно рос на покосе,
Не исчислить болезных слезинок!
Я возьму тебя в красную келью
Пеленою под Гуриев образ,
Буду Гурию-Свету молиться
О солдате в побоище смертном,
Чтобы вражья поганая сабля
При замашке закал потеряла,
Пушки-вороны песенной думы
Не вспугнули бы граем железным,
Чтоб полесная яблоня-песня,
Чьи цветы плащаницы духмяней,
На Руси, как вежа, зеленела
И казала бы к раю дорогу!» [73: 293]

Интересно отметить, что стихотворение Константина Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины ...», написанное в 1941 году, перекликается со словами Н. А. Клюева «Припомните дороги русские, / Малиновок на погосте родительском...» из другого его стихотворения, написанного в Гражданскую войну. Всё содержание стихотворения К. Симонова проникнуто высоким и трагическим чувством духовного единства русского народа, живых и мёртвых, в грозную годину:

Слезами измеренный чаще, чем верстами,
Шел тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,
Как будто за каждую русской околицей

*Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в Бога не верящих внуков своих.
Ты знаешь, наверное, все-таки Родина –
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти проселки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.*

ЕДИНСТВО ЖИВЫХ И МЁРТВЫХ

У Бога все живы, поэтому соборное сознание народа предполагает духовное единство живых и мертвых. Эта мысль, поэтически выраженная в стихотворении К. Симонова «*Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины ...*», постоянно присутствует и в произведениях многих вологодских поэтов и писателей.

Издревле у нас существовала традиция помнить о тех, кто жил до нас. Символом единства живых и мёртвых издавна было **кладбище**, а с принятием Православия – **соборная молитва о упокоении** во всех храмах России. В стихотворении Н. М. Рубцова «Над вечным покоем» понимание духовного единения поколений проникнуто сильным чувством, на которое не каждый из нас способен:

*И как в тумане омутной воды
Стояло тихо **кладбище** глухое,
Таким всё было смертным и святым,
Что до конца не будет мне покоя.*

*И эту грусть, и святость прежних лет
Я так любил во мгле родного края,
Что я хотел упасть и умереть
И обнимать ромашки, умирая ... [138: 77]*

Поэт глубоко чувствовал духовный смысл соборности, поэтому и смог написать эти строки:

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,*

*Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь. [138: 76]*

В. В. Коротаяев посвятил теме единства мёртвых и живых соотечественников стихотворение, в котором глубоко раскрыл смысл этого единства:

Единство

*Есть оно, такое убеждение, –
Не какой-нибудь
Похмельный стих:
**Нас и впредь
Спасет от поражения
Единенье мёртвых и живых.**
Ведь всегда оправдывал надежды
Пушкин,
Что бывал родней отца:
Ты его прикроешь от невежды, –
Он тебя спасёт
От подлеца.
И не раз,
Врагам на страх и зависть,
В драку и атаку,
Как бойцы,
Наравне с живыми
Поднимались
Наши дорогие мертвецы,
В одиночку сладить нам – едва ли.
И не спас бы призрачный кумир.
Нас они
Вели и вдохновляли.
Мы же отвоёвывали мир.
И за день весенний
И осенний
Нынче и вовек*

*В конце концов
Вновь пойдёт
Загубленный Есенин,
Ринется
Задушенный Рубцов.
Так и будем жить,
Смыкая силы,
Презирая трусов и деляг;
А умрём –
Сумеем из могилы
За друзей своих
Поднять кулак!*

[84: 280]

В духовном единстве живых и мёртвых заключается сила, всегда спасающая Россию. В роковой 1917 год Николай Клюев пишет «За-стольный сказ», где есть такие пронзительные строки:

***Русь нетленна, и погостские кресты –
Только вехи на дороге красоты!***
*Сердце, сердце, русской удали жилье,
На тебя ли ворог точит лезвие,
Цепь кандальную на кречета кует,
Чтоб не пело ты, как воды в ледоход,
Чтобы верба за иконой не цвела,
Не гудели на Руси колокола,
И под благовест медовый в вешний день
Не приснилось тебе озеро Ильмень,
Не вздыхало б ты от жаркой глубины:
Где вы, **вещие Бояновы сыны?***

[73: 339–340]

Вологодские писатели, о творчестве которых шла речь, и есть те *вещие Бояновы сыны*, несущие своим православным словом благую весть о том, что сила народа заключается в его соборном единстве. Следуя этому правилу, русское искусство созидает нетленную

Россию. Об этом А. А. Романов написал такие пророческие слова [135: 81]:

*...Летят всё круче годы,
Туманами струясь.
Куда же Русь уходит?
А Русь уходит в нас!
Сквозь бури революций,
Сквозь оттепель и стынь
Уходит, чтоб вернуться
На свежие холсты. ...*

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев, С. С. Бахтин и русское отношение к смеху / С. С. Аверинцев // От мифа к литературе: сборник в честь семидесятилетия Елеазара Моисеевича Мелетинского. – Москва, 1993. – С. 341–345.
2. Азадовский, К. М. Николай Клоев: путь поэта / К. М. Азадовский. – Ленинград: Советский писатель, 1990. – 336 с.
3. Акафист Пресвятой Богородице пред иконой её «Казанская». – Клин: Христианская жизнь, 2011. – 32 с.
4. Алексеев, Д. А. «Демон»: тайна кода Лермонтова / Д. А. Алексеев. – Москва: Гелиос АРВ, 2012. – 368 с.
5. Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России / Архиепископ Никон (Рождественский); сост. о. Ярослав Шипов; отв. ред. О. А. Платонов. – Москва: Ин-т русской цивилизации, 2013. – 640 с.
6. Архимандрит Рафаил (Карелин). Мистическая сущность греха / Архимандрит Рафаил (Карелин) // О вечном и преходящем / Архимандрит Рафаил (Карелин). – Москва, 2011. – С. 32–36.
7. А. С. Пушкин: путь к Православию. – Москва: Отчий дом, 1996. – 335 с.
8. Афанасьев, А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственньих народов. Ч. II / А. Н. Афанасьев. – Москва: Изд. К. Солдатенкова, 1865. – 808 с.
9. Багров, С. П. Божья милость / С. П. Багров // Вологодский лад: лит.-худож. журнал. – 2017. – № 2. – С. 32.
10. Бальмонт, К. Стихотворения / К. Бальмонт. – Москва: Эксмо, 2017. – 256 с.
11. Бараков, В. Н. Лирика Николая Рубцова (опыт сравнительно-типологического анализа): учеб. пособие по спецкурсу / В. Н. Бараков. – Вологда: ВГПИ, 1993. – 100 с.
12. Бараков, В. Н. «Это было со мной, это вновь повторится...». Судьба Алексея Шадринова / В. Н. Бараков // Белозерье: краевед. альманах. Вып. 2. – Вологда, 1998. – С. 362–373.
13. Бараков, В. Н. «Почвенное» направление в русской поэзии второй половины XX века: типология и эволюция / В. Н. Бараков. – Вологда: Русь: ВГПУ, 2004. – 268 с.

14. Бараков, В. Н. Отчизна и воля: книга о поэзии Николая Рубцова / В. Н. Бараков. – Вологда: Книжное наследие, 2005. – 168 с.

15. Баранов, С. Ю. Карнавальный смех и его «фигуры» / С. Ю. Баранов // Повесть В. И. Белова «Привычное дело» как вологодский текст / С. Ю. Баранов, Т. Н. Воронина, С. Х. Головкина, Е. Н. Ильина, С. Н. Пагапенко, Ю. В. Розанов, А. В. Федорова, Н. Л. Фипер. – Вологда, 2016. – С. 106–124.

16. Батюшков, К. Н. Сочинения / К. Н. Батюшков; [вступ. статья и сост. В. В. Гуры]. – Архангельск: Сев.-зап. кн. изд-во, 1979. – 400 с.

17. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – Москва: Худож. лит.-ра, 1965. – 527 с.

18. Бахтина, О. Н. «Сновидения» Н. А. Клоева и традиции древнерусской и старообрядческой литературы / О. Н. Бахтина // Николай Клоев: образ мира и судьба: материалы Всерос. конф. / ред.-сост. А. П. Казаркин. – Томск, 2000. – С. 64–78.

19. Белов, В. И. Лад: очерки о народной эстетике / В. И. Белов. – Москва: Молодая гвардия, 1982. – 293 с.

20. Белов, В. И. Иду домой / В. И. Белов. – Вологда: Сев.-зап. кн. изд-во, 1973. – 192 с.

21. Белов, В. И. За тремя волоками: повесть и рассказы / В. И. Белов. – Москва: Советский писатель, 1968. – 352 с.

22. Белов, В. И. Час шестый: трилогия / В. И. Белов. – Вологда: Полиграфист, 2002. – 954 с.

23. Белов, В. И. Невозвратные годы / В. И. Белов. – Санкт-Петербург: Политехника, 2005. – 192 с.

24. Белов, В. И. Без вести пропавшие: рассказы и повесть / В. И. Белов. – Вологда: Русский Север-Партнер, 1997. – 192 с.

25. Белов, В. И. Молось за Россию / В. И. Белов; [беседовал] В. Бондаренко // Наш современник. – 2002. – № 10. – С. 5–15.

26. Белый, А. Символизм как миропонимание: [сборник] / А. Белый. – Москва: Республика, 1994. – 528 с.

27. Бердяев, Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н. А. Бердяев // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – Москва, 1990. – С. 43–271.

28. Бехтеев, С. С. Грядущее: стихотворения / С. С. Бехтеев. – Санкт-Петербург: Успенское подворье Оптиной Пустыни, 2002. – 448 с.

29. Блок, А. Собрание сочинений. Т. 4 / А. Блок. – Москва: Гослитиздат, 1961. – 602 с.

30. Богатырёв, П. Г. Верования великороссов Шенкурского уезда [Архангельской губернии] / П. Г. Богатырёв // Этнографическое обозрение. – 1916. – Кн. 111–112, № 3–4. – С. 42–80.

31. Булгаков, С. Н. Свет Невечерний: созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. – Москва: Республика, 1994. – 415 с.
32. Буслаев, Ф. И. Русский богатырский эпос / Ф. И. Буслаев // Народная поэзия: исторические очерки / Ф. И. Буслаев. – Санкт-Петербург, 1887. – С. 1–125.
33. Вальков, К. И. Азбука для самых грамотных / К. И. Вальков. – Санкт-Петербург: Школа народного искусства императрицы Александры Федоровны Осипов, 2006. – 272 с.
34. Венгеров, С. А. В чем очарование русской литературы XIX века? [Электронный ресурс] / С. А. Венгеров // Собрание сочинений. Т. IV / С. А. Венгеров. – 1919. – Режим доступа: <http://www.biografia.ru/arhiv/653.html>.
35. Верюжский, И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии / И. Верюжский. – Репринт. изд. 1880 г. – Вологда, 1993. – 52 с.
36. Власова, З. И. Скоморохи и фольклор / З. И. Власова. – Санкт-Петербург, 2001. – 524 с.
37. Всенощное бдение и Божественная Литургия: (с пояснениями). – Москва: Синай, 2009. – 143 с.
38. Ганин, А. Стихотворения. Поэмы. Роман / А. Ганин. – Архангельск: Сев.-зап. кн. изд-во, 1991. – 218 с.
39. Герчиньска, Д. Современная советская «деревенская проза» и традиции фольклора (В. Белов, В. Распутин, В. Шукшин): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. Герчиньска. – Москва, 1986. – 17 с.
40. Гоголь, Н. В. О лиризме наших поэтов / Н. В. Гоголь // Полное собрание сочинений: [в 14 т.]. Т. 8: Статьи / Н. В. Гоголь. – Москва, 1952. – С. 248–261.
41. Гумилёв, Н. Письма о русской поэзии: [сборник] / Н. Гумилёв. – Москва: Современник, 1990. – 381 с.
42. Дунаев, М. М. Православие и русская литература. Ч. I–II / М. М. Дунаев. – Москва: Христианская литература, 2001. – 736 с.
43. Евсеев, В. Н. Творчество Василия Белова как художественная система: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В. Н. Евсеев. – Москва, 1989. – 18 с.
44. Есаулов, И. А. Категория соборности в русской литературе / И. А. Есаулов. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1995. – 288 с.
45. Житіє преподобного отця нашего Николая Святоши, князя Черниговского // Киево-Печерский Патерикъ, или сказанія о житіи и подвигахъ Святыхъ Угодниковъ Киево-Печерской Лавры. – Киевъ, 1903. – С. 155–160.
46. Житие и чудеса Св. Николая Чудотворца Архиепископа Мирликийского и слава его в России. – Москва: Изд-во Правосл. Св.-Тихон. богосл. ин-та, 2001. – 686 с.
47. Жития русских святых: в 2 т. – Москва: Сибирская Благовонница, 2008.
48. Западалов, И. Б. Мой крестный – Клоев Николай / И. Б. Западалов // Вытегорский вестник. – Вытегра, 1994. – С. 51.

49. Золотусский, И. Тепло добра: проза В. Белова / И. Золотусский // Литературная газета. – 1968. – 24 января.

50. Иванова-Романова, Н. М. Книга жизни / Н. М. Иванова-Романова // Нева: журнал. – 1989. – № 2. – С. 6–65; – № 3. – С. 71–101; – № 4. – С. 68–102.

51. Иванова-Романова, Н. М. Летопись / Н. М. Иванова-Романова // Коммунист: газета. – 1989. – № 246; 1990. – № 40, 61, 79.

52. Иванова-Романова, Н. М. «Я встретил вас...» / Н. М. Иванова-Романова // Череповецкий металлург: газета. – 1993. – № 42.

53. Иванова-Романова, Н. М. «Букет старого города» / Н. М. Иванова-Романова // Череповецкий металлург: газета. – 1993. – № 49.

54. Иванова-Романова, Н. М. «Букет старого города» / Н. М. Иванова-Романова // Череповец: краевед. альманах. Вып. 2. – Вологда, 1999. – С. 527–533.

55. Иванова-Романова, Н. М. Схватка / Н. М. Иванова-Романова // Череповецкий металлург: газета. – 1993. – № 105.

56. Иванова-Романова, Н. М. Полустолетие // Череповец: краевед. альманах. Вып. 1. – Вологда, 1996. – С. 352–373.

57. Иванова-Романова, Н. М. Юность в Череповце / Н. М. Иванова-Романова // Череповец: краевед. альманах. Вып. 2. – Вологда, 1999. – С. 513–523.

58. Игумен Нестор (Кумьш). Поэмы Лермонтова как основные вехи его духовного пути / Игумен Нестор (Кулеш). – Москва: Изд. Свято-Алекиевской Пустыни, 2008. – 288 с.

59. Игумен Нестор (Кумьш). Тайна Лермонтова / Игумен Нестор (Кулеш). – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 340 с.

60. Иеромонах Роман (Мапошин). Избранное. Стихотворения 1970–2008 / Иеромонах Роман (Мапошин). – Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. – 160 с.

61. Иеромонах Серафим (Параманов). О смехе и веселии / Иеромонах Серафим (Параманов). – Москва: Развитие духовности культуры и науки 2005. – 31 с.

62. Ильин, И. А. Когда же возродится великая русская поэзия? / И. А. Ильин // Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2, кн. 2 / И. А. Ильин. – Москва, 1993. – С. 311.

63. Ильин, И. А. Путь к очевидности / И. А. Ильин. – Москва: Республика, 1993. – 431 с.

64. Иоанн Златоуст, свят. Беседы на псалмы / Иоанн Златоуст, свят. – Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный ун-т, 2005. – 640 с.

65. Ипатова, С. Н. Святитель Игнатий (Брянчанинов) – духовный проповедник: особенности языка и стиля / С. Н. Ипатова. – Вологда: Издательский центр ВИРО 2008. – 184.

66. Карачёв, М. И. «Отпусти меня, жизнь, по течению вверх...»: стихи / М. И. Карачёв // Литературная Вологда – 2015: альманах вологодских писателей. – Вологда, 2015. – С. 7–22.

67. Карпец, В. От отроков Маковецких / В. Карпец // Наш современник. – 2004. – № 10. – С. 235–241.

68. Киселёва, Л. А. Мифология и «реалии» старообрядчества в «Песни о Великой Матери» Николая Клоева / Л. А. Киселёва // Православие и культура. – Киев: Украинское Православное Братство святых Кирилла и Мефодия, 2001. – С. 3–19.

69. Киселёва, Л. А. Миф и реальность старообрядчества в «Песни о Великой Матери» Николая Клоева / Л. А. Киселёва // Вытегра: краевед. альманах. Вып. 2. – Вологда, 2000. – С. 210–223.

70. Клоев, Н. А. Полное собрание сочинений: в 2 т. / Н. А. Клоев; под ред. Бориса Филиппова. – Нью-Йорк: Изд-во им. А. П. Чехова, 1954.

71. Клоев, Н. Песнослов. Кн. 1 / Н. Клоев. – Петроград: Лит.-издат. отдел народного комиссариата по просвещению, 1919. – 319 с.

72. Клоев, Н. Песнослов. Кн. 2 / Н. Клоев. – Петроград: Лит.-издат. отдел народного комиссариата по просвещению, 1919. – 256 с.

73. Клоев, Н. А. Стихотворения и поэмы / Н. А. Клоев. – Ленинград: Советский писатель, 1977. – 559 с.

74. Клоев, Н. Стихотворения / Н. Клоев. – Москва: Худож. лит.-ра, 1991. – 350 с.

75. Клоев, Н. Песнь о Великой Матери / Н. Клоев // Знамя. – 1991. – № 11. – С. 3–44.

76. Клоев, Н. А. Каин / Н. А. Клоев // Наш современник. – 1993. – № 1. – С. 94–99.

77. Клоев, Н. Сердце Единорога: стихотворения и поэмы / Н. Клоев. – Санкт-Петербург: Изд-во РХГИ, 1999. – 1071 с.

78. Клоев, Н. А. Словесное древо / Н. А. Клоев. – Санкт-Петербург: Росток, 2003. – 684 с.

79. Ключевский, В. О. Грусть (памяти М. Ю. Лермонтова, умер 15 июля 1841 г.) / В. О. Ключевский // Исторические портреты. Деятели исторической мысли / В. О. Ключевский; сост., вступ. ст. и примеч. В. А. Александрова. – Москва, 1991. – С. 427–444.

80. Ключевский, В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник / В. О. Ключевский. – Репринт. изд. 1871 года. – Москва: Наука, 1989. – 465 с.

81. Кожин, В. В. Николай Рубцов / В. В. Кожин. – Москва: Сов. Россия, 1976. – 88 с.

82. Козлов, К. Духовные стихи / К. Козлов. – Вологда: [Малоземов], 2013. – 87 с.

83. Кораблева, К. Ю. Покаянные стихи как жанр древнерусского певческого искусства: автореф. дис. ... канд. искусствоведения / К. Ю. Кораблева. – Москва, 1979. – 24 с.

84. Кортаев, В. В. «Прекрасно однажды в России родиться...» / В. В. Кортаев. – Вологда: Русский культурный центр, 2009. – 304 с.

85. Кошелёв, В. А. Константин Батюшков. Странствия и страсти / В. А. Кошелёв. – Москва: Современник, 1987. – 351 с.

86. Кузнецов, Ю. П. Молчание Пифагора [Электронный ресурс] / Ю. П. Кузнецов // Библиотека русской поэзии. – Режим доступа: <http://libverse.ru/kuznesov/molchanie-pifagoga.html>.

87. Лазарев, В. Об особенностях творческого развития Николая Клоева и их современном восприятии / В. Лазарев // Николай Клоев: исследования и материалы. – Москва, 1997. – С. 16.

88. Лихачёв, Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени: монография / Д. С. Лихачёв. – Ленинград: Худож. лит-ра, 1985. – 352 с.

89. Лихачёв, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачёв. – 3-е изд. – Москва: Наука, 1979. – 360 с.

90. Лихачёв, Д. С. Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачёв, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. – Ленинград: Наука, 1984. – 296 с.

91. Лихачёв, Д. С. Смех как мировоззрение / Д. С. Лихачёв // Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачёв, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. – Ленинград, 1984. – С. 7–71.

92. Логинов, К. К. Николай Клоев и традиционные мистические практики России конца XIX – начала XX веков / К. К. Логинов // XXI век на пути к Клоеву: материалы междунар. конф. «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клоева и проблемы этнопоэтики, посвящ. 120-летию со дня рождения великого русского поэта Николая Клоева. – Петрозаводск, 2006. – С. 19–30.

93. Лосев, А. Ф. Эстетика Возрождения / А. Ф. Лосев. – Москва: Мысль, 1978. – 623 с.

94. Лушников, А. Встреча с тишиной / А. Лушников. – Москва, Вологда: Инфра Инженерия, 2017. – 96 с.

95. Максин, Ю. Плавающий берег: стихотворения и поэмы / Ю. Максин. – Вологда: Литературный фонд России, Вологод. отделение, 2013. – 168 с.

96. Маркова, Е. И. Творчество Н. Клоева в контексте севернорусского словесного искусства / Е. И. Маркова. – Петрозаводск: Карел. НЦ РАН, 1997. – 315 с.

97. Мекш, Э. «Ниспала польнная звезда» (пророчества Николая Клоева) / Э. Мекш // Николай Клоев: исследования и материалы / ред.-сост. С. И. Субботин. – Москва, 1997. – С. 68–77.

98. Минин, П. Главные направления древне-церковной мистики / П. Минин // Мистическое богословие. Издание христианской благотворительно-просветительской ассоциации «Путь к истине». – Киев, 1991. – С. 342.

99. Минина, Р. С. «Словно услышали мою печаль ...» / Р. С. Минина // Череповец: краевед. альманах. Вып. 2. – Вологда, 1999. – С. 524–526.

100. Митрополит Антоний Сурожский. Красота и уродство: беседы об искусстве и реальности / Митрополит Антоний Сурожский. – Москва: Никея, 2017. – 192 с.

101. Митрополит Иоанн Снычёв. Самодержавие духа. Очерки русского самознания / Митрополит Иоанн Снычёв. – Санкт-Петербург, 1994. – 349 с.

102. Михайлов, А. И. Автобиографическая проза Николая Клоева / А. И. Михайлов // Север. – 1992. – № 6. – С. 152.

103. Михайлов, А. И. Поэтический космос Николая Клюева / А. И. Михайлов // Вытегорский вестник. – Вытегра, 1994. – С. 80–81.
104. Михайлов, А. И. Отображение трагической истории России и судьбы Клюева в его снах / А. И. Михайлов // Николай Клюев: исследования и материалы / ред.-сост. С. И. Субботин. – Москва, 1997. – С. 78–94.
105. Михайлов, А. И. О прозе Николая Клюева / А. И. Михайлов // Словесное древо: проза / Н. А. Клюев; вступ. статья А. И. Михайлова; сост., подготовка текста и примеч. В. П. Гарнина. – Санкт-Петербург, 2003. – С. 5–26.
106. Мишнев С. Этап на Песь-Берест [Электронный ресурс] / Станислав Мишнев // Вологодский литератор: сайт. – Режим доступа: <https://literator35.ru/2018/05/prose/stanislav-mishnev-etap-na-pes-berest-t/>.
107. Муравьев, А. Н. Русская Фиваида на Севере / А. Н. Муравьев // Путешествие по святым местам русским / А. Н. Муравьев; составление, предисловие, примечания А. Д. Каплина; отв. ред. О. А. Платонов. – Москва, 2014. – С. 235–595.
108. Народное слово в произведениях В. И. Белова: словарь / авт.-сост. Л. Г. Яцкевич; науч. ред. Г. В. Судаков. – Вологда: [б. и.], 2004. – 216 с.
109. Некрасов, Н. А. Собрание стихотворений. Т. I–III / Н. А. Некрасов. – Ленинград, 1967. – (Библиотека поэта. Большая серия).
110. Никитин, И. С. Сочинения / И. С. Никитин. – Москва: Худож. лит-ра, 1980. – 720 с.
111. Никон, Епископ Вологодский и Тотемский. Чѣмъ жива наша русская православная душа. Благословеніе Обители Преп. Сергія / Никон, Епископ Вологодский и Тотемский. – Изд. 2–е, доп. – Свято-Троицкая Сергіева Лавра. Собственная типографія, 1909. – 103 с.
112. Ницше, Ф. Сочинения: в 2 т. / Ф. Ницше. – Москва: Мысль, 1990.
113. Оботуров, В. А. Глум или кое-что об устоях сталинизма, о русском национальном характере и критиках «левых» и «правых» / В. А. Оботуров // С разных точек зрения: «Канунъ» Василия Белова. – Москва, 1991. – С. 140–146.
114. Оботуров, В. А. Сквозь магический кристалл: поэзия Вологодского края второй половины XX века в её вершинах / В. А. Оботуров. – Вологда: ФЕСТ, 2010. – 248 с.
115. Основания регионалистики. Формирование и эволюция историко-культурных зон. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 1999. – 390 с.
116. Панченко, А. М. Смех как зрелище / А. М. Панченко // Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачёв, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. – Ленинград, 1984. – С. 72–153.
117. Петров, А. В. «Простые звуки родины моей ...»: язык поэзии Ольги Фокиной: монография / А. В. Петров. – Архангельск: КИРА, 2017. – 199 с.
118. Петрова, Л. А. Об источниках текстов покаянных стихов / Л. А. Петрова // Книга в России XVI – середины XIX в.: материалы и исследования: сборник науч. трудов. – Ленинград, 1990. – С. 37–43.

119. Петрова, Л. А. Ранняя русская лирика: репертуарный справочник музыкально-поэтических текстов XV–XVII веков / сост. Л. А. Петрова, Н. С. Серегина. – Ленинград: БАН, 1988. – 409 с.
120. Позднеев, А. В. Рукописные песенники XVII–XVIII вв.: из истории силлабической песенной поэзии / А. В. Позднеев. – Москва: Наука, 1996. – 448 с.
121. Поньрко, Н. В. Святочный и масленичный смех / Н. В. Поньрко // Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачёв, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко. – Ленинград, 1984. – С. 154–175.
122. Поселянин, Е. Идеалы христианской жизни / Е. Поселянин. – Санкт-Петербург: Сагис: Держава, 2003. – 494 с.
123. Послание к римлянам святого апостола Павла. Глава 7 // Новый завет Господа нашего Иисуса Христа. – Москва, 2010. – С. 187–188.
124. Потебня, А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии / А. А. Потебня. – Харьков: Изд. М. В. Потебня, 1914. – 243 с.
125. Пошехонов, А. «Мне снились реки дождевые...»: стихотворения / А. Пошехонов // Вологодский литератор: сайт. – Режим доступа: <https://literator35.ru/2018/02>.
126. Преподобный Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Книга 2, глава 12 [Электронный ресурс] / Преподобный Иоанн Дамаскин // Азбука веры: православная энциклопедия. – Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Damaskin/tochnoe-izlozhenie-pravoslavnoj-very/.
127. Преподобный Макарий Великий. Духовные беседы / Преподобный Макарий Великий. – 3–е изд. – Москва: Изд-во Сретенского монастыря, 2017. – 656 с.
128. Преподобный Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения / Преподобный Нил Сорский и Иннокентий Комельский; издание подгот. Г. М. Прохоров. – 2–е изд., испр. – Санкт-Петербург: Изд-во Олега Абышко, 2009. – 424 с.
129. Пришвина, В. Д. Невидимый град / В. Д. Пришвина. – Москва: Художественная литература, 1962. – 552 с.
130. Пропп, В. Я. Проблемы комизма и смеха. Ритуальный смех в фольклоре / В. Я. Пропп. – Москва: Лабиринт, 1999. – 285 с.
131. Протоиерей Николай (Гурьянов). Слово жизни в духовных стихах, избранных для любителей духовного пения / Протоиерей Николай (Гурьянов). – 2–е изд. – Москва: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996. – 200 с.
132. Псалтирь: учебная. – Москва: Правило веры, 2006. – 797 с.
133. Райс, Э. Николай Клоев / Э. Райс // Сочинения: в 2 т. Т. 2 / Н. Клоев; под общей ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. – Мюнхен, 1969. – С. 53.
134. Розанов, Ю. В. Повесть В. И. Белова «Привычное дело» в зеркале литературной критики 1960–х годов / Ю. В. Розанов // Повесть В. И. Белова «Привычное дело» как вологодский текст / С. Ю. Баранов, Т. Н. Воронина, С. Х. Головкина, Е. Н. Ильина, С. Н. Патапенко, Ю. В. Розанов, А. В. Федорова, Н. Л. Фишер. – Вологда, 2016. – С. 106–124.

135. Романов, А. А. Последнее счастье: поэзия, проза, думы / А. А. Романов. – Вологда: Вологодская писательская организация: Полиграфист, 2003. – 263 с.
136. Романов, А.-мл. Жажда бытия Виктора Коротаяева. О творчестве вологодского поэта В. В. Коротаяева / А. Романов-мл. // Литературная Вологда – 2015: альманах вологодских писателей. – Вологда, 2015. – С. 376–386.
137. Роман Сладкопевец, преп. Гимн / преп. Роман Сладкопевец // Собрание сочинений. Переводы: Многоцветная жемчужина: пер. с сирийского и греч. / Сергей Аверинцев. – Киев: ДУХ І ЛІТЕРА, 2004. – С. 121–123.
138. Рубцов, Н. М. Стихотворения / Н. М. Рубцов. – Москва: Детская литература, 1978. – 299 с.
139. Рубцов, Н. М. Стихотворения / Н. М. Рубцов. – Москва: Эксмо, 2008. – 480 с.
140. Рыбаков, Б. А. Древние русы / Б. А. Рыбаков // Советская археология. Вып. XVII. – 1953. – С. 23–104.
141. Сазонов, Г. Звёздный вечер: избранные стихотворения, поэмы, поэтические циклы / Геннадий Сазонов; Литератур. сообщество писателей России, Волог. регион. отд-ние. – Вологда: Интелинформ, 2016. – 334 с.
142. Святитель Игнатий Брянчанинов, епископ Кавказский и Черноморский. Творения. Книга 4: Приношение современному монашеству / Святитель Игнатий Брянчанинов, епископ Кавказский и Черноморский. – Москва: Лепта, 2002. – 800 с.
143. Святитель Игнатий Брянчанинов. Творения. Книга 2: Аскетические опыты. Слово о человеке / Святитель Игнатий Брянчанинов. – Москва: Лепта, 2001. – 823 с.
144. Святитель Игнатий Брянчанинов, епископ Кавказский и Черноморский. Творения. Книга 1: Аскетические опыты / Святитель Игнатий Брянчанинов, епископ Кавказский и Черноморский. – Москва: Лепта, 2001. – 865 с.
145. Святитель Николай Сербский (Велимирович). Мир как слово / Святитель Николай Сербский (Велимирович) // Беседы под горой. – Москва, 2002. – С. 201, 203.
146. Святитель Николай (Велимирович). Символы и сигналы / Святитель Николай (Велимирович). – Москва: Покров, 2003. – 119 с.
147. Святитель Тихон Задонский. Христос грешную душу к себе призывает / Святитель Тихон Задонский // Молитвослов и наставления святителя Тихона Задонского. – Москва: Духовное преображение, 2015. – 351 с.
148. Священник Сергей Молотков. Практическая энциклопедия: основы правильной духовной жизни: по творениям святителя Игнатия (Брянчанинова) / Священник Сергей Молотков. – Санкт-Петербург: Сатис: Держава, 2006. – 599 с.
149. Священник Павел Флоренский. Сочинения: в 4 т. Т. 1 / Священник Павел Флоренский. – Москва: Мысль, 1994. – 797 с.
150. Священник Павел Флоренский. Сочинения: в 4 т. Т. 2 / Священник Павел Флоренский. – Москва: Мысль, 1994. – 623 с.

151. Селезнев, Ю. Василий Белов. Раздумья о творческой судьбе писателя / Ю. Селезнев. – Москва: Советская Россия, 1983. – 144 с.

152. Семенова, С. Г. Поэт «поддонной» России (Религиозно-философские мотивы творчества Николая Клоева) / С. Г. Семенова // Николай Клоев: исследования и материалы. – Москва, 1997. – С. 21–52.

153. Сергеева, О. А. Семантика и поэтика образа Свете Тихий в русской поэзии XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. А. Сергеева. – Санкт-Петербург, 2005. – 31 с.

154. Сидорова, Н. Под пение птиц / Н. Сидорова. – Вологда: Книжное наследие, 2008. – 112 с.

155. Сиротинская, И. П. Послесловие к письму В. Шаламова по поводу книги Н. Ивановой-Романовой / И. П. Сиротинская // Шаламовский сборник. Вып. 3 / сост. В. В. Есипов. – Вологда, 2002. – С. 5–6.

156. Ситько, Г. С. Старообрядчество – духовная основа поэзии Клоева / Г. С. Ситько // Вытегра: краевед. альманах. Вып. 2. – Вологда, 2000. – С. 196–201.

157. Скаковская, Л. Н. Фольклорная парадигма русской прозы последней трети XX века: дис. ... д-ра филол. наук / Л. Н. Скаковская. – Тверь, 2004. – 48 с.

158. Сквирская, Т. З. Разыскания в области стихов покаянных (по рукописным хранилищам Петербурга) / Т. З. Сквирская // Певческое наследие Древней Руси: история, теория, эстетика. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 303–325.

159. Смольников, С. Н. На золотом пороге немеркнущих времен. Поэтика имен собственных в произведениях Н. Клоева / С. Н. Смольников, Л. Г. Яцкевич; науч. ред. Г. В. Судаков. – Вологда: [б. и.], 2006. – 262 с.

160. Соколовы, Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края / Б. и Ю. Соколовы. – Москва: Печатня А. И. Снегиревой, 1915. – 666 с.

161. Соловьев, В. С. Национальный вопрос в России / В. С. Соловьев // Сочинения: в 2 т. Т. 1: Философская публицистика / В. С. Соловьев. – Москва: Правда, 1989. – 687 с.

162. Сочинения игумении Таисии (Солоповой). – Москва: Вентана-Граф, 2006. – 256 с.

163. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. — 824 с.

164. Стихи покаянные // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2: Л–Я / отв. ред. Д. С. Лихачев. – Ленинград, 1989. – С. 486.

165. Судаков, Г. В. Святитель Игнатий – духовный писатель XIX века / Г. В. Судаков // Русская речь. – 2002. – № 4. – С. 78–84.

166. Судаков, Г. В. Святитель Игнатий (Брянчанинов) как проповедник / Г. В. Судаков // Вологда: краевед. альманах. Вып. 4. – Вологда, 2003. – С. 360–366.

167. Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX – начала XXI века. Т. 1 / ред.-сост. А. Л. Казин. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2016. – 541 с.

168. Судьбы русской духовной традиции в отечественной литературе и искусстве XX – начале XXI века. Т. 2 / ред.-сост. А. Л. Казин. – Санкт-Петербург: Петрополис, 2017. – 539 с.

169. Сумаруков, Г. В. Кто есть кто в «Слове о полку Игореве» / Г. В. Сумаруков. – Москва: Изд-во МГУ, 1983. – 142 с.

170. Схиархимандрит Иоанн (Маслов). Симфония по творениям святителя Тихона Задонского / Схиархимандрит Иоанн (Маслов). – Москва: АОЗТ «Самшит», 1996. – 1180 с.

171. Творения преподобного Симеона Нового Богослова. Слова и гимны. Книга 3. – Москва: Сибирская Благовонница, 2011. – 759 с.

172. Терехин, Н. М. Сакральная география Русского Севера: (религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры) / Н. М. Терехин. – Архангельск: Поморский междунар. педагог. ун-т им. М. В. Ломоносова, 1993. – 223 с.

173. Толстой, Н. И. Этническое самопознание и самосознание Нестора Легописца, автора «Повести временных лет» / Н. И. Толстой // Наш современник. – 1994. – № 5. – С. 35–39.

174. Трубочёв, О. Н. Из славяно-иранских лексических отношений / О. Н. Трубочёв // Этимология. 1965: материалы и исследования по индоевропейским и другим языкам. – Москва, 1967. – С. 3–81.

175. Трубецкой, Е. Умозрение в красках. Вопрос о смысле жизни в древнерусской религиозной живописи (1916) / Е. Трубецкой // Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв.: антология. – Москва, 1993. – С. 195–219.

176. Трубецкой, Н. С. Курс истории древней философии [Электронный ресурс] / Н. С. Трубецкой. – Москва: ВЛАДОС: Русский Двор, 1997. – 576 с. – Режим доступа: <https://fil.wikireading.ru/38702>.

177. Тупичекова, М. П. Проблема комического в советской прозе 60–70-х годов: (В. Шукшин, В. Белов): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. П. Тупичекова. – Москва, 1987. – 21 с.

178. Успенский, Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей / Б. А. Успенский. – Москва: Изд-во Московского ун-та, 1982. – 245 с.

179. Устюжанин, Н. Вечная девушка / Николай Устюжанин // Вологодский лад: лит.-худож. жур. – 2018. – № 1. – С. 79–80.

180. Устюжанин, Н. Крестик / Николай Устюжанин // Бийский вестник. – Бийск, 2018. – С. 132–135.

181. Флоренский, П. А. Сочинения: в 2 т. Т. 2: У водоразделов мысли / П. А. Флоренский. – Москва: Правда, 1990. – 447 с.

182. Флоренский, П. А. Рассуждения на случай кончины отца Алексея Мечева / П. А. Флоренский // Сочинения: в 4 т. Т. 2 / священник Павел Флоренский. – Москва, 1994. – С. 591–621.

183. Флоренский, П. А. Записки о христианстве и культуре / П. А. Флоренский // Сочинения: в 4 т. Т. 2 / священник Павел Флоренский. – Москва, 1994. – С. 547–560.

184. Флоренский, П. А. Троице-Сергиева Лавра и Россия / П. А. Флоренский // Сочинения: в 4 т. Т. 2 / священник Павел Флоренский. – Москва, 1996. – С. 352–369.

185. Флоренский, П. А. Детям моим. Воспоминания прошлых дней / П. А. Флоренский // Имена. Сочинения / П. А. Флоренский. – Москва; Харьков, 1998. – С. 663–882.

186. Флоровский, Г. Пути русского богословия / Г. Флоровский. – Вильнюс: Вильнюс, 1991. – 601 с.

187. Фокина, О. А. Полудница: стихотворения и поэмы / О. А. Фокина. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1978. – 143 с.

188. Фокина, О. А. В нашу честь: избранная лирика / О. А. Фокина; вступ. статья И. А. Никитиной. – Москва: Классика, 2017. – 288 с.

189. Фроянов, И. «России нужны вера и правда» / И. Фроянов, А. Богачёв // РНЛ. Православный социализм: proetcontra. – 2016. – 28 сентября.

190. Хомяков, А. С. Стихотворения и драмы / А. С. Хомяков. – Москва: Советский писатель, 1969. – 595 с.

191. Цветаева, М. В полемике с веком / М. Цветаева. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 269 с.

192. Церковно-исторический атлас Вологодской области. Т. 1: Список церквей и монастырей / авт.-сост. Н. М. Македонская; Вологодское Православное Духовное училище. – Вологда: Древности Севера, 2007. – 256 с.

193. Цыганов, А. А. Ночью месяц пёк. Ерпыль. Под сосною, под зелёною. Рассказы / А. А. Цыганов // Литературная Вологда – 2015: альманах вологодских писателей. – Вологда, 2015. – С. 37–67.

194. Цыганов, А. А. Помяни моё слово: проза наших дней / Александр Цыганов; [ред. В. Н. Бараков]. – Вологда: Полиграф-Периодика, 2018. – 374 с.

195. Шадрин, А. Далекий плач: стихи, проза, воспоминания / А. Шадрин. – Вологда: [б. и.], 1994. – 142 с.

196. Шадрин, А. Стихотворения и поэмы / А. Шадрин. – Москва: Золотая аллея: Наш современник, 2001. – 127 с.

197. Шаламов, В. Т. Письмо В. Шаламова по поводу книги Н. М. Ивановой-Романовой / В. Т. Шаламов; публикация И. П. Сиротинской // Шаламовский сборник. Вып. 3 / сост. В. В. Есипов. – Вологда, 2002. – С. 4–5.

198. Шалапина, О. В. С низким поклоном милому городу / О. В. Шалапина // Череповец: краевед. альманах. Вып. 1. – Вологда, 1996. – С. 349–351.

199. Щепанская, Т. Е. Культура дороги на Русском Севере. Странник / Т. Е. Щепанская // Русский север. – Санкт-Петербург, 1992. – С. 192–126.
200. Юнг, К. Г. Самость / К. Г. Юнг // AION / К. Г. Юнг. – Москва; Киев, 1997. – С. 43–126.
201. Яцкевич, Л. Г. Структура поэтического текста: учеб. пособие / Л. Г. Яцкевич. – Вологда: Русь, 1999. – 238 с.
202. Яцкевич, Л. Г. Поэтическая география Николая Клюева / Л. Г. Яцкевич // Вытегра: краевед. альманах. Вып. 2. – Вологда, 2000. – С. 154–195.
203. Яцкевич, Л. Г. «Тверды не железом...» (Отражение национального самосознания в поэзии Н. А. Клюева) / Л. Г. Яцкевич // Вологда: краевед. альманах. Вып. 3. – Вологда, 2000. – С. 367–374.
204. Яцкевич, Л. Г. Поэтическое слово Николая Клюева / Л. Г. Яцкевич, С. Х. Головкина, С. Б. Виноградова. – Вологда: Русь, 2005. – 248 с.
205. Яцкевич, Л. Г. Осевое пространство и время в поэзии М. Цветаевой и Н. Клюева / Л. Г. Яцкевич // Век и вечность: Марина Цветаева и поэзия XX века: материалы конф. – Череповец, 2001. – С. 21–27.
206. Яцкевич, Л. Г. Китоврас: имя, архетипы, поэтические образы / Л. Г. Яцкевич // История русского слова: проблемы ономастики и специальной лексики. – Вологда, 2002. – С. 109–128.
207. Яцкевич, Л. Г. О национальной самодостаточности русского языка и призраке транзитивной философии / Л. Г. Яцкевич // Слово и предложение: исследования по русскому языку и методике преподавания: сборник науч. статей в честь 70-летия проф. В. П. Проничева. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 224–240.
208. Яцкевич, Л. Г. Н. А. Клюев – наследник древнерусской культуры на Русском Севере. Глава 1 / Л. Г. Яцкевич // Поэтическое слово Николая Клюева / Л. Г. Яцкевич, С. Х. Головкина, С. Б. Виноградова. – Вологда, 2005. – С. 12–68.
209. Яцкевич, Л. Г. Святоотеческие традиции употребления слова ум в русской литературе / Л. Г. Яцкевич // Проблемы текста: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения Д. С. Лихачёва: словесность. – Вологда, 2006. – С. 3–18.
210. Яцкевич, Л. Г. Святой Николай в жизни и творчестве Н. А. Клюева / Л. Г. Яцкевич // Почитание Святителю Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве. – Москва, 2007. – С. 85–88.
211. Яцкевич, Л. Г. «Взойдёт любовь на вечный срок ...»: христианский идеал любви в поэзии Н. М. Рубцов / Л. Г. Яцкевич // Н. М. Рубцов и Православие: сборник статей о творчестве Н. М. Рубцова. – Москва, 2009. – С. 307–316.
212. Яцкевич, Л. Г. Поэт и блаженный / Л. Г. Яцкевич // Берега: лит.-худож. и обществ.-политический журнал. – Калининград, 2017. – № 6. – С. 117–131.
213. Makin, M. Nikolai Klyuev: time and text, place and poet / M. Makin; Northwestern University Press. – Evanston, Illinois, 2010. – 416 p.

214. Vroon, R. Старообрядчество, сектантство и «сакральная речь» в поэзии Николая Клюева / Ronald Vroon // Николай Клюев: исследования и материалы. – Москва, 1997. – С. 54–67.

215. Рибера, Х. Мария Египетская [Электронный ресурс] / Хусепе де Рибера // Покаяние.ru: сайт. – Режим доступа: <http://www.pokaianie.ru/article/11227/read/24543>.

216. Стихи про святых [Электронный ресурс] // Au jour le jour: блог. – Режим доступа: http://veravverav.blogspot.com/2015/12/blog-post_7.html.

217. Поэмбук [Электронный ресурс]: поэтическая социальная сеть. – Режим доступа: <https://poembook.ru/>.

218. Лазаренко, Т. Стих «Стояние Марии Египетской» [Электронный ресурс] / Т. Лазаренко // Никольский храм п. Добринка Липецкой области: офиц. сайт. – Режим доступа: http://pravera.ru/index/stikh_stojanie_marii_egipetskoj/0-2964.

219. Святая Мария Египетская [Электронный ресурс]: [песня] // Изба-Читальня: литерат.-худож. портал. – Режим доступа: <https://www.chitalnya.ru/work/845716/>.

220. Мариино стояние [Электронный ресурс] // Стихи Александра Еремина: сайт. – Режим доступа: <http://lira.life/6914>.

221. Русецкая, Е. Прп. Марии Египетской [Электронный ресурс] / Е. Русецкая // Стихи Руси: поэзия Елены Русецкой: сайт. – Режим доступа: <http://xn--h1aaa5acddlp.xn--p1ai/prp-marii-egipetskoj/>.

222. Батюшков, К. Н. Нечто о морали, основанной на философии и религии [Электронный ресурс] / К. Н. Батюшков // Опыты в стихах и прозе / К. Н. Батюшков. – Москва, 1977. – С. 182–196. – Режим доступа: <http://batyushkov.lit-info.ru/batyushkov/proza/nechto-o-morali.htm>.

223. Карамзин, Н. М. Мелодор к Филалету – Филалет к Мелодору [Электронный ресурс] / Н. М. Карамзин // Литература и жизнь: сайт. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/karamzin/karamzin_melodor.html.

224. Максин, Ю. Раб машинный [Электронный ресурс] / Ю. Максин // Вологодский литератор: офиц. сайт. – Режим доступа: <https://literator35.ru/2018/02/writers-word/rab-mashinnyj/>.

СЛОВАРИ

Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1–4 / В. Даль. – Репринт. изд. 1880–1882 гг. – Москва: Русский язык, 1978. – Д

Полный церковнославянский словарь / сост. Г. Дьяченко. – Москва: Посад, Издат. отдел Московской Патриархата, 1993. – 1120 с. – ПЦСС

Пословицы русского народа: сборник В. Даля: в 3 т. Т. 3. – Москва: Русская книга, 1998. – 736 с. – ДП

Поэтический словарь Николая Клюева. Вып. 1: Частотные словоуказатели / [авт.-сост. М. В. Богданова, С. Б. Виноградова, С. Х. Головкина, С. Н. Смольников, Л. Г. Яцкевич; под ред. С. Х. Головкиной, С. Н. Смольникова]. – Вологда: Граффити, 2007. – 256 с. – ПСК, 1.

Поэтический словарь Н. А. Клюева. Вып. 2: Соматизмы / [авт.-сост. С. Б. Виноградова, С. Х. Головкина, С. Н. Смольников, Л. Г. Яцкевич; под ред. С. Х. Головкиной, С. Н. Смольникова, Л. Г. Яцкевич]. – Вологда: Граффити, 2010. – 204 с. – ПСК, 2.

Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. Т. 2. / А. Г. Преображенский. – Москва: Издательство иностранных и национальных словарей, 1959. – ПЭСРЯ

Сидоренко, М. И. Словарь языка и рифм поэзии Н. Рубцова / М. И. Сидоренко. – Череповец: Порт-Апрель, 2005. – 436 с. – ССР

Славянская мифология: энциклопедический словарь. – Москва: Эллис Лак, 1995. – 416 с. – СМ

Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12 / под ред. Т. Г. Паникаровской и Л. Ю. Зориной. – Вологда: Изд-во ВГПИ / ВГПУ, 1983–2007. – СВГ

Словарь квасонинского говора / сост. Л. Г. Яцкевич. – Машинопись. – Вологда, 225 с. – СКГ

Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (Т. 1–21); Ф. П. Сороколетов (Т. 22–38). – Ленинград: Санкт-Петербург, 1965–2004. – СРНГ

Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Русский язык, 1981. – 689 с. – МАС

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6 – Москва: Наука, 1979. – 362 с. – СРЯ XI – XVII вв.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – Москва: Русский язык, 1999. – 842 с. – СС

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1–29 / под ред. О. Н. Трубачёва. – Москва: Наука, 1974–2002. – ЭССЯ

Частотный словарь языка Лермонтова / под ред. В. В. Бородина, А. Я. Шайкевича // Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. – Москва, 1981. – С. 717–774. – ЛЭ

Шанский, Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителя / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Т. В. Шанская; под ред. С. Г. Бархударова. – Москва: Просвещение, 1961. – 542 с. – ШКЭСРЯ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ВОЛОГОДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ, ПОЭТОВ И ЛИТЕРАТУРОВЕДОВ

Архипов Николай Ильич (1887–1967) – искусствовед, друг поэта Н. А. Клюева.
27, 40, 255

Астафьев Виктор Петрович (1924–2001) – известный писатель, живший в Вологде с 1969 по 1980 год.

Афанасьев Александр (1908–1945) – поэт, политический ссыльный, студент МГУ, член троцкистской организации, высланный в Череповец в 1929 г.
168

Багров Сергей Петрович (1936) – известный вологодский писатель, друг Николая Рубцова.
136

Бараков Виктор Николаевич – литературовед, критик, доктор филологических наук, профессор, исследователь «почвенного» направления в русской литературе, творчества Н. М. Рубцова, Ю. П. Кузнецова и других современных поэтов и писателей.

Баранов Сергей Юрьевич – литературовед, заведующий кафедрой литературы Вологодского университета, кандидат филологических наук, доцент, издатель собрания сочинений В. И. Белова и других вологодских писателей.
215

Батюшков Константин Николаевич (1787–1855) – талантливый поэт, друг А. С. Пушкина.
121, 183–189, 248–251, 264

Белов Василий Иванович (1932–2012) – выдающийся русский писатель.
81, 206–217, 219–222, 225, 227–228, 230–233, 236, 243–246, 361

Брянчанинов Игнатий (в миру Дмитрий Александрович Брянчанинов, 1807–1867) – святитель, епископ, богослов и проповедник, духовный писатель.
11, 30, 85, 121, 141, 143, 190, 316

Верюжский Иван Петрович (1820–1907) – православный духовный писатель, агиограф, архимандрит, автор книги «Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковью и местно чтимых».

Ганин Алексей Алексеевич (1893–1925) – поэт и прозаик, близкий друг С. А. Есенина.

134–135, 137, 142, 201

Груздева Нина (1936–2016) – вологодский поэт.

Дегтерёв Николай – вологодский поэт.

190

Иванова-Романова Нина Михайловна (1909–1995 гг.) – поэтесса, прозаик.

176, 181

Карачёв Михаил Иванович (1953) – талантливый вологодский поэт.

160–161, 163–166, 204

Клюев Николай Алексеевич (1884–1937) – талантливый русский поэт.

19, 27, 30–32, 34–71, 73–74, 78, 93–94, 96–98, 100, 102, 104–113, 115–116, 121, 127, 130–134, 137, 149, 251–263, 265–274, 290, 292–293, 330, 347–348, 352, 355–356, 358, 363–364, 367

Козлов Константин Олегович (1973) – вологодский поэт.

121, 321–323, 332

Кортаев Виктор Вениаминович (1939–1997) – талантливый вологодский поэт.

74–75, 77, 301, 303, 326, 328, 341, 344, 350, 366

Лушников Андрей Евстафьевич (1964) – вологодский поэт и прозаик.

17, 117, 121, 319, 321

Максин Юрий Михайлович (1954) – вологодский поэт.

10, 13, 302, 336, 346, 360

Мишнев Станислав Михайлович (1948) – вологодский писатель.

307, 309–310, 312

Муравьев Андрей Николаевич (1806–1874) – духовный писатель, историк церкви, паломник по святым местам, назвавший Вологодский край Северной Фиваидой.

Нил Сорский (в миру Николай Майков; 1433–1508) – православный святой, преподобный, основатель скитского жительства на Руси, автор «Предания», «Устава о скитской жизни», а также ряда посланий, известный своими нестяжательскими взглядами.

98

Обогуров Василий Александрович (1938–2008) – вологодский писатель, литературный критик.

10, 213, 216

Попехонов Александр – поэт, живёт в Череповце.

85–86, 88–92, 121, 303

Розанов Юрий Владимирович – литературовед, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Вологодского государственного университета, исследователь творчества вологодских писателей.

Романов Александр Александрович (1930–1999) – талантливый вологодский поэт и прозаик.

6, 75, 78–79, 81, 287, 326, 335, 340–342, 344, 368

Рубцов Николай Михайлович (1935–1971) – выдающийся вологодский поэт.

24, 76, 78, 121, 140–143, 151–154, 159, 164, 198–200, 230, 274–278, 285, 287, 289, 293–294, 296, 324, 327, 349, 351–352, 361–362, 365

Сазонов Геннадий Алексеевич – известный журналист, прозаик, поэт.

123, 198

Сидорова Наталия Петровна – талантливая вологодская поэтесса.

121, 144–146

Устюжанин Николай (псевдоним) – Барakov Виктор Николаевич, вологодский писатель.

236–237, 240–241

Фокина Ольга Александровна – известная талантливая поэтесса.

Цыганов Александр Александрович – талантливый вологодский писатель.

81, 190–192, 194–195, 198, 241–242, 244–246, 307, 312, 314

Шадрин Алексей (1973–1972) – талантливый поэт из Белозерска.

136–138, 142, 202–204, 280, 296, 329

Шаламов Варлаам Тихонович (1907–1982) – известный поэт и прозаик.

112, 167–168

Шаляпина Ольга Владимировна – литературовед, доцент кафедры литературы Череповецкого государственного университета.

Яцкевич Людмила Григорьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Вологодского государственного университета, исследователь языка и творчества вологодских писателей.

Научное издание

Яцкевич Людмила Григорьевна

ПРАВОСЛАВНОЕ СЛОВО

В ТВОРЧЕСТВЕ ВОЛОГОДСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

*В оформлении обложки использована фотография
церкви Входа Господня в Иерусалим (г. Тотьма)*

ISBN 978-5-9729-0365-8

Подписано в печать 12.04.2019
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Calibri».

Издательство «Инфра-Инженерия»
160011, г. Вологда, ул. Козленская, д. 63
Тел.: 8 (800) 250-66-01
E-mail: booking@infra-e.ru
<https://infra-e.ru>

Издательство приглашает
к сотрудничеству авторов